

Мощелуй Архангела

Гильдия Охотников - 2

НАЛИНИ СИНГХ

Автор бестселлеров *Нью-Йорк Таймс* Налини Сингх возвращает в мир ангельских правителей, вампиров-слуг и женщины, которую втянули в мрачный, чарующий мир... Охотница на вампиров Елена Деверо очнулась от комы, длившейся год и обнаружила, что стала ангелом, с крыльями цвета полуночи и багрянца, но истерзанному телу Елены требуется время на восстановление прежде, чем она сможет летать. Ее возлюбленный, потрясающий и опасный Архангел, Рафаэль привык все контролировать — особенно когда дело касается женщины, которую он считает своей. Но у Елены всегда были проблемы с подчинением. Они едва начали понимать друг друга, когда Рафаэль получает приглашение на бал от Архангела, Ли Цзюань. Отказаться значит проявить фатальную слабость, поэтому Рафаэль должен подготовить Елену к перелету в Пекин — и к кошмару, ожидающему их там. У древней и не испытывающей мук совести Ли Цзюань есть сила, связанная с мертвыми. И Архангел организовала самый идеальный и самый жестокий прием для Елены.

Налини Сингх

Поцелуй архангела

Серия: Гильдия охотников — 2

Переводчики: navaprecious, inventia, oks9, silvermoon, guzelle, Yogik,
ZarinaKatarina, Koenigsegg_Agera

Редактор: navaprecious, natali1875

Русифицированная обложка: inventia

Глава 1

Елена схватилась за балконные перила и уставилась на узкое ущелье, которое угрожающей клыкастой пастью простиралось внизу.

Отсюда скалы выглядели словно острые клыки, готовые искусать, искромсать и разорвать. Девушка сильнее схватилась за перила, поскольку ледяной ветер угрожал снести ее в неумолимую пасть.

— Год назад, — прошептала Елена, — я и не догадывалась о существовании Убежища, а сегодня — стою здесь.

Беспорядочно раскинувшийся город из мрамора и стекла тянулся во всех направлениях, его изысканные контуры казались совершенными под опаляющим клеймом солнца.

Деревья с темной густой листвой обеспечивали умиротворяющие участки зелени с обеих сторон ущелья, которое рассекало город огромной пропастью, тогда как заснеженные горы врзались в горизонт. И никаких дорог, ни многоэтажных домов, нарушающих это неземное изящество.

Но, при всей красоте, в этом месте чувствовалось нечто чуждое, витало смутное ощущение, словно под золоченой поверхностью притаилась тьма.

Втянув воздух, пропитанный леденящей свежестью горных ветров, она подняла взгляд на... ангелов. Так много ангелов. Их крылья заполнили небосвод над городом, который, казалось, словно вырос из скалы.

Сраженные ангелом, смертные, которые в буквальном смысле впадали в транс от вида ангельских крыльев, разрыдались бы, окажись они в этом месте с существами, которым поклонялись.

Но Елена видела, как Архангел смеялся, вырывая глаза вампиру и притворяясь, что хочет их съесть, а затем раздавил эту мягкую массу. Содрогнувшись, она подумала, что это совсем не подпадает под ее определение рая.

Она услышала шелест крыльев за спиной, и сильные руки легли на её бедра.

— Ты устала, Елена. Иди внутрь.

Она осталась на месте, хотя ощущать его, столь сильного, опасного, непоколебимого мужчину, прикасающегося к чувствительной поверхности ее крыльев, заставило желать задрожать в экстазе.

— Ты думаешь, что и сейчас вправе мной командовать?

Архангел Нью-Йорка — существо настолько смертоносное, что часть Елены боялась его даже сейчас — убрал волосы с ее затылка и прикоснулся губами к коже.

— Конечно. Ты моя, — в его словах не было ни малейшего намёка на шутку, лишь абсолютное собственничество.

— Не думаю, что ты вполне осознал, что же такое истинная любовь, — Рафаэль накормил Елену амброзией со своих губ, сделал бессмертной, дал крылья — крылья! — все потому, что влюбился. В нее, охотницу, смертную... больше не смертную.

— Как бы то ни было, тебе пора вернуться в постель.

А затем Елена оказалась на руках Архангела, хотя не помнила как отпускала перила. Но, наверное, она это сделала, поскольку к рукам вновь приливалась кровь, кожа натянулась — болезненные ощущения.

И пока Елена старалась подавить медленно разгорающееся пламя, Рафаэль внес ее через

раздвижные двери в великолепную комнату со стеклянными стенами, находящуюся на самой вершине крепости из мрамора и кварца, столь же твердую и недвижимую, как и горы вокруг.

Ярость заискрила в крови девушки.

— Прочь из моей головы, Рафаэль!

"Почему?"

— Потому что я не раз говорила, что не твоя игрушка, — Елена стиснула зубы, когда Рафаэль положил ее на воздушно-мягкую постель с пышными подушками. Но матрас не прогнулся под ее ладонями, когда она, опершись на него, села в кровати.

— Любимый, — Боже, она все еще с трудом верила, что увлеклась и влюбилась в Архангела, — должен быть равноправным партнером, а не игрушкой, которой можно управлять.

Глаза ультрамаринового цвета, из-за которых люди превращались в рабов, пряди угольно-черных волос, обрамляющих идеальной красоты лицо... с чуть больше нежели крупницей жестокости.

— Ты очнулась от годовой комы ровно три дня назад, — произнес он. — Я же прожил больше тысячи лет. Ты стала мне ровней не больше, чем была до того, как я подарил тебе бессмертие.

Гнев стал стеной белого шума в ушах Елены. Она хотела выстрелить в Рафаэля, как уже сделала однажды. От этой мысли в ее голове каскадом полились воспоминания — темно-красные капли крови, разорванное крыло, остекленевшие от шока глаза Рафаэля. Нет... она не хочет вновь стрелять в него, но архангел пробуждает в ней жажду насилия.

— Тогда, кто я?

— Моя.

Неправильно ли, что спину Елены опалило искрами от услышанного, от абсолютного собственничества, промелькнувшего в голосе Архангела, и темной страсти, проявившейся на лице? Скорее всего да. Но Елене было все равно.

Елену волновал лишь тот факт, что теперь она была связана с Архангелом, который считал, будто основные правила изменились.

— Да, — согласилась она. — Мое сердце принадлежит тебе. — В его глазах вспыхнуло удовлетворение. — Но больше ничего, — их взгляды схлестнулись, Елена не желала отступить. — Значит, я младенец по меркам бессмертных. Ладно. Но я все же охотница. Хорошая настолько, что ты нанял меня.

Раздражение сменило страсть.

— Ты ангел.

— С магическими деньгами ангела?

— Деньги не главное.

— Конечно, нет, ты богаче Мидаса, — пробубнила Елена. — Но я не собираюсь становиться твоей маленькой жевательной игрушкой...

— Жевательной игрушкой? — в глазах Архангела заблестели огоньки развлечения.

Елена проигнорировала Рафаэля.

— Сара сказала, что я могу вернуться на работу, когда пожелаю.

— Сейчас твоя преданность ангелам превышает преданности Охотникам Гильдии.

— Микаэла — Сара, Микаэла — Сара, — пробубнила Елена притворно задумчивым голосом. — Ангельская Богиня-Стерва против лучшей подруги, ну и дела, какую же сторону, думаешь, я выберу?

— Но это всё равно не важно, правда? — спросил Рафаэль, приподняв бровь.

У Елены появилось такое чувство, что архангел знал что-то, неизвестное ей.

— Почему нет?

— Ты не сможешь привести в действие никакой из своих планов, пока не научишься летать.

Эти слова заткнули Елену. Она впиалась взглядом в Рафаэля и упала на подушки, медленно раскинув крылья, на которых цвет безлунной ночи перетекал в индиго, затем сменялся темно-синим и, озаряясь багрянцем, наконец, приобретал сверкающий оттенок белого золота.

Попытка дуться длилась около двух секунд. Елена и угрюмость никогда не были совместимы. Даже Джеффри Деверо, презирающий всё в своей "отвратительной" дочери, не смог приписать Елене этот грех.

— Тогда научи меня, — сказала она, выпрямившись. — Я готова. — Желание летать сдавливало, словно тиски, стало опустошающей душу потребностью.

Выражение лица Рафаэля не изменилось.

— Ты даже не можешь дойти до балкона без посторонней помощи. Ты слабее птенца.

Она видела, как за обладателями маленьких крыльев и тел присматривали те, у кого они больше. Их было немного, но достаточно.

— Убежище, — спросила Елена. — Это безопасное место для ангельских детей?

— Это место являет собой всё, что нам необходимо, — взгляд глаз чистейшего греха переместился к двери. — Идёт Дмитрий.

Елена втянула воздух, ощутив, как искушающий аромат Дмитрия обернулся вокруг нее, заскользил словно мех, секс и распутное потакание желаниям. К сожалению, после трансформации Елена не получила иммунитет к этому специфическому вампирскому трюку.

С другой стороны, это хорошо.

— С одним ты не поспоришь — я до сих пор могу выследить вампира по запаху.

И это определяло Елену как прирожденного охотника.

— У тебя есть потенциал, чтобы принести нам пользу, Елена.

Елена задумалась, знал ли Рафаэль, насколько заносчиво это прозвучало. Она так не думала. Рафаэль оставался непобедимым на протяжении стольких лет, что даже представить трудно, поэтому высокомерие стало частью его природы... "Но все же, его можно ранить", — подумала Елена.

Когда разверзся ад, и Ангел Крови попытался уничтожить Нью-Йорк, Рафаэли предпочел умереть с Еленой, а не оставить ее изувеченное тело на том выступе высоты над Манхэттеном.

Воспоминания об этом были смутные, но она помнила порванные крылья, окровавленное лицо, руки, бережно удерживающие ее, когда они упали на расprostертую внизу несокрушимую твердь городских улиц. Сердце Елены сжалось.

— Скажи мне кое-что, Рафаэль.

Он уже поворачивался, направляясь к двери.

— Что ты хочешь знать, Охотница Гильдии?

Елена скрыла улыбку на такой промах.

— Как мне тебя называть? Мужем? Суженым? Парнем?

Рафаэль замер, положив руку на ручку двери и бросил на Елену непроницаемый взгляд.

— Можешь звать меня "Мастер".

Елена смотрела на закрытую дверь, гадая, не играет ли он с ней. Она не была уверена. Не знала его достаточно хорошо, чтобы разгадать его настроение и отличить истину от лжи.

Их свела агония боли и страха, угроза смерти подтолкнула их к союзу, который, возможно, возник бы лишь через годы, если бы Урам не сошел с ума от крови и не оставил дорожку из убийств по всему миру.

Рафаэль сказал ей, что, согласно легенде, только настоящая любовь позволяет амброзии цвести на языке архангела и способна превратить человека в ангела, но, возможно, ее перерождение не связано с глубочайшей из эмоций, а всё произошло лишь благодаря редкому биологическому симбиозу?

В конце концов, вампиров создали ангелы, и биологическая совместимость сыграла важную роль в этой трансформации.

— Черт побери. — Она потеряла ладонью грудь в районе сердца, пытаясь унять внезапно возникшую боль.

"Ты заинтриговала меня". Он сказал это в самом начале. Возможно, в какой-то степени — это значит, что он увлечен ею.

— Елена, будь честна с собой, — прошептала она, проводя пальцами по великолепным крыльям, которые были его подарком для нее, — это ты увлечена.

Но она не станет рабыней.

— Мастер, как же!

Она посмотрела на небо за балконными дверями и почувствовала, что полна решимости — больше не нужно ждать. Теперь она не человек, а, значит, из-за комы ее мышцы не ослабли.

Но мышцы прошли трансформацию, какую она и представить себе не могла — все казалось слабым, новым. Таким образом, хоть ей и не нужна реабилитация, тренировки все же нужны.

Особенно, когда дело касалось крыльев.

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. — Приняв сидячее положение, она сделала глубокий успокаивающий вдох... и расправила крылья.

— Боже, больно! — Стиснув зубы, со слезами на глазах, она продолжала растягивать неиспользуемые, незнакомые мышцы, медленно складывая крылья, затем снова расправляя.

После того, как Елена повторила это три раза, слезы настолько пропитали её губы, что она могла чувствовать лишь соль, кожа покрылась слоем пота, который мерцал в солнечном свете, пробивающимся через стекло.

В этот момент вернулся Рафаэль. Она ждала скандала, но архангел просто сел в кресло напротив кровати, не отводя от Елены глаз.

Пока Елена настороженно наблюдала, он положил щиколотку одной ноги на колено другой и начал постукивать по голенищу ботинка тяжелым белым конвертом с золотой каймой.

Не отводя взгляда от архангела, Елена еще два раза расправила крылья. Спина стала подобно желе, мышцы живота болели от напряжения.

— Что, — пауза для вдоха, — в конверте?

Ее крылья с хлопком свернулись, и Елена обнаружила, что оперлась на спинку кровати. Несколько секунд понадобилось для осознания того, что сделал Рафаэль.

Что-то ледяное развернулось в глубине ее души, даже когда он подошел и бросил на

кровать полотенце, а затем вернулся в кресло. Ни фига, так не будет продолжаться.

Однако, несмотря на буйное неистовство, Елена вытерла лицо и держала свой рот закрытым. Потому что он прав — теперь она ему не ровня, отнюдь нет.

Кома немного травмировала Елену. Но на данный момент, охотница собиралась работать над щитами, которые начала развивать еще до того, как превратилась в ангела.

Есть шанс — учитывая изменения — что теперь она сможет удерживать их дольше.

Заставляя напряженные мышцы плеч расслабиться, Елена взяла нож, лежавший на прикроватной тумбочке и начала чистить девственное лезвие краешком полотенца.

— Почувствовал себя лучше?

— Нет, — он сжал губы. — Тебе нужно прислушаться ко мне, Елена. Я не желаю причинять боль, но не могу позволить тебе поступать так, чтобы ставить под сомнение мой контроль.

Чего?

— Какие именно отношения бывают между архангелами? — спросила Елена из чистого любопытства.

Это заставило Рафаэля на минуту замолчать.

— Теперь, после того, как отношения между Микаэлой и Урамом разрушены, мне известна лишь одна стабильная связь.

— Богиня-Стерва — ещё один архангел, поэтому они были равны.

Рафаэль коротко кивнул, и сей жест был скорее знаком обдумывания, чем простым движением. Его красота была настолько невероятной, что Елене становилось тяжело думать, хоть она и знала, что архангел обладает склонностью к безжалостности, которая вшита в самую сущность его души.

Эта безжалостность превращалась в яростный контроль в кровати, вроде того, который заставляет женщину кричать, когда кожа становится слишком тесной для тела, знающего лишь голод.

— Кто другие двое? — спросила она, сглотнув резко возросшее глубокое желание. Рафаэль с момента пробуждения держал её в своих объятьях — сильных, мощных и порой душераздирающе нежных.

Но сегодня тело Елены жаждало более порочных прикосновений.

— Илия и Ханна, — его глаза засверкали и сменили цвет, приобретая оттенок, который Елена видела однажды в студии художника. Лазурь. Вот как он назывался — берлинская лазурь. Насыщенный. Экзотический. Настолько земной, что Елена никогда бы не поверила, что увидит его в глазах ангела, пока не встретила Архангела Нью-Йорка. — Тебе нужно вылечиться, Елена. После я научу тебя, как танцуют ангелы.

Во рту пересохло от дремлющего жара в этом внешне спокойном заявлении.

— Илия? — подсказала она, её голос прозвучал хрипло, словно завлекая.

Рафаэль продолжал удерживать ее взгляд, его губы были столь чувственны и безжалостны одновременно.

— Они с Ханной вместе на протяжении веков. Хотя ее сила со временем возросла, говорят, что она довольствуется участью помощницы.

Елена задумалась на некоторое время над старомодным выражением.

— Ветер под его крыльями?

— Если тебе так нравится, — внезапно на его лице появились жесткие линии и угловатость — мужская красота в чистой, самой беспощадной форме. — Ты не исчезнешь.

Елена не поняла обвинение это или приказ.

— Нет.

Даже говоря это, она чётко сознавала, что придется использовать каждую унцию силы воли, чтобы поддерживать свою индивидуальность в схватке с невероятной мощью Рафаэля.

Он вновь начал постукивать конвертом явным преднамеренным движением.

— Судя по сегодняшнему, ты находишься на пределе. Тебе нужно встать на ноги и научиться летать всего за два месяца.

— Почему? — спросила Елена, пока восторг пузырился в ее крови.

Берлинская лазурь заледенела и превратилась в чёрную мерзлоту.

— Ли Цзюань устраивает бал в твою честь.

— Мы говорим о Чжоу Ли Цзюань, старейшей из архангелов? — пузырьки восторга сдулись и стали безжизненными. — Она... другая.

— Да. Она развилась, — намёк на мрачность прошелестел в тоне Рафаэля настолько плотными тенями, что их можно было ощутить. — Она больше не принадлежит этому миру.

Кожу Елены покалывало, поскольку сказать такое о бессмертном...

— Зачем ей устраивать бал в мою честь? Она меня совсем не знает.

— Наоборот, Елена. Весь Совет Десяти знает о тебе — в конце концов, мы ведь тебя наняли.

Мысль о том, что сильнейшие существа в мире интересуются Еленой, заставила девушку покрыться холодным потом. Не помогало даже то, что Рафаэль один из них. Она знала, на что он способен, какой владеет силой, как легко для него переступить черту к истинному злу.

— Теперь вас только девять, — произнесла она. — Урам мёртв. Или вы нашли ему замену, пока я была в коме?

— Нет. Время людей мало значит для нас, — произнёс Рафаэль с обычным безразличием бессмертного. — Что же до Ли Цзюань — всё дело в силе. Она желает увидеть мою маленькую любимцу, посмотреть на мою слабость.

Его любимца. Его слабость.

— Это её слова или твои?

— Это важно? — небрежно пожал плечами Рафаэль. — Ведь так и есть.

Елена бросила нож с убийственной точностью. Рафаэль поймал его в воздухе — за лезвие. Алая кровь потекла по золотой коже.

— Разве не ты последний раз истекала кровью? — спросил он непринужденно, уронив нож на ранее чисто-белый ковер и сжал руку в кулак. Кровь остановилась в ту же секунду.

— Ты заставил меня сжать руку на лезвии. — Сердце Елены всё ещё бешено колотилось от невероятной скорости Рафаэля, свидетелем которой она стала. Боже. И она поделила с этим мужчиной свою постель. Страстно желала его даже сейчас.

— Хм. — Он встал и подошел к ней.

В этот момент, хоть Рафаэль и сказал, что никогда не причинит ей боли, Елена не была в этом уверена. Она вцепилась в простынь, когда архангел подошел и сел перед ней, одно его крыло лежало на её ногах. Оно было теплым и, на удивление, тяжелым.

Теперь Елена начинала понимать, что крылья у ангелов — не просто украшение. Они состояли из костей, покрытых мышцами и сухожилиями, и, как и любой другой мускул, нуждались в том, чтобы их укрепляли перед использованием.

Раньше Елене приходилось беспокоиться о том, как бы не споткнуться от переутомления. Теперь же стоило волноваться, чтобы не упасть с неба.

Но сейчас совсем не опасность мелькала перед её глазами.

Нет, всё, что видела Елена — голубой цвет.

До встречи с Рафаэлем Елена никогда не ассоциировала этот оттенок синего с грехом, обольщением. Болью.

Рафаэль наклонился и пальцами, которые могли доставить до боли мучительное удовольствие, убрал волосы с ее шеи... а затем прижался губами к местечку, где пульс бился рваным ритмом. От этого Елена задрожала и обнаружила, что зарылась пальцами в волосы Архангела.

Он вновь её поцеловал, разжигая в животе жар, разливающийся ленивой грацией и потребностью по телу Елены с каждым ударом сердца.

Когда Елена что-то уловила периферийным зрением, она поняла, что Рафаэль осыпает ее ангельской пылью — роскошной, восхитительной субстанцией, за которую смертные платят баснословные суммы.

Но смесь Рафаэля была особенной, только для Елены. Когда Елена вдохнула пылинки, соблазн возрос до таких размеров, что она могла думать лишь о сексе, боль в крыльях, даже гнев, оказались позабыты.

— Да, — прошептал архангел. — Думаю, ты на протяжении веков будешь интриговать меня.

Сказанное должно было разрушить момент, но этого не произошло. Не тогда, пока в глазах и голосе Рафаэля было столько эротичности.

Елена осознала, что притягивает его ближе к себе, но челюсть архангела напряглась.

— Нет, Елена. Я сломаю тебя. — Грубые слова, но правдивые. — Прочти.

Рафаэль поднялся, бросив конверт на постель. Он расправил великолепные белые

крылья — кончик каждого перышка которых был покрыт блестящим золотом — осыпая Елену пылью блаженства.

— Прекрати, — ее голос был хриплым, во рту ясно ощущался острый, мужской вкус Рафаэля. — Когда я научусь так делать?

— Такая способность развивается с течением времени и не каждому ангелу даётся, — он сложил крылья. — Возможно, лет через четыреста, ты узнаешь.

Елена уставилась на него.

— Четыреста? Лет?

— Теперь ты бессмертна.

— Насколько бессмертна? — это не идиотский вопрос. Елена слишком хорошо знала, что и архангелы могут умереть.

— Чтобы сила бессмертия возросла и укоренилась, требуется время, а ты едва сформировалась. Сейчас даже сильный вампир может тебя убить, — слегка склонив на бок голову, архангел устремил взгляд на небо за стеклом, которое, по словам самого Рафаэля, было светоотражающим и обеспечивало Елене уединение, чтобы она могла изучать Убежище, не беспокоясь, что за ней наблюдают. — Кажется, сегодня Убежище пользуется популярностью, — с этими словами он шагнул к дверям балкона. — Мы должны пойти на этот бал, Елена. Не сделать этого означает выказать фатальную слабость, — закрыв за собой двери, Рафаэль расправил крылья и вертикально взмыл в высь.

Елена ахнула от неумышленной демонстрации силы. Теперь, ощущая вес крыльев за спиной, она понимала экстраординарную природу вертикальных взлетов Рафаэля.

Она видела, как он пронесся мимо балкона и улетел прочь. Сердце все еще колотилось от сочетания его поцелуя и демонстрации блестящих навыков полёта, когда, наконец, она взглянула на конверт.

Как только Елена коснулась белой бумаги кончиками пальцев, волосы на руках встали дыбом. Было жуткое ощущение, будто конверт лежал в каком-то холодном месте и не сможет стать теплее, несмотря ни на что.

Некоторые назвали бы это замогильным холодом.

Кожа покрылась мурашками.

Встряхнувшись, Елена перевернула конверт. Печать была сломана, но девушка смогла рассмотреть ее, соединив концы. Ангел.

Естественно, подумала она, не в силах отвести взгляда от печати. Ангел обведен черными чернилами, но почему это должно беспокоить ее, Елена не понимала. Нахмурившись, она приблизила конверт к лицу.

— Ох, Иисусе, — прошептала Елена, увидев тайну, скрытую в изображении. Это иллюзия, обман. С одной стороны на печати изображен коленопреклонный ангел, склонивший голову. Но стоит сместить угол зрения и увидишь, как ангел с выцветшими белыми костями смотрит прямо на тебя пустыми глазницами.

Она больше не от мира сего.

Вот так, слова Рафаэля приобрели совершенно иной смысл.

Вздрогнув, Елена раскрыла конверт и вытащила из него приглашение. Сделанное из плотной бумаги кремового оттенка, оно напоминало дорогие карточки для заметок, которыми пользовался отец Елены для личной корреспонденции.

На карточке витиеватыми буквами было выведено несколько строк древним золотом. Елена провела по ним пальцем — сама не зная зачем — не то чтобы она на ощупь могла

определить настоящее ли золото.

— Хотя не удивлюсь, если это так, — Ли Цзюань стара, очень. И на протяжении жизни древнее сильное существо может скопить огромное состояние.

Смешно, хоть Елена и думала о Рафаэле, как о сильном архангеле, она никогда не думала о нем, как о древнем. В нём была жизненная сила, которая отрицала это. Ощущалась... человечность?

Нет. Рафаэль не человек, даже близко не походит на него.

Но и на Ли Цзюань он не похож.

Елена вновь перевела взгляд на приглашение.

Приглашаю тебя в Запретный город, Рафаэль. Позволь нам приветствовать смертную, для которой ты распахнул свои объятия. Пусть все узрят красоту союза между бессмертным и той, жизнь которой когда-то была тленной. Впервые за целое тысячелетие меня что-то смогло очаровать.

Чжоу Ли Цзюань.

Елене совсем не хотелось очаровывать Ли Цзюань. Вообще-то, она не желала приближаться ни к кому из Совета десяти. По большей части, она была уверена, что Рафаэль её не убьет. Что же на счёт остальных...

— Вот чёрт.

Моя любимица.

Моя слабость.

Елене могли не нравиться эти слова, но от этого они не становились менее правдивы. Если архангел Нью-Йорка и вправду её любил, то с таким успехом она могла повесить на спине мишень.

И опять она увидела его — с окровавленным лицом и разорванными крыльями — архангела, который выбрал смерть вместо вечной жизни.

Этот факт она никогда не забудет, истину, которая стала якорем, пока всё остальное в ее мире менялось и сдвигалось.

— Не всё, — пробубнила Елена, потянувшись к телефону. Хоть Убежище и выглядело так, словно существовало в какой-то древней эпохе благородных рыцарей, удобства здесь были передовые.

Если поразмыслить, то и не удивительно. Ангелы прожили столько веков как раз потому, что не закидывались на прошлом. Остроконечная, пронзающая облака форма башни Архангела в Нью-Йорке, служила тому прекрасным примером.

Когда раздалась гудки на другом конце провода, Елена обнаружила, что уставилась сквозь балконные двери, в поисках великолепного существа, которое правило в этой Башне и кого она осмеливалась называть возлюбленным.

Гудки прекратились.

— Привет, Элли, — послышался хриловатый голос, сопровождаемый зевком.

— Вот же черт, я тебя разбудила, — Елена забыла о разнице во времени между Нью-Йорком и этим местом, которое находилось хрен знает где.

— Всё в порядке, мы рано легли. Подожди, — послышалось шуршание, щелчок, затем Сара вновь была на линии. — Я никогда не видела, чтобы Дикон так быстро опять заснул. Хотя он пробормотал что-то очень похожее на "Привет, Элли". Думаю, сегодня наша малышка его измотала.

Елена улыбнулась, представив, как малютка Зои заставила попотеть мужа Сары, этого

"пугающего сукиного сына".

— Я разбудила ее?

— Неа, она тоже устала, — шепот. — Я как раз заглянула к ней по дороге в гостиную.

Елена могла с легкостью представить обстановку Сары, от элегантных диванчиков карамельного оттенка, привносящих в дом тепло, до огромного черно-белого портрета Зои с личиком, покрытым пеной для ванн, на стене.

Великолепный дом из коричневого камня был для Елены местом намного роднее других домов, не считая её квартиры.

— Сара, моя квартира?

Елена не додумалась спросить об этом Сару во время ее приезда в Убежище два дня назад, голова была слишком переполнена мыслями о хаосе смерти... и пробуждении с крыльями цвета полуночи с багрянцем.

— Мне жаль, детка, — в голосе Сары прозвучало болезненное эхо воспоминаний. — После... всего, Дмитрий заблокировал доступ. Я была слишком занята поисками места, где они тебя держат, так что не слишком сильно сопротивлялась.

Когда Елена в последний раз видела свою квартиру, в одной стене зияла огромная дыра и повсюду была кровь и вода.

— Я не виню тебя, — ответила она, пряча возникшую боль от мысли, что ее тихая гавань заперта, ее сокровища разрушены и утеряны. — Чёрт, у тебя, наверно, дел под завязку, — Нью-Йорк погрузился в крошечную тьму после битвы двух архангелов, линии электропередач оказались разрушены, а электроопоры — перегружены после того, как Урам и Рафаэль вытягивали силы из города, лежащего под ними.

Но не только электросеть стала сопутствующим ущербом в разрушительном сражении между двумя бессмертными. В голове Елены возникли отрывки воспоминаний о разрушенных зданиях, раздавленных автомобилях и вывернутых лопастях, значит, по крайней мере, одна вертолетная площадка понесла серьезный урон.

— Это было ужасно, — призналась Сара, — но большинство повреждений восстановили. Люди Рафаэля всё организовали. Даже ангелы у нас занимались строительством — не каждый день такое увидишь.

— Полагаю, им не требовались краны.

— Нет. Я никогда не понимала силы ангелов, пока не увидела, как они поднимают такие глыбы, — пауза заполнилась невысказанной глубиной эмоций, душивших Елену. — Завтра утром я схожу к тебе в квартиру, — наконец произнесла Сара тоном с жестким контролем, — дам тебе знать, что с ней.

Елена сглотнула, желая, чтобы Сара вновь оказалась здесь и она смогла бы обнять свою лучшую подругу.

— Спасибо, скажу Дмитрию, чтобы он предупредил своих подручных о твоём приходе, — несмотря на попытки не придавать этому глубокий смысл, Елена задумалась, выжил ли какой-нибудь из сувениров, небольших вещичек, которые она собирала во время командировок охотницы.

— Ха! Я могу справиться с подручными одной левой, — тихо рассмеялась Сара. — Боже, Элли, каждый раз, как слышу твой голос, на меня накатывает волна облегчения.

— Ты будешь слышать его намного дольше — теперь я бессмертна, — Елена шутила, еще не вполне способная по-настоящему постичь масштабы перемен своей жизни. Охотники умирают молодыми на поле боя. Они не живут вечно.

— Да. Ты будешь рядом, наблюдать за моим ребенком и за ее детьми еще долгое время после моей смерти.

— Не хочу об этом говорить, — у Елены возникала боль в сердце от представления будущего без Сары, Ренсома и Дикона.

— Глупышка. Я думаю, это чудесно... это подарок.

— Я в этом не так уверена, — Елена рассказала Саре о своих мыслях в отношении своей ценности, как заложницы. — Я параноик?

— Нет, — теперь голос подружки звучал жестче, как у Директора Гильдии, коим Сара и являлась. — Вот почему я упаковала специальный пистолет Вивека в мешок с оружием по дороге к тебе.

Елена впиалась ногтями в свою ладонь.

В последний раз, когда она держала в руках этот пистолет, кровь Рафаэля заливала ее ковер, а Дмитрий почти перерезал ей горло.

Но все это, подумала Елена, распрямляя пальцы один за другим, снижает значение оружия, способного калечить крылья, ведь — ее взгляд переместился на небеса за окном — ее окружают бессмертные в месте, шепчущим о вещах, которые ни один человек не должен узнать.

— Спасибо. Даже при том, что это ты меня во все втянула.

— Эй, между прочем, я помогла тебе стать до неприличия богатой.

Елена моргнула, пытаясь вновь обрести голос.

— Ты забыла, да? — рассмеялась Сара.

— Я была жутко занята, валяясь в коме, — удалось выдавить Елене. — Рафаэль мне заплатил?

— Всё, до последнего пени.

Елене потребовалось несколько секунд на осознание.

— Ничего себе, — на счету лежит больше денег, чем она надеялась заработать за всю жизнь. И это всего двадцать пять процентов от общей суммы. — Думаю, "неприлично богатая" — это преуменьшение.

— Да. Но ты полностью выполнила свою работу, предполагаю, что это как-то связано со схваткой с Урамом?

Елена прикусила губу. Рафаэль дал ясные указания на счет разглашения информации, связанной с садистским монстром, убившим и пытавшим столько людей — любой смертный, которому Елена расскажет, умрёт. Без исключения. Возможно, сейчас всё изменилось, но она не собирается рисковать жизнью своей лучшей подружки, основываясь на отношениях, которые едва ли понимала.

— Не могу об этом говорить, Сара

— Ты расскажешь мне другие тайны, но не эту? — тон Сары не был гневным, скорее заинтригованным. — Интересно.

— Не копайся в этом, — желудок Елены скрутило, когда ее разум извлёк из памяти тошнотворные образы ужасов, совершенных Урамом. В той комнате... смрад гниющей плоти, отблеск окровавленных костей, слизистая мякоть глаз, которые архангел вытащил из черепа умирающего вампира.

Выпрямив спину, сопротивляясь желчи, жгущей глотку, Елена попыталась придать голосу глубину беспокойства.

— Это плохая идея.

— Я не желаю погибнуть... ах, Зои проснулась, — материнская любовь заполнила каждый слог. — И посмотри-ка, Дикон уже там. Папочка Зои просыпается от малейшего всхлипа, ну разве он не душка?

Елена втянула чистый воздух, картины любящей семьи, созданные словами Сары помогли прогнать воспоминания о развращениях Урама.

— Думаю, вы, ребята, день ото дня становитесь всё отвратительнее.

— Моей малышке уже полтора года, Элли, — прошептала Сара. — Хочу, чтобы ты на нее посмотрела.

— Так и будет, — пообещала она. — Я собираюсь научиться пользоваться крыльями, даже если это меня убьёт, — взгляд Елены упал на приглашение Ли Цзюань. В тот момент, когда слова слетели с губ, смерть костлявой рукой обвила шею Елены.

Однако, спустя неделю после разговора с Сарой, Елена обнаружила, что думает не о смерти, а о мести.

— Я знала, что ты упиваешься болью, но не подозревала, что ты — садист, — произнесла она вслед уходящему Дмитрию. Кости Елены плавилась от восхитительной теплоты уединённого горячего источника, к которому её практически на руках принёс чёртов вампир — после того, как надрал ей задницу во время тренировки для укрепления мышц.

Развернувшись, он пристально уставился на неё своими тёмными глазами, глазами, которые могли заставить невинного поддаться искушению, а грешника по собственной воле отправиться в ад.

— И когда, — спросил он вкрадчивым голосом, нашептывающим о запертых дверях и нарушенных запретах, — это я давал тебе повод усомниться во мне?

Елена ощутила прикосновение меха к губам, между ног, вдоль спины.

Её кожа натянулась, реагируя на мощное действие его аромата, аромата, который для прирождённых охотников являлся афродизиак. Но Елена не сдалась, отлично осознавая, что Дмитрий получал удовольствие, когда ставил её в такое невыгодное положение.

— Почему ты здесь? Разве тебе не следует быть в Нью-Йорке?

Он был лидером Семерки Рафаэля — сплоченной группы вампиров и ангелов, которые защищали Рафаэля... даже от того, о чем он сам мог пока не подозревать.

Елена была на сто процентов уверена, что если Дмитрий посчитает её слишком большой брешью в броне Рафаэля, то прикончит с хладнокровной тщательностью.

Рафаэль убил бы вампира за это, но, как Дмитрий однажды сказал ей — она все равно останется мертвой.

— Какая-нибудь поклонница уже все глаза выплакала, — Елена не могла не думать о той ночи в Башне, в крыле вампиров, когда Дмитрий склонил голову над гибкой шеей блондинки с аппетитными формами. Воздух тогда был пропитан чувственным ароматом женского удовольствия.

— Ты разбиваешь мне сердце.

Неискренняя улыбка заиграла на губах вампира, существа настолько древнего, что осознание его возраста тяжким грузом давило на Елену.

— Если не будешь осторожна, то я подумаю, что не нравлюсь тебе. — Он совершенно спокойно и невозмутимо снял с себя тонкую льняную рубашку (невзирая на то, что вокруг лежал снег) и принялся расстёгивать верхнюю пуговицу на штанах.

— Планируешь умереть сегодня? — непринуждённо поинтересовалась Елена.

Потому что Рафаэль вырвет Дмитрию сердце, если тот посмеет к ней прикоснуться. Конечно, архангелу будет сложно это сделать — ведь она уже его вырежет.

Хоть Дмитрий и мог дразнить её тело своим ароматом, превращая желание в острую потребность, но Елена не собиралась поддаваться его воздействию. Только не влиянию этого вампира. И не мужчины, которого Дмитрий звал господином.

— Бассейн большой, — ответил он, снимая штаны.

Елена успела увидеть гладкое мускулистое бедро, прежде чем закрыла глаза.

Ну, подумала она, чувствуя, как пылают ее щеки, по крайней мере, прояснились все

сомнения по поводу цвета его кожи — Дмитрий не был загорелым. Его кожа от рождения обладала экзотическим медовым цветом и... она была безупречной.

Легкое колыхание воды объявило о том, что Дмитрий вошел в бассейн.

— Теперь можешь смотреть, охотница, — его слова прозвучали как чистое издевательство.

— С чего бы мне этого хотеть? — она открыла глаза и, вместо того, чтобы смотреть на него, перевела взгляд в сторону захватывающего горного пейзажа.

Охотники не ханжи, но Елена выбирала своих друзей с осторожностью.

А когда дело касалось выбора людей, в присутствии которых она комфортно чувствовала себя голой — или уязвимой — то этот список становился еще короче.

Дмитрий ни в коей мере, даже не на краю и не возле этого списка не был.

Сфокусировавшись на заснеженных вершинах в дали, она, в то же время, краем глаза наблюдала за ним.

Не то чтобы она бы выжила, если бы он решил ее убить, только не в ее теперешнем физическом состоянии, но у нее не было никаких причин делать из себя легкую мишень. Меха и бриллианты, секс и удовольствие.

Эти ароматы окутали её тысячью шелковых верёвок, но они были приглушены. Именно взгляд Дмитрия беспокоил Елену в данный момент — взгляд, которым хищник оценивает добычу.

Прошла почти минута, после чего Дмитрий пожал плечами и откинул голову назад, положив руки на каменистый край природного бассейна. Взглянув на него вновь, она была вынуждена признать, что Дмитрий чертовски сексуален, как осуществление самых греховных желаний.

Темные глаза, темные волосы, губы, обещающие боль и удовольствие в равной мере.

Но она не почувствовала ничего, кроме женского восхищения. Синий стал её пристрастием и спасением.

Аромат горького шоколада окружил Елену тонкой дымкой.

Насыщенный. Неотразимый. И ни в коем случае не приглушенный.

Елена зашипела сквозь зубы:

— Прекрати это, — её тело напряглось, грудь налилась потребностью настолько же острой, насколько и нежелательной.

— Я расслабляюсь, — ответил он раздражительно с налетом чисто мужской заносчивости, что не удивительно, учитывая кого Дмитрий называл господином, — А я не смогу делать это, если буду вынужден контролировать неотъемлемую часть моего тела.

Прежде чем Елена смогла ответить на такое утверждение, в которое не была уверена, что верит, перед ней на воду опустилось небесно голубое перо, окаймленное серебром.

Оно напомнило ей другой день и другое перо — тогда из раскрытой ладони Рафаэля на землю посыпалась серебристо-голубая пыль, а его глаза светились собственничеством.

Используя это воспоминание, чтобы бороться с чувственным воздействием аромата Дмитрия, Елена сосредоточилась на характерном звуке складывающихся крыльев, раздавшимся позади нее:

— Привет, Иллиум.

Ангел, обойдя Елену, сел на припорошенный снегом край справа от нее, опустив при этом ноги в воду прямо в джинсах.

На самом деле, как и у множества ангелов-мужчин в Убежище, это составляло его

единственную одежду, оставляя мускулистую грудь открытой лучам солнца.

— Елена, — он перевёл взгляд на Дмитрия, уставившись на него невероятно красивыми золотистыми глазами, которые не могли принадлежать человеку. — Мне следует о чём-то знать?

— Я угрожала убить его в десятитысячный раз, — поделилась Елена, крепко обхватив рукой каменистую кромку бассейна.

Острые края впивались в ее ладонь, в то время как она боролась с желанием приблизиться к Дмитрию и впитывать его аромат до тех пор, пока не раствориться в нём, пока этот запах не станет единственным, что ей ведомо. Вампир насмеялся над ней, своим взглядом бросая молчаливый вызов.

Не взирая на сексуальное притяжение, дело было совсем не в сексе. А в её праве находится рядом с Рафаэлем.

— И, как результат, он избил меня до полусмерти, — завершила она спокойным голосом, хоть её тело изнывало от возбуждения.

— В некоторых кругах, — еле слышно проговорил Иллиум, и его черные, с голубым отливом на концах волосы всколыхнулись на ветру, — это расценили бы как прелюдию.

Дмитрий улыбнулся.

— Елену не интересует прелюдия, которой я отдаю предпочтение. — Его глаза наполнились воспоминаниями о крови и стали. — Хотя она...

Запах моря, ощущение дико бушующего шторма ворвались в ее сознание.

"Елена, почему Дмитрий обнажен?"

Вся поверхность бассейна начала покрываться льдом.

— Рафаэль, нет! — произнесла она вслух. — Я не собираюсь предоставлять ему удовольствие увидеть, как я насмерть замерзну!

"Этого бы я никогда не позволил. - Лед отступил, — Кажется, я должен поговорить кое о чем с Дмитрием".

Елена заставила себя мысленно общаться с Рафаэлем, хотя намного более инстинктивно было говорить вслух; ее сердце и ее душа все еще оставались человеческими.

"Не надо. Я могу с ним справиться".

"Можешь? Никогда не забывай, что он веками оттачивал свою силу. - Мягкое предостережение: — Надавишь на него слишком сильно, и один из вас умрет".

Она была понятливой.

"Как я уже говорила, Архангел, никого не убивай из-за меня".

Ответом был прохладный бриз — метка обладания бессмертного.

"Он — лидер моей Семерки. Он преданный".

Елена уже догадалась о том, о чем Рафаэль не сказал — что верность Дмитрия могла равняться ее смерти.

"Я сама буду сражаться в своих битвах".

Она была такой, какой была, её чувство собственного достоинства являлось неотъемлемой частью способности крепко стоять на ногах.

"Даже если у тебя нет шанса на победу?"

"Однажды я тебе уже говорила, что предпочла бы умереть как Елена, чем существовать, как тень".

И она оставила его с этой истиной — истиной, которая никогда не изменится, не взирая на ее бессмертие. Елена вновь обратила свое внимание на Дмитрия.

— Ты забыл сказать о чем-то Рафаэлю?

Пожав плечами, вампир послал многозначительный взгляд вправо от нее.

— На твоём месте я бы больше беспокоился о его голубой шкуре.

— Думаю Иллиум может сам о себе позаботиться.

— Нет, если продолжит флиртовать с тобой, — вслед за его словами тонкой, почти изящной струйкой потянулось тепло, аромат шампанского и сияние солнечных лучей, порочность при свете дня. — Рафаэль не из тех, кто делится.

Она пригвоздила его взглядом, пытаясь не обращать внимания на клубившееся в животе тепло, тепло, которое он раздувал весьма сознательно:

— А может ты просто ревнуешь.

Иллиум фыркнул от смеха, Дмитрий сощурил глаза:

— Я предпочитаю трахать женщин, у которых нет шипов.

— Из-за этого мое сердце разбито, и я не могу выразить всю свою боль словами.

Сила, с которой засмеялся Иллиум, чуть не опрокинула его в воду.

— Назарак прибыл, — наконец сумел он сказать Дмитрию, перебирая пальцами прядь волос Елены, — Он хочет поговорить с тобой о продлении Договора в качестве наказания за попытку побега.

Лицо Дмитрия ничего не выражало, пока он вставал из воды с присущей ему чувственной грацией.

На этот раз Елена не закрыла глаза, отказываясь проиграть молчаливую битву характеров.

Тело Дмитрия состояло сплошь из мускулов, которые покрывала гладкая, с оттенком легкого загара кожа. Когда он начал натягивать штаны, его мышцы заиграли, излучая силу.

Когда Дмитрий застегнул брюки, их с Еленой взгляды встретились, и тогда бриллианты и меха, безошибочный мускусный аромат жаркого секса обернулся вокруг её шеи словно ожерелье... или петля.

— До следующей встречи, — произнёс он, и запах исчез. Затем командным тоном бросил Иллиуму: — Пошли.

Елена ни капельки не удивилась, когда Иллиум поднялся и вышел просто попрощавшись.

Хоть ангел с синими крыльями и любил задирать Дмитрия, но было ясно, что он, как и остальные члены семерки, по крайней мере те, которых она видела, последуют за ним без вопросов.

А за Рафаэля, каждый не задумываясь готов отдать свою жизнь.

По воде пошла рябь, из-за ветра возникшего от приземления ангела.

На языке она почувствовала привкус моря, чистого и дикого дождя.

Она ощутила, как её кожа натянулась, словно внезапно стала слишком тесной, чтобы сдержать жар внутри.

— Пришёл, чтобы дразнить меня, архангел? — охотничьи чувства Елены всегда откликались на запах Рафаэля даже до того, как они стали любовниками. Теперь...

— Конечно.

Елена повернула голову, чтобы встретится с ним взглядом, когда он подошел и присел у края бассейна. От того, что она увидела, у нее перехватило дыхание.

— Что?

Потянувшись вперед, он снял простые серебряные серьги с ее ушей.

— Теперь тебе нельзя их носить — они врут. — Он сжал их в ладони и, когда открыл ее снова, серебряная пыль сверкая опустилась на горячую воду.

— О, — серебро без узоров предназначалось для одиноких мужчин или женщин. — Я надеюсь, у тебя есть чем их заменить, — сказала Елена поворачиваясь. Её крылья чудесно пропитались водой, так что она смогла упереться руками в край и повернуться к Рафаэлю лицом, — Те серьги были куплены на рынке в Марракеше.

Он раскрыл вторую ладонь, и на ней замерцала другая пара колечек. Таких же маленьких и практичных для охотника, но прекрасных, сделанных из дикого янтаря.

— Теперь ты, — сказал он, продевая их в ее уши, — окончательно и бесповоротно стала моей.

Елена посмотрела на его безымянный палец, внутри нее забушевал ураган собственнических чувств.

— Где твой янтарь?

— Ты еще не подарила мне его.

— Найди какой-нибудь поносить, пока я не подыщу тебе подходящий. — Потому что он больше не был свободен, он больше не был открыт для предложений от желающих переспать с архангелом. Он принадлежал ей, охотнице, — Мне бы не хотелось запятнать ковёр кровью, убивая всех этих жеманно-улыбающихся вампирских шлюх.

— Это так романтично, Елена, — его тон был спокоен, выражение лица не изменилось, но она знала, что он смеялся над ней.

Поэтому она плеснула в него водой. Ну или попыталась. Вода застыла между ними скульптурой из радужных капель.

Это был неожиданный подарок, возможность заглянуть в сердце мальчишки Рафаэля, которым он, наверное, был когда-то. Потянувшись, она дотронулась до замороженной воды... и вдруг обнаружила, что та не превратилась в лёд. Восхищению Елены не было предела.

— Как тебе это удастся?

— Это детский трюк, — легкий ветер играл в его волосах в то время, как вода улеглась, — Ты сможешь контролировать такую мелочь, когда станешь немного старше.

— Каков в точности мой возраст по понятиям ангелов?

— Ну, у нас двадцатидевятилетние, как правило, считаются младенцами.

Подняв руку, она провела пальцами по жесткой линии его бедра, низ её живота свело в предвкушении.

— Я не думаю, что ты видишь во мне младенца.

— Верно, — согласился, понизив голос Рафаэль. Его возбуждение стало отчетливо заметным сквозь грубую чёрную ткань штанов. — Но, я уверен, что ты все еще восстанавливаешься.

Елена посмотрела вверх, её тело стало влажным от желания.

— Секс расслабляет.

— Не такой, каким я хочу заняться. — Невозмутимо произнесенные слова, белая молния в этих глазах напомнили, что Елена пытается соблазнить Архангела Нью-Йорка.

Сдавшись в первый раз, Елена не выжила.

— Присоединяйся ко мне.

Он поднялся и обошел ее, оказавшись за спиной девушки.

— Если ты будешь смотреть на меня, Елена, я не сдержу своего обещания.

Она бы в любом случае повернулась, не в состоянии противостоять соблазну смотреть на такого красавчика, но он сказал:

— Я легко могу навредить тебе.

Впервые она поняла, что не была единственной, кто имел дело с чем-то новым, чем-то неожиданным.

Замерев на месте, она слушала скрип ботинок по снегу, хорошо знакомый шелест одежды, соскальзывающей с тела.

Елена представляла сильные руки и плечи Рафаэля, ее пальцы изнывали от желания коснуться рельефного пресса мужчины, и его мускулистых бедер.

Она сжала свои бедра, когда вода вокруг заплескалась, взволнованная телом намного большем и сильнее, чем ее собственное.

Елена затаила дыхание, когда он подошел ближе и уперся руками в камень по обе стороны от нее.

Расправив крылья, чтобы он мог прижаться к ее спине, она судорожно втянула воздух.

— Рафаэль, это точно не поможет.

Она кожей почувствовала пульсацию его горячего, словно живое раскалённое железо, члена, как раз в этот момент через ее крылья прошел чувственный импульс прямо к влажной сердцевине ее тела.

Мгновение спустя, Рафаэль губами коснулся ее уха.

— Ты меня мучаешь, Елена. — Зубы коснулись ее плоти в не слишком нежном укусе.

От неожиданности она громко вскрикнула.

— За что?

— Я придерживался celibата более года, Охотница. — Одна большая рука смело обхватила грудь, пальцы сильные, несомненно мужские дотронулись до ее плоти. — Возбуждение берет верх над моим самообладанием.

— Что? Твой член не побывал ни в одной сладкой вампирше пока я была в коме?

Рафаэль ущипнул ее сосок достаточно сильно, чтобы дать ей понять, что она преступила черту.

— Ты такого невысокого мнения о моей чести? — спросил он, и между ними повисла ледяная тишина.

— Я ревную и хочу секса, — сказала Елена и, потянувшись назад, прикоснулась ладонью к его щеке. — И я знаю, что выгляжу дерьмово.

Тогда как вампиры несколько десятилетий спустя после своего обращения становились невероятно привлекательными — с безупречной кожей и холёными телами.

Те немногие люди, которые когда-либо спали с ангелом, просто не могли их превзойти.

Рафаэль скользнул рукой вниз.

— Это правда, что ты немного похудела, но я все равно безумно тебя хочу.

Мозг Елены отключился на несколько секунд. Когда она смогла говорить, вырвался лишь хриплый стон.

— Ты пытаешься меня убить.

Он сжал её грудь. Кожа Елены натянулась настолько, что удовольствие граничило с болью.

— Этот вид наказания намного лучше чем расчленение на куски.

— Поскольку ты не сможешь заниматься сексом с покойницей, да?

— Определенно.

Пламя лизнуло Елену вдоль позвоночника, когда он скользнул руками вниз по спине и погладил большими пальцами упругие ягодицы.

— В половине случаев я не уверена, серьёзен ты или нет.

Пальцы Рафаэля остановили свою чувственную муку.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я знал? Это слабость.

— Кто-то должен сделать первый шаг, — приподняв ногу, она начала водить ею по его голени.

Рафаэль запечатлел поцелуй на шее Елены в месте, где бился пульс.

— Среди ангелов такая честность станет тебе помехой.

— А что насчёт тебя?

— Я привык использовать то, что знаю, чтобы удерживать власть.

Елена положила подбородок на свои руки, позволяя Рафаэлю размять припухлости, образовавшиеся по контуру тех мест на спине, где у нее выросли крылья. Это было восхитительное чувство — такое правильное, что она знала, никогда не позволит никому другому касаться ее в том месте, даже по дружбе. Это было бы предательством.

— Ты сам становишься очень честным.

— Возможно между нами, — медленно сказал он, словно обдумывая значение каждого слова, — это может быть не слабостью, а преимуществом.

Удивившись, Елена повернула к нему голову.

— Правда? Тогда расскажи мне что-нибудь о себе.

Он пальцем нажал на особенно напряженное место, и она застонала, уронив голову на руки.

— Господи, помилуй.

— Не Господа ты должна просить о пощаде, — в его тоне проскользнул собственнический подтекст, который становился хорошо знакомым, — О чем ты хочешь знать?

Она ухватилась за первое, что пришло в голову.

— Твои родители еще живы?

Все застыло. Температура воды упала так быстро, что перехватило дыхание, сердце Елены панически заколотилось.

— Рафаэль!

— Опять же, я должен извиниться, — на шее она почувствовала теплое дыхание, вода потеплела до температуры, при которой ее коже не грозила перспектива стать мертвенно синей. — С кем ты говорила?

Вода, может, и потеплела, а вот тон его голоса напоминал арктический ветер.

— Ни с кем. Спрашивать о родителях — это самое обычное дело.

— Нет, не обычное, когда ты спрашиваешь о моих родителях, — он всем телом вплотную прижался к ней, обхватив руками за талию.

У Елены возникло странное ощущение, будто он искал утешения. И было очень странно думать таким образом о нем, о создании, которое обладало властью столь обширной, что она едва ли могла это постичь. Елена без колебаний обняла его, позволив удерживать себя вертикально в воде.

— Прости, если я разбередила старые раны.

Старые раны.

Да, подумал Рафаэль, вдыхая аромат своей охотницы и, едва ощутимую под кожей, необузданность.

Ему было интересно, как повлияет Елена на расу архангелов и вампиров, эта смертная, сделавшая его чуточку человечнее даже когда сама стала бессмертной. Но он никогда не перестанет гадать, что же она сделает с ним.

— Мой отец, — сказал он, сам себя удивляя этими словами, — умер очень давно.

Повсюду пламя, яростный крик его отца, слезы его матери. Соль на губах. Его собственные слезы. Он наблюдал, как его мать убивает отца и плакал. Он был мальчишкой, совсем ребенком, даже среди ангелов.

— Мне жаль.

— Это было целую вечность назад, — такое происходило в те редкие моменты, когда его щиты падали под напором воспоминаний. Сегодня Елена застала его врасплох.

Разум Рафаэля затопили образы последнего, что он помнил — не своего отца, а матери. Он видел ее изящные стопы, легко ступающие по траве, испачканной кровью ее собственного сына. Она была так прекрасна, так одарена, что ангелы сражались и умирали за нее.

Даже в конце, когда она вполголоса пела над разбитым и изломанным телом Рафаэля, ее красота затмевала собой солнце.

"Ш-ш-ш, мой дорогой, ш-ш-ш".

— Рафаэль?

Два женских голоса: один тянул его в прошлое, другой — в настоящее.

Если выбор и был, то он сделал его год назад в небе над Нью-Йорком, когда вокруг него город лежал в руинах.

А сейчас, он прижался губами к изгибу плеча Елены и впитывал ее тепло, тепло, которое было отчетливо смертным, и которое плавило лед воспоминаний.

— Думаю, ты уже достаточно пробыла в воде.

— Я не хочу двигаться, вообще.

— Я верну тебя по воздуху.

Елена слабо запротестовала, когда Рафаэль поднял ее из воды, ее тело все еще оставалось хрупким.

— Не двигайся, охотница, — осторожно вытерев ее крылья, он натянул свои штаны, затем осмотрел ее платье, и его сердце переполнила смесь одержимости, удовлетворения и страха, так не похожего на все, что он знал прежде.

Если бы Елена рухнула с небес, если бы она упала на твердую землю, она бы не выжила. Она была слишком юной, младенцем среди бессмертных.

Когда Елена оказалась в объятиях Рафаэля, обвинив его руками за шею и прижавшись губами к груди, архангел вздрогнул, обнял её в ответ и взмыл ввысь, к небу, озарённому багровым сиянием и искусно раскрашенному лучами медленно заходящего солнца.

Вместо того, чтобы набрать высоту и парить над облаками, Рафаэль стал лететь ниже, заботясь о том, что Елена может замерзнуть. Если бы он знал, что они обнаружат, то избрал бы другой путь, но так уж случилось, что она первой увидела ужасную картину.

— Рафаэль! Стой!

Он остановился из-за настойчивости ее тона, паря на самой границе, очерчивающей окончание его владений и начало территории Илии.

Даже в убежище существовали границы — не обозначенные, негласные — но все же существовали. Одна власть не могла находиться слишком близко к другой. Иначе не обойтись без ущерба ее величию, а это могло разъярить их сородичей.

— Что такое?

— Смотри.

Проследив взглядом за ее жестом, Рафаэль увидел тело, окрашенное светом солнца в сотни оттенков меди. Оно занимало маленький, тихий кусочек территории на его стороне от границы.

Зрение архангела было острым, лучше, чем у хищника, но даже это не помогло разглядеть ни одного движения, ничего, что говорило бы о жизни. Но он увидел, что сотворили с этим мужчиной. И внутри Рафаэля воспламенилась ярость.

— Отнеси меня вниз, — рассеянно произнесла Елена, не отрывая глаз от тела, свёрнутого клубком, словно в отчаянной попытке уменьшить жестокость нанесения ран. — Даже если там и нет следов вампира, я знаю, как искать.

Он не двинулся с места.

— Ты еще не восстановилась.

Она вскинула голову, в ее глазах плескалась ртуть.

— Не смей удерживать меня от того, кем я являюсь. Не смей. — Было что-то очень взрослое в ее словах, в ее злости, как будто это повзрослело с ней.

Он подчинял её своей воле дважды с тех пор, как она пробудилась, оба раза для того, чтобы защитить от себя самой.

Сегодня все те же первобытные порывы вынуждали Рафаэля игнорировать ее приказы — может она и была урожденной охотницей, но пока что и близко не находилась в том состоянии, чтобы всё это выдержать.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Елена, и каждое её слово отдавало напряженной болью, — но если ты подчинишь меня, если ты заставишь меня идти против моих инстинктов, я никогда тебя не прощу.

— Я не хочу видеть, как ты опять умрешь, Елена, — Совет выбрал ее потому, что она была лучшей, неумолимой в погоне за своей добычей. Но тогда ее были готовы использовать и избавиться от неё. Теперь же она являлась неотъемлемой частью его существования.

— В течении восемнадцати лет, — произнесла она угрюмо, и её лицо затуманилось призраками прошлого, — я пыталась быть той, кем хотел видеть меня мой отец. Я старалась не быть урожденной охотницей. Каждый день это понемногу убивало меня.

Он знал, кто он. Он знал на что способен. И еще знал, что если сломает ее, то будет вечно презирать себя.

— Ты сделаешь в точности так, как скажу я.

Она немедленно кивнула.

— Это незнакомая местность — я не собираюсь действовать непредусмотрительно.

Мягко спустившись вниз, он легко приземлился в нескольких футах от тела — в тени двухуровневого дома, на котором виднелся легкий налет старины.

Елена держалась за Рафаэля пару секунд, как если бы ей надо было начать контролировать мускулы прежде, чем встать на колени рядом с жутко изувеченным вампиром.

Рафаэль присел рядом, потянувшись пальцами к виску вампира. Пульс был не очень хорошим индикатором жизни, когда дело касалось Обращенных.

Чтобы почувствовать тусклое эхо мыслей вампира понадобилось несколько секунд — признак того, насколько близок был мужчина к настоящей смерти.

— Он жив.

Елена выдохнула.

— Господи Боже, кто-то действительно хотел изувечить его, — вампир был избит так сильно, что напоминал мясной фарш на костях.

Наверное он был красив, скорее всего так и было, исходя из ощущения его возраста на своей коже, но от лица осталось недостаточно, чтобы сказать наверняка.

Один глаз опух, превратившись в щель. На месте второго... глазница вампира была разрушена с такой яростной тщательностью, что если не знать, где должен размещаться глаз, то никогда не догадаешься, где заканчивается щека и начинается всё остальное.

Странно, но его губы остались нетронутыми.

Ниже шеи его одежда смешивалась с плотью, верное свидетельство непрерывного и методичного пинания ногами. А его кости... они торчали, как окровавленные поломанные ветви, сквозь то, что когда-то было джинсами.

Было больно смотреть на него, знать, как ему пришлось страдать. Вампиры не теряли сознание легко, и, учитывая жестокость нападения, Елена была уверена, что атакующий пинал его голову в последнюю очередь.

Таким образом, он был в сознании на протяжении почти всего того времени, пока длилось его мучение.

— Ты знаешь кто он?

— Нет. Его мозг слишком поврежден, — Рафаэль скользнул руками под тело вампира, заботливость, с которой он это делал, заставила сердце Елены сжаться. — Я должен доставить его к врачу.

— Я подожду и... — она замерла, когда он сдвинул тело, чтобы лучше подхватить его, — Рафаэль.

В воздухе внезапно повеяло ледяным холодом.

— Я вижу.

На грудине вампира виднелся кусочек неповрежденной кожи, словно его специально оставили нетронутым.

От такой хладнокровности избиений у Елены внутри всё сжалось.

Эти люди нанесли бы вред его мозгу в последнюю очередь...

— Что это? — ...потому что хоть на коже вампира и отсутствовали синяки, но она не являлась нетронутой. На ней был выжжен символ.

Удлиненный прямоугольник, слегка расширяющийся к низу, стоящий на перевернутой дуге, которая, в свою очередь, покрывала маленькую чашу. И все это опиралось на длинную

тонкую линию.

— Это Сехем — символ власти с тех времен, когда архангелы правили, как фараоны, и когда они звались потомками богов.

Елена почувствовала, как ее лицо обдало жаром и холодом.

— Кто-то хочет занять место Урама.

Рафаэль не стал говорить ей не спешить с выводами.

— Ищи следы. Иллиум присмотрит за тобой, пока я не вернусь.

Она смотрела как Рафаэль взмыл ввысь, но не могла разглядеть голубые крылья Иллиума даже на фоне игры света приближающегося заката. К счастью, ее ноги задрожали только после того, как Рафаэль улетел. Кажется, архангел наконец-то услышал её сегодня — и у нее было ощущение, что в следующий раз прежде, чем заставить ее действовать против ее воли, он долго и серьезно подумает.

Однако, ему не помешает поднять ее и уложить в кровать, если он узнает о степени ее измождения. Крылья Елены стали стофунтовым грузом на спине, а икроножные мышцы напоминали желе.

Выдохнув, Елена откопала в себе еще одну крупницу жизненных сил и стала по расширяющейся окружности обходить место, где они нашли тело, радуясь, что эта область до тех пор, пока не стала заброшенной, казалась закрытой.

Как результат, отсутствовало множества ароматов, сбивающих со следа.

В углу росло дерево, какой-то вид кедра. Его ветви склонились под тяжестью хвои. Этот аромат не был сильнее запаха сосновых деревьев осенью, когда иглы застилают землю.

И он принадлежал вампиру, которого избили до неузнаваемого месива. Не важно, как сильно Елена старалась, она не могла найти ни одного другого запаха.

На земле Елена также не обнаружила никаких доказательств чьей-нибудь деятельности, камни, которыми была вымощена территория, оказались чистыми, за исключением нескольких принесённых ветром листьев, да четко очерченных крапинок крови возле темного пятна, где лежало тело.

Изучив все место происшествия с особой осторожностью, чтобы не испортить никаких следов доказательств, она подтвердила, что брызги наблюдались в радиусе одного фута.

— Его сбросили с небольшой высоты, — сказала она Рафаэлю, когда тот приземлился возле нее. — А поскольку это место кишит обладателями крыльев...

Елена покачнулась.

Она оказалась в железных объятиях Рафаэля даже прежде, чем поняла, что происходит.

— То ты ничего не сможешь сделать. Мы поговорим с тем вампиром, когда он очнется.

— А это место? Оно должно быть обработано, на всякий случай.

— Дмитрий уже направляется сюда с командой.

Не в ее характере было сдаваться без боя, но тело подводило, а крылья могли в любой момент повиснуть, и Елене пришлось бы тащить их по крови на земле.

— Я хочу знать, что скажет жертва, — слова вышли невнятными, ее последней мыслью было то, что некто, хладнокровный настолько, что клеймит живое существо в качестве послания, вероятно, не собирался быть заменой Ураму.

"Господин".

Рафаэль незаметно выскользнул из постели, в которой не пробыл и часа после того, как положил Елену на простыни. Она лежала на животе, раскинув крылья, на которых безлунная ночь и багрянец оставили свои нежные прикосновения. Архангел натянул штаны и встретился с Дмитрием в коридоре снаружи.

Лицо вампира не выражало ни единой эмоции, но Рафаэль знал его сотни лет.

— Что ты обнаружил?

— Иллиум его узнал.

— Как?

— Видимо, мужчина носил кольцо, которое выиграл у Иллиума в покер.

Рафаэль видел пальцы вампира. Большинство из них были раздроблены так сильно, что представляли собой не больше, чем молотую гальку в мешке кожи. И все же кожа была не нарушена. Такой уровень жестокости требовал и времени, и определенной бесстрастной сосредоточенности.

— Кто же он?

— Его имя Ноэль. Он — один из наших.

Рафаэль почувствовал, как его ярость приобрела твердость гранита. Он никому не позволит безжалостно убивать своих людей.

До того, как он заговорил, Дмитрий сказал:

— Почему вы мне не сказали, что на нем выжгли клеймо? — слова упали между ними как мины — под заживающей кожей всё ещё кровоточили свежие раны.

— Ожог исчезнет, — сказал Рафаэль, смотря вампиру прямо в глаза. — Со временем исчезнет.

Дмитрий молчал несколько мгновений, потом сделал глубокий вдох.

— Целители нашли кое-что в грудной полости Ноэля. Те, кто похитили его, спрятали это в его грудной клетке и перед тем, как избить позволили ранам зажить.

Другой пример методичного характера избиения.

— Что нашли?

Дмитрий вынул из кармана кинжал. На его рукоятке был небольшой, но хорошо различимый знак, в виде буквы Г — символ Гильдии Охотников. Как холодное лезвие, обнаженная ярость резала Рафаэля по венам.

— Он планирует стать членом Совета уничтожив то, что создал другой архангел.

Старый состав рассматривал Елену именно так: как творение Рафаэля, его собственность.

Они не понимали, что она завладела его сердцем, владела начисто, что нет ничего, чтобы Рафаэль не сделал, нет ни одной границы, которую не нарушил бы Рафаэль ради безопасности Елены.

— Есть ли на месте преступления что-нибудь, за что можно зацепиться и выследить стоящего за этим?

— Нет, но не многие посмеют насмехаться над тобой, — произнес Дмитрий, вернув кинжал в карман. — Еще меньше тех, кто мог рассчитывать выйти сухим из воды.

— Назарак в Убежище, — произнес Рафаэль, понимая, что этот ангел достаточно стар, чтобы быть опасным. — Выясни, кто еще мог посчитать себя кандидатом.

— Только один, готовый стать архангелом.

Лишь Совет, предположительно, посвящен в эту правду, но Рафаэль Дмитрию доверял больше, чем собратьям-архангелам.

— Ему ни к чему играть в такие игры, — быть архангелом, значит быть Советом. Простая, но неизбежная, истина.

— К этому причастен кто-то из старых членов Совета. — В истории Ангелов были редкие исключения, когда в Совет Десяти входили не архангелы. Правда они не долго проживали. Но факт их существования давал темную надежду тем, кто до исступления жаждал власти, не понимая неизбежную плату за это. — Кто-то достаточно сильный, чтобы совратить других.

— Есть кое-что еще, — произнес Дмитрий, когда Рафаэль уже поворачивался, чтобы вернуться к Елене. — Микаэла, — имя еще одного архангела из Совета Десяти, — прислала сообщение, что вот-вот прибудет в Убежище.

— Она ждала дольше, чем я ожидал, — отношения между Еленой и Микаэлой были словно бензин и огонь. Архангел желала всегда находиться в центре внимания.

Но все же, когда светловолосая Елена, одетая в грубый наряд охотницы, заходила в комнату, равновесие сил сменялось самым неуловимым из способов.

Рафаэль не думал, что Елена замечала это, но именно поэтому Микаэла и возненавидела ее с самой первой встречи.

— Или Микаэла, или этот претендент. Она, — Дмитрий посмотрел на дверь позади

Рафаэля, — не достаточно сильна для самозащиты. Чтобы оборвать ее жизнь, много усилий не потребуется.

— Иллиум и Джейсон здесь. Наасир? — лишь Семерке Рафаэль доверит охранять Елену.

— Уже в пути, — как глава охраны Рафаэля, Дмитрий точно знал о местоположении каждого из его людей в любое время. — Я сделаю всё, чтобы убедиться, что она никогда не останется в одиночестве.

Рафаэль услышал недосказанное.

— А с тобой она будет в безопасности?

Выражение лица вампира изменилось.

— Она — твоя слабость.

— Она — мое сердце. Защити ее, как уже сделал однажды.

— Если бы я знал о последствиях того решения... Но что сделано, то сделано, — когда Дмитрий кратко кивнул Рафаэлю, архангел понял, что его Семерка не пойдет против Елены.

Некоторые архангелы могли бы уже убить Дмитрия за то, что смел выказывать неповиновение, но вампир заслужил это право.

Более того, Рафаэль понимал важность того, что Дмитрий и остальная часть Семерки делали для него.

Без них, Рафаэль вполне мог стать очередным Урамом или очередной Ли Цюань задолго рождения Елены.

— Назначь Иллиума на большинство смен. Ему Елена менее всего будет возражать.

Дмитрий фыркнул.

— Драгоценный Колокольчик в итоге в нее влюбится и тогда тебе придется его убить.

— Что может быть лучше, чем охранник Елены, который её любит? — пока этот охранник помнит, что та, за кем он наблюдает, является парой архангела. Предательство не допустимо. — Когда намечено прибытие Микаэлы?

— В течение часа. Она прислала приглашение на ужин.

— Прими его, — всегда лучше знать своего врага.

* * *

Елена проснулась от благословленного сна без сновидений, и поняла, что находится не одна.

И ее чувства заполнил не чистый запах дождя и ветра.

Но все равно, ее щиты остались опущенными.

Перевернувшись на кровати, Елена посмотрела в распахнутые балконные двери и увидела распростертые, выразительного голубого цвета, крылья Иллиума. Ангел беспечно сидел на перилах, свесив ноги над крутым откосом ущелья.

Вырисовываясь на фоне звездного неба, Иллиум казался существом из мифов и легенд. Но, судя по виденному днём, если это место и можно было назвать сказкой, то с темным и пропитанным кровью источником.

— Не будешь аккуратным — упадёшь.

Он обернулся к ней.

— Присоединяйся.

— Нет, спасибо. У меня только срослись все переломанные кости. — Елена так много их переломала, падая в Нью-Йорке. Но как ни странно в последние минуты, боли не было.

Она помнила лишь ощущение умиротворения.

А потом поцелуй Рафаэля.

Богатый, изысканный, эротичный, вне всякого сомнения, вкус амброзии наполнил ее рот, пока Рафаэль обнимал ее, вытаскивая из рук самой смерти.

— Твой взгляд, — пробубнил Иллиум. — Когда-то и на меня так смотрела женщина.

Елена знала, что Иллиум потерял свои крылья, способность летать за то, что рассказал секреты ангелов смертной... той, которую любил.

— Ты тоже так на нее смотрел?

Взгляд глаз, цвета чеканного золота, был чарующим даже на расстоянии между ними.

— Это известно лишь ей одной. А она отправилась в могилу задолго до того, как в мире выросли города из стали и стекла, — он вернул внимание к распростертому перед ними виду.

Сев в кровати, Елена уставилась на прекрасный изгиб крыльев Иллиума, перья которых в темноте переливались серебристо-голубым цветом и спросила себя, оплакивал ли до сих пор ангел свою возлюбленную. Но она не решилась задать этот вопрос.

— Вампир?

— Его имя Ноэль. Он еще не пришел в сознание, — голос Иллиума резал, словно оголенное лезвие. — Он один из наших.

И Елена знала, что они не останутся, пока не разыщут нападавшего. Охотник внутри нее это одобрил.

— Что на счет ангела, пытающегося занять место в Совете Десяти? — миру не нужен еще один архангел со склонностями к самым жестоким видам удовольствия.

— Второстепенная задача. — безэмоционально заявил Иллиум. — Об этом позаботятся, когда казнят того, кто избил Ноэля и нанес оскорбление Рафаэлю.

Елена понимала пресечение зла на корню, но не привыкла к столь быстрой расправе бессмертных.

— Смею предположить, что у ангелов нет судей и присяжных.

Иллиум фыркнул.

— Ты видела Урама... Хотела бы привести его в суд?

Нет. В голове вихрем пронеслись воспоминания о зверствах Урама.

— Расскажи мне про "Эротик", — произнесла Елена.

Иллиум выгнул бровь при упоминание элитного клуба на Манхэттене, где вампиры были постоянными гостями.

— Думаешь сменить профессию?

— Жеральдина работала в нём танцовщицей, — Елена никогда не забудет мольбу в ее взгляде, когда Жеральдина лежала с перерезанным Урамом горлом. — Она так сильно хотела стать Обращенной.

— Не знал, что она проводила время с бессмертными, — перекинув ноги через перила и встав, Иллиум подошел к проему и прислонился плечом к косяку. — Мне показалось, что Жеральдина случайная жертва.

Елена вспомнила слишком бледную кожу Жеральдины, окутанную ароматом вампира.

Среди людей Жеральдину называли бы вампирской шлюхой, когда-то и Елена так же

рассуждала. Но это было прежде, чем она попала в зал, полный вампиров и их любовников. До того, как поняла, соблазнение может действовать не только, как наркотик, но и как игра для взрослых, в которой победитель проведет ночь с проигравшим, доставляя ему наслаждение.

Но Жеральдина не походила на мужчин и женщин, с легкой, чувственной уверенностью, которых Елена видела в Башне.

Иллиум прав. Жеральдина — жертва.

— И она такой останется навечно

— Да, — крылья Иллиума изящной дугой сложились за его спиной. Ангел встретился взглядом с Еленой. — Поверь, Элли. Таковой быть отвратительно.

— Почему ты говоришь так, будто знаешь, каково это? — спросила Елена, осознавая, что никогда не забудет немое отчаянье в предсмертной просьбе Жеральдины. — Ты не жертва.

— Однажды, я Обратил человека, — пробубнил Иллиум, ресницы на его глазах скрывали взгляд. — Биологически он подходил и прошел индивидуальные тесты. Но в нем не было... стержня, чувства собственного достоинства. Я это заметил, когда стало слишком поздно. К тому времени он связался с другим ангелом, которому нравились жертвы.

— Он умер?

— Конечно. Жертвы никогда долго не живут.

Это явный намёк на тёмную сторону бессмертия.

— Чем дольше живешь, чем больше совершаешь ошибок. И тем больше несёшь скорби.

Вероятно, Елене стоило поразиться торжественностью комментария, но, как она начала понимать, Иллиум из тех ангелов, которые редко открывают свой истинный лик миру. Точно так же как и мужчина, которого Иллиум зовет господином.

— Ты помнишь всё?

— Да.

Дар. Проклятье.

Легкоранимым людям известно, что воспоминания режут до крови, как и лезвие. Елена вернулась от темы прошлого. Но вскоре оно вернется и будет преследовать каждого из них.

— Твои ресницы такого же цвета, как и волосы?

Иллиум, не задумываясь, последовал ее примеру сменить тему.

— Да. Они прекрасны, хочешь рассмотреть ближе?

Губы Елены растянулись в улыбке.

— Тщеславие — это грех, Колокольчик.

— Я считаю стоит хвастаться, если тебе есть, что показать, — ухмыляясь, Иллиум подошел и присел на край кровати. — Посмотри.

Елена так и сделала, из любопытства. Ангел говорил абсолютную правду — его чернильно-черные ресницы на кончиках были ярко-голубыми, как и волосы, потрясающе контрастируя с золотым оттенком глаз.

— Они прелестны, — небрежно бросила Елена.

Иллиум нахмурился.

— А я собирался предложить расчесать твои волосы.

— Спасибо, справлюсь сама, — толкнув ангела в плечо, Елена прогнала его с постели. — Подай мне расческу.

По дороге на балкон, он бросил ее Елене.

— Почему ты не спрашиваешь, зачем я здесь?

— Я слаба, Рафаэль чрезмерный защитник, не сложно сложить два и два, — ее расстройство от нынешнего физического состояния не смогло отринуть холодную и жесткую правду — более чем один бессмертный пожелают ее голову в качестве прекрасного трофея, демонстрирующего их силу.

В особенности для одного самого прекрасного и порочного из всех.

— Вероятно, этот кандидат, — бросил Иллиум через плечо, — планирует произвести сильное впечатление, воткнув кинжал Гильдии в твое сердце. Или отрубить им тебе голову за один удар.

Эхо собственных мыслей обрушилось на Елену, но так уж вышло. Нравится это или нет, но Елена — сенсация номер один в мире ангелов, первый обращенный ангел на памяти живых.

— Думаю, мне стоит для начала поесть, а потом размышлять обо всех ужасающе-болезненных способах, которыми, очевидно, я могу умереть.

— Еда в гостиной.

— Где Рафаэль?

— На встрече.

Инстинкты Елены спасали ее не единожды. Вот и сейчас, рука сжала деревянную ручку расчески.

— С кем?

— Это лишь тебя рассердит.

— Я думала, ты — мой друг.

— Который сейчас пытается отгородить тебя от ненужного беспокойства.

Беспокойства?

— Прекрати тянуть время и скажи.

Тяжело вздохнув, Иллиум повернулся и произнес:

— С Микаэлой.

В голове всплыло воспоминание о ангельской пыли бронзового цвета на крыльях Рафаэля. Елена заскрежетала зубами.

— Я думала, что Убежище слишком спокойное место для Её Королевской Стервозности. Нью-Йорк, Милан, Париж более присущее окружение Микаэлы.

— И оказалась бы права, — глаза ангела поблескивали. — Но, кажется, у нее развился внезапный интерес к этому месту.

Проведя последний раз расческой по волосам, Елена нашла резинку для волос на прикроватной тумбочке и стянула непослушную копну в высокий хвост. Когда Елена опустила ноги с кровати, Иллиум резко кашлянул.

— Я бы не советовал направляться к ним в таком состоянии.

— Я не глупая, — пробубнила Елена. — Хочу немного размяться.

— Ты должна отдыхать до утра.

— Поверь, я знаю своё тело. — Елена со стоном поднялась. — Если я не разомну мышцы, завтра будет хуже.

Иллиум промолчал, просто наблюдал, как она направлялась в ванну. Закрыв дверь, Елена ополоснула лицо и заставила себя не думать о том, что может произойти между Рафаэлем и Микаэлой.

Елену не волновало, что Рафаэль переспит с Микаэлой, начистоту, Рафаэль не похож на

изменщика. Если бы он решил ее бросить, да, больно даже предполагать такое, — архангел сказал бы это Елене в лицо.

Более того, у нее такое ощущение, что Рафаэль видел внутреннюю злобу сквозь красоту Микаэлы.

Но невозможно забыть ошеломительно-прекрасное лицо женщины архангела и ее тело, которые соблазняли королей и из-за которых рушились империи.

В отличие от лица Елены, которое отражалось в зеркале — слишком узкое, с бледной кожей от проведенного года в коме. Уверенность давалась нелегко.

— Хватит, — положив полотенце, Елена вышла из ванной.

В спальне было пусто, но Елена сомневалась, что Иллиума нет поблизости. Выйдя на просторный балкон, она начала делать упражнения на растяжку, которых её научили в Академии Гильдии.

Большинство упражнений по-прежнему помогали, хотя Елене пришлось внести изменения в некоторые, учитывая наличие крыльев. Пару раз она споткнулась, пока не заставила себя помнить, что нельзя опускать кончики крыльев.

Это было то же самое, старайся она печатать, удерживая руки прямыми. Боль медленно прожигала, становясь все более сильной.

Из-за упрямой решительности Елена хотела оттолкнуть боль, но, вспомнив о состоянии, в которое впала днем, сделала перерыв.

Пройдя по спальне, она оказалась в гостиной, нашла сок и выпила его.

На языке взорвался свежий и кислый вкус, признак того, что в этом городе, который выглядит средневековым, горы и скалы скрывали где-то глубоко внутри апельсиновую рощу.

— Тебе звонят.

Развернувшись на пятках, Елена обнаружила Иллиума, протягивающего ей гладкую серебристую трубку портативного телефона.

— Я не слышала звонка.

— Я отключил звук, пока ты отдыхала, — передав ей трубку, ангел схватил яблоко с тарелки с фруктами. — Это Ренсом.

Удивившись дружелюбному тону Иллиума, Елена поднесла трубку к уху.

— Привет, красавица. — Судя по голосу другого охотника, Елена могла сказать, что он улыбался. — Ты уже летаешь?

— Скоро буду.

— В последнее время у тебя определенно интересная компания.

Посмотрев на Иллиума, когда синекрылый ангел прошел на балкон, выходящий из этой комнаты, она произнесла:

— Где ты познакомился с Иллиумом?

— В "Эротик".

— Ты знаешь местных танцоров? — Ренсом вырос на улице и до сих пор хранил многие связи.

— Парочку. Оттуда я получаю много информации. Даже самый сильный из вампов становится болтливей, когда его член находится во рту женщины.

Это не удивило Елену, в конце концов, вампиры когда-то были людьми. Должно пройти много времени, чтобы эхо человечности полностью исчезло.

— И что же они болтают?

Послышалось треск на линии, а затем:

— ...хочешь знать.

— Что? — Елена прижала телефон плотнее к уху.

— Все говорят, что ты выжила. Они думают, что ты стала кровопийцей — насколько я могу судить, никто из тех, кто осведомлен, не позволили просочиться правде.

— Хорошо. — Елене требовалось время, чтобы уместить в голове свою новую реальность прежде, чем сможет что-нибудь объяснить кому-то другому. — Ты это хотел мне сказать?

— Нет. Один из танцоров слышал, что вампы делают ставки, проживёшь ли ты год.

— И каковы шансы?

— Девяносто девять к одному.

Елене не нужно было спрашивать, в чью пользу.

— Что заставляет их так думать?

— Ходят слухи, что у Ли Цзюань есть привычка скармливать своих гостей домашним любимцам.

Глава 6

Рафаэль смотрел, как Микаэлла подносит к губам хрустальный бокал с непринужденной грацией женщины, веками совершенствовавшей свою изысканную внешность.

Если говорить беспристрастно, она была прекрасна, возможно прекраснейшая женщина в мире, с кожей безупречного оттенка сродни цвета самого экзотичного кофе со сливками, зелень ее глаз посрамила бы драгоценные камни, ее волосы — каскад черноты, пронизанный бронзовыми и коричневыми нитями с сотней оттенков между ними.

Ошеломляющая — и она использовала свою внешность так же эффективно и бесстрастно, как другие используют оружие. Если мужчины, смертные или бессмертные, умирали, пав жертвами этой красоты, это была их ошибка.

— Значит, — теперь она мурлыкала, яд, покрытый медом, — твоя охотница выжила.

Когда он ничего не ответил, она изобразила гримасу разочарования:

— Зачем держать это в тайне?

— Не думал, что тебя интересует выживание Елены. — Только ее смерть.

К ее чести Микаэлла не стала притворяться, что не понимает.

— Touché. - Подняв бокал для тоста, она сделала небольшой глоток золотистой жидкости, — Ты сильно разозлишься, если я ее убью?

Рафаэль встретился взглядом с этими ядовитыми ярко-зелеными глазами, задаваясь вопросом, видел ли когда-либо Урам сквозь порочное сердце той, которую называл своей супругой.

— Кажется ты попала под очарование моей охотницы. — Это была умышленная формулировка. Елена принадлежит ему, и он будет ее защищать.

Микаэлла отмахнулась от его слов.

— Она принесла интересную жертву, но теперь, когда она утратила свои способности, эти состязания будут слишком легкими. Полагаю, я должна просто позволить ей жить.

Это было весьма скользкое и очень расчетливое предложение.

— Считаю, — сказал он, не исправляя ее ошибочное предположение, — Елена более чем способна позаботиться о себе.

Скулы Микаэллы резко выделились на фоне побледневшей кожи.

— Неужели ты думаешь, что она мне ровня?

— Нет, — он дождался, когда ее щеки покроются румянцем удовольствия и удовлетворения, — Она совершенно уникальна.

На одно пронизывающее мгновение маска соскользнула.

— Будь осторожен, Рафаэль, — на него теперь смотрела хищница, такая, которая могла отирать испачканные кровью пальцы с невозмутимой брезгливостью и наблюдать как ее жертва корчится в агонии у ее ног. — Я не стану втягивать когти лишь потому, что она твоя любимица.

— Тогда я попрошу Елену не втягивать свои, — немного глотнув вина, он откинулся на спинку кресла, — Ты придешь на бал?

Мгновение, и маска вернулась, все та же совершенная маска.

— Конечно, — она провела рукой по волосам, это движение приподняло ее грудь под оливковой тканью платья с декольте, достаточным для того, чтобы свести большинство

мужчин с ума, — Ты когда-нибудь бывал в крепости Ли Дзюань?

— Нет. — Наистарейший архангел жила в горной крепости, спрятанной в глубине границ Китая, — Не думаю, что кто-либо из Совета там бывал.

Хотя на протяжении веков Рафаэль сумел туда внедрить нескольких своих людей.

В настоящее время задание выполнял Джейсон, и каждый раз, когда он возвращался, глава шпионской сети Рафаэля сообщал все больше и больше тревожных новостей о дворе Ли Дзюань.

Микаэла поболтала жидкость в своем бокале.

— Урам однажды был туда приглашен, когда был гораздо моложе, — проговорила она. — Он сразу понравился Ли Дзюань.

— Не уверен, что Урам был этим польщен или нет.

Не громкий, низкий смех.

— Говорят, она довольно... бесчеловечна?

Такая фраза, сказанная одним из членов Совета, говорила о степени `эволюции` Ли Дзюань.

— Что Урам рассказал тебе о ее крепости?

— То, что она неприступна и полна несметных сокровищ. — Глаза Микаэллы засверкали то ли от размышлений об этих сокровищах, то ли от воспоминаний о своем любовнике, Рафаэль не мог точно сказать от чего, — Он говорил, что никогда не видел таких произведений искусства, таких гобеленов и драгоценностей. Я не знаю поверила ли я ему — Ты видел, чтобы Ли Дзюань надела хотя бы бриллиант?

— Ей это не нужно. — Таких чисто белых волос и глаз странного жемчужного серого цвета он не видел больше нигде; Ли Дзюань была незабываема без всяких украшений.

А в настоящее время, думал Рафаэль, внимание иного архангела было приковано к миру, который остальные из них не могли даже начать понимать.

Последние полгода она совсем не покидала свою крепость, даже для того, чтобы встретиться со своими коллегами-архангелами. Все это делало бал совсем необычным событием.

— Она пригласила весь Совет?

— Кэри получил приглашение, — Микаэлла говорила о еще одном своем бывшем любовнике, — и он говорит, что Неха приглашена тоже, так что я предполагаю, она пригласила всех. Тебе следует попросить Фавашу сопровождать тебя. Думаю, наша Персидская принцесса хотела бы этого.

Рафаэль встретился взглядом с Микаэлкой.

— Если бы ты могла убить каждую красивую женщину в мире, ты бы это сделала?

Ее улыбка даже не исчезла.

— В одно мгновение.

Елена, нахмурившись, положила телефон и вышла на балкон.

— Иллиум, ты знаешь что-нибудь о домашних любимцах Ли Дзюань?

Ангел округлил глаза.

— У Рэнсома очень хорошие источники.

Да, подумала Елена, так и было. Но даже он не в состоянии был выяснить личность этих существ, вампиры которые так уверены в смерти Елены.

— Что они такое? — Она выпрямила спину, а в голове возникло объяснение. — Не вампиры, уступившие жажде крови?

Такие вампиры, постоянно зацикленные на насилии, желании кормиться и чувстве голода, превращались в самых опасных для общества убийц.

"Подойди, маленькая охотница. Попробуй".

В то время, как Елена мысленно захлопнула дверь воспоминаний, которые никак не хотели быть похороненными, Иллиум покачал головой, холодный бриз, пришедший с гор, разметал его волосы.

Он был, словно жемчужина в ночи, его красота впечатляла столь сильно, что затмевала свет звезд. Чтобы совсем не пропасть, Елена ухватилась за настоящее.

— Почему Микаэлла до сих пор не убила тебя?

— Я же мужчина. Она бы скорее со мной трахнулась.

Такой прямой ответ на секунду выбил ее из колеи.

— Она с тобой трахнулась?

— Разве я выгляжу, как-будто хочу быть съеден заживо сразу после секса?

Вынужденная улыбнуться, Елена повернула лицо навстречу ветру, наслаждаясь морозной свежестью.

— Так что насчет зверушек Ли Дзюань?

— Спроси Рафаэля.

Улыбка Елены исчезла при воспоминании о том, где сейчас был Рафаэль.

Найдя на что бы отвлечься, она кивнула в сторону огоньков, видневшихся по сторонам ущелья — громадного раскола земной коры, раскинувшегося перед ними.

— Только не говори мне, что там внизу живут люди? — Вода текла намного ниже огоньков, но даже оттуда слышался яростный грохот рвущегося потока.

— Почему нет? Из пещер выходят самые лучшие гнездышки, — его улыбка сверкнула белым на фоне его лица, — У меня есть одна. Когда ты сможешь летать, прилетай посмотреть.

— С той скоростью, с какой продвигаюсь я, мне будет восемьдесят, когда я действительно научусь летать.

— Однажды это произойдет, — тихо сказал Иллиум, обращая свое лицо к лунному свету.

Лучи кружились над ним, словно замороженные, делаю его кожу полупрозрачной, а его волосы превращая в жидкие струи эбенового дерева с сапфировыми кончиками.

— Первый полет — это то, что ты никогда не забудешь, прилив воздуха под твоими расправленными крыльями, опьяняющая свобода, чистая радость, танцующая в твоей душе от того, что ты стала всем, чем должна быть.

Очарованная неожиданной поэтичностью слов Иллиума, Елена почти не видела, как Рафаэль приблизился к земле. Почти.

Потому что ничто, и никто на земле не мог отвлечь ее внимание, когда ее архангел был в непосредственной близости.

Едва ли осознавая, что Иллиум рядом с ней перестал говорить, Елена наблюдала за опустошающей грацией снижения Рафаэля. Иллиум был прекрасен, как блестящий клинок, но Рафаэль... Рафаэль был великолепен.

— Думаю, мне пора.

Она почувствовала, что Иллиум улетел, но это было скорее неосознанно, ее глаза неотрывно смотрели в глаза архангела, который приземлился перед ней.

— Как прошел ужин? — спросила Елена, пристально глядя в эти кобальтовые глаза,

полные тайн, раскрыть которые заняло бы у нее вечность.

— Я пережил это.

Ответ должен был вызвать у нее улыбку, но все, что она чувствовала это яростное чувство собственности, доведенное до смертельной крайности осознанием того, что в данный момент эта зеленоглазая женщина могла убить ее без малейшего усилия.

— Микаэлла оставила на тебе следы?

— Почему бы тебе не проверить? — он распахнул крылья.

Вдруг почувствовав глупую уязвимость, Елена отвернулась и схватилась за перила балкона.

— Это не мое дело, если ты предпочтешь проводить время с женщиной, которая съест твое сердце и радостно станцует на твоей могиле, если это будет означать для нее усиление власти.

— Я с тобой не соглашусь, Елена, — сильные руки оказались по обеим сторонам от нее, большие ладони опустились на перила, — Напряги свои крылья.

Ей потребовалось время, чтобы сообразить какую часть тела надо подвернуть, что так ловко проделывали со своими крыльями другие ангелы, которых она видела.

— Это труднее, чем кажется.

— Контролируй мышцы, — слова были сказаны прямо у ее шеи, в то время как Рафаэль прижался сильнее, ее крылья отделяли их друг от друга.

Это ранило... такой болью, которая заставляла кожу мерцать от голода, и от желания.

Каждое движение его тела, каждое касание его губ шло прямо к ее сердцевине.

Но Елена с самой первой встречи боролась с влечением к Рафаэлю. И не стала бы делать из себя посмешище.

— Вы разошлись во мнениях? — спросила она, ее взгляд обратился на виденные ею крылья, которые разрезали густоту черной ночи, направляясь к уединенным домам.

Ангелы возвращались домой.

Странные мысли, необъяснимые ощущения стоят здесь в их самом тайном месте, когда ангелы для Елены были тенями во тьме.

— Считаю, что если я выбрал провести время с Микаэлой, это тебя касается.

Елена разобрала опасный подтекст в его словах, от которого подогнулись пальцы на ногах, хоть и очнулся инстинкт охотника.

— Правда?

— Как считаю, что меня касается то, что твои крылья в голубой пылице.

Елена округлила глаза и оттолкнулась от перил. Ну, или попыталась.

— Рафаэль отпусти, чтобы я могла посмотреть.

— Нет.

Она выдохнула.

— Прекрати. Иллиум не имел в виду ничего плохого.

— Ангельскую пыль не источают просто так... только от сексуального желания. — Он пальцами ущипнул кончики ее сосков, потрясающе чувственное напоминание того, как однажды архангел Нью-Йорка потерял контроль в постели, — Он сделал это очень преднамеренно.

— Если бы он не улетел, — сказала она, борясь с обрушившимся натиском желания, — я бы его отшлепала. Он дергает за свой поводок.

Губы у ее уха, его рука накрыла ее грудь с сокрушительной интимностью.

— Иллиум всегда зверски пренебрегал собственной жизнью.

Елена ничего не могла с собой поделать. Она склонила голову, чтобы дать ему лучший доступ к шее.

— И все-таки он один из твоей Семерки.

— Думаю в таком случае, он знает, что твой любимчик, — он покрыл поцелуями ее шею, страстно и сексуально, что ясно говорило о том, что у него на уме лишь одно.

Издав хриплый, от желания, смешок, Елена протянула руку назад и провела пальцами по его щеке.

— А на тебя у меня такое же влияние?

Он оцарапал ее кожу зубами.

— Ты получишь ответ, если завтра будет жив Колокольчик. — Он теснее прижался к ней своим горячим, сильным и жестким телом, скользнув руками под одежду и приблизившись к ее обнаженной груди.

— Рафаэль

Позволив ей, наконец, развернуться, он прижал Елену к перилам. Она инстинктивно расправила крылья поверх метала, единственного препятствия на пути Елены к полету вниз со скалы.

Нет, тут же передумала она. Рафаэль никогда не допустил бы ее падения или упал бы вместе с ней.

— Поцелуй меня, Архангел.

— Как пожелаешь, Охотница Гильдии. — Его губы коснулись ее, по-мужски резко и естественно, что опровергало любой миф о том, что ангелы слишком "развиты" для таких плотских утех.

Из ее горла вырвались стоны, Елена обняла Рафаэля за шею, привстав на цыпочки, отвечая на его поцелуй.

Когда он провёл пальцами по её груди, Елена задрожала от удовольствия. Прикусив нижнюю губу Рафаэля, она открыла глаза.

— Теперь.

— Нет.

И он вновь горячо и сексуально ее поцеловал.

Оторвавшись от архангела, Елена провела рукой по его мускулистой груди, опускаясь ниже. Рафаэль поймал ее руку прежде, чем она смогла обернуть пальцы вокруг его длины.

— Я не так слаба, — зашпорила она.

— Но и не так окрепла. — Сила закружилась вокруг его зрачков. — Не для того, чего я хочу.

Елена замерла.

— Это чего же?

Все. Море и ветер. Чистоту и дикость... и все у нее в голове.

— Я отдам тебе свой голод и сердце, — произнесла она, борясь за свободу своей независимости и остального, чтобы построить фундамент их отношений, которые могли бы продлиться вечность. — Но разум — лишь мой. Прими это

— Или? — холодный голос того, кто привык получать желаемое.

— Поживем — увидим. — Она прислонилась спиной к балкону, ее тело ныло от неудовлетворения. Елена просто смотрела на Рафаэля, на изысканный баланс красоты и жестокости, совершенства и мрака.

Его собственный голод отразился кислой миной на его лице, от чего безупречная структура кости резко выделялась под кожей. Но Рафаэль так и не пошевелился, чтобы вновь ее поцеловать.

"Я сломя тебя".

Вновь зазвучали в ее голове его ранее сказанные слова, ставя между ними невидимую стену. Понимая, что Рафаэль прав, она выдохнула.

— У меня есть вопрос

Он терпеливо ждал, будто у него впереди вечность, а она единственная женщина во вселенной. От этого у нее могло захватить дух. Как она, Елена Деверо — обычный охотник, по словам ее отца — смела задавать вопросы архангелу?

— Что ты знаешь о домашних питомцах Ли Дзюань?

Он медленно моргнул, единственный признак, что Елена удивила его.

— Могу ли я узнать, почему у тебя возник такой вопрос?

Она улыбнулась.

Выражение его лица изменилось, удерживая напряжение, которое прожигало ее насквозь.

— Как я уже говорил, — его глаза стали цвета хрома, — с тобой вечность пройдет куда интереснее.

Именно тогда Елена заметила свет, исходящий от крыльев Рафаэля. Слепящий и опасный, заставляя архангела выглядеть именно тем, кем он в сущности и был — бессмертный, в теле которого скрыто столько силы, что хватит на уничтожение города.

Елена инстинктивно напрягла мышцы для полета, от огромного количества адреналина ей было сложно говорить.

— Ты светишься.

— Я? — Он пальцами расчесывал ее волосы, разделяя на пряди. — Питомцы Ли Дзюань — возродившиеся.

Поразившись, что получила прямой ответ, Елена с силой втянула воздух, от усилия легкие загорелись, сопротивляясь давлению близости Рафаэля, его силе.

Она не требовала ответа, понимая, что Рафаэль сказал это не для того, чтобы запугать ее, а просто изложил факты. А если Елена планировала жить с архангелом, ей нужно научиться иметь с ним дело.

— Что-то наподобие вампиров?

— Нет. Будучи архангелами, с возрастом, — ответил он, свечение начало меркнуть, но глаза все еще оставались такого же металлического оттенка, который не мог быть присущ человеку, — мы обретаем силу.

— Как например, твоя способность к управлению разумом, — пробубнила она, ее сердце по-прежнему бешено колотилось. — И гламур. — Если выяснилось бы, что некоторые архангелы могли незаметно и невидимо ходить среди людей, люди стали бы параноиками.

— Да. Ли Дзюань самая старшая из нас и у не самый большой арсенал способностей.

— Значит, этих возродившихся — только она может создать?

Рафаэль кивнул, отчего на его лоб упали угольно-черные пряди волос.

Елена протянула руку, чтобы убрать их, задержавшись, поиграла с тяжелым шелком.

— Что они такое?

— Ли Дзюань, — сказал он тоном с оттенком мрака, — может создавать ходячих

мертвецов.

На секунду сердце Елены замерло, когда она прочла в глазах Рафаэля правдивость слов.

— Ты ведь не хочешь сказать, что она каким-то образом может на самом деле вернуть людей к жизни?

— Я бы не назвал это жизнью. — Он наклонился, прижав свой лоб к ее.

Скользнув рукой ему на затылок, Елена прижала Рафаэля к себе, пока он рассказывал то, что не знал ни один смертный.

— Они ходят, но не разговаривают. Джейсон рассказал, что первые несколько месяцев своего существования, у них, кажется, остается подобие сознания, вероятно, они понимают кто они, но не имеют власти над возрожденными телами. Они — марионетки Ли Дзюань.

— Милостивый Боже. — Быть запертым в своем теле, понимая, что ты кошмар... — Как она поддерживает в них жизнь?

— Она пробуждает их при помощи своей силы, а затем они питаются кровью. — Голос Рафаэля окружил Елену, заполняя каждую клеточку тела ужасом. — Те, кто старше, кто уже давно возвращен на землю, питаются плотью недавно умерших людей, чтобы сохранять мясо и кожу на костях.

В душе Елены разлился холодок, заставляя все онеметь.

— У тебя тоже будет такая способность?

Рафаэль еще раз пропустил сквозь пальцы ее волосы.

— Наши способности взаимосвязаны с нашей сущностью. Надеюсь, что никогда не буду способен создавать возрожденных.

Дрожа, Елена обняла его за талию.

— У тебя появились какие-нибудь новые способности за последние годы?

Так как она знала его, то осознала насколько тонка грань, по которой он скользил. Не так давно он размозжил все кости в теле одного вампира, в то время как это жалкое создание оставалось в сознании. Такое наказание Манхэттен не забудет никогда.

— Рафаэль?

— Идем, — он поднялся в воздух.

Завизжав, она переместила свои объятия на его шею.

— Мог бы меня предупредить.

— Я верю в твои рефлексы, Елена. — "В конце концов, если бы ты не подстрелила бы Урама, Нью-Йорк до сих пор бы утопал в крови".

Она фыркнула.

— Это не только моя заслуга. Я помню, как ты кидал в него огненные шары.

— Ангельский огонь, — пробормотал Рафаэль. — Одно касание, и ты мертва.

Они пролетели над смертельно красивым, огромным горным хребтом, окружавшим огни Убежища. Потеревшись щекой о его грудь, она произнесла:

— Меня трудно убить.

— Осторожнее, охотница. — Нырнув, Рафаэль понесся вниз к грохочущему водопаду. — Тебе все еще можно причинить боль.

Они были так близко, она могла скользнуть пальцами по сверкающему великолепию воды, капли, как бриллианты блестели под лунным светом. Изумление вспыхнуло внутри нее.

— Рафаэль!

Взлетев вверх, он поднялся в холодное, ясное ночное небо, где звезды казались вырезанными из кристаллов.

— Ты говорил, сильный вампир смог бы меня убить, — продолжила она, ощутив, как от холода покраснели ее щеки, и ветер разворошил волосы. — Ангельский огонь, как я догадываюсь. Что еще может мне навредить?

— Ангельский огонь самый легкий способ, но те архангелы, которые не могут создавать огонь, используют другие средства.

— Я не собиралась зависать с Советом, так что это к лучшему.

Губы возле ее уха, прикосновение, опалившее до кончиков пальцев на ее ногах, но его слова...

— Болезнь тебе больше не враг, но собратья ангелы тоже могут тебя убить. Ты так юна, что, если тебя расчленишь на части, ты умрешь.

Она сглотнула комок в горле от такой жестокой картины.

— Это часто случается?

— Нет. Обычно голову отрезают и сжигают. Очень немногие после этого выживают.

— Как кто-то смог бы выжить?

— Ангелы живучие, — пробормотал он, разворачиваясь, чтобы спустить их вниз.

— Это место огромное, — произнесла она, огоньки мерцали далеко вдаль. — Как никто не узнал о его существовании?

Рафаэль не отвечал, пока не опустился на балкон их спальни.

— Бессмертные могут не соглашаться по многим вопросам, но в этом мы единокорны — про наше Убежище смертные никогда не должны узнать.

— Сара? — Елена впила пальцами в его плечи. — Ты сделал что-нибудь с ее разумом?

— Нет. — Глаза бескрайней, безжалостной синевы посмотрели на нее, затмевая все вокруг. — Но, если она об этом заговорит, я заставлю замолчать ее и тех, кому она расскажет.

Холодный ком образовался у нее в животе.

— Даже если это разобьет мне сердце?

— Удостоверься, что она не проговорится. — Он положил на ее щеку руку, прохладную от ночного воздуха. — И этого не произойдет.

Елена отодвинулась от него. В этот раз он позволил ей отойти, позволил дойти до конца балкона и взглянуть вниз на этот неровный разрыв в теле земли.

Теперь светились только несколько огоньков, как будто ангелы легли спать на ночь.

— Я не часть твоего мира, Рафаэль. Внутри я все еще человек — я не буду сидеть и смотреть, как убивают моих друзей.

— Я и не ожидал бы другого. — Он открыл двери. — Пойдем спать.

— Как ты можешь думать, что я усну после того, что ты мне сказал?

Повернувшись на пятках, Елена посмотрела на него.

Рафаэль встретил ее взгляд, создание настолько могущественное, она до сих пор не могла поверить, что он ее любил. Но похожа ли любовь архангела на человеческую? Или она глубже? Дает жизненные силы?

— Я забываю, — ответил он, — что ты еще слишком молода. — Подойдя к ней, он провел пальцами по ее виску, вниз до подбородка. — Смертные угасают, Елена. Простая правда.

— Поэтому я должна забыть своих друзей, и семью?

— Помни их, — промолвил Рафаэль, — но также помни, что однажды их не станет.

Печаль, как дикий зверь, разрывала Елену изнутри. Она не могла представить мир без Сары, без Бет.

Может ее отношения с младшей сестрой испорчены из-за выбора, который они обе сделали, но это не значило, что Елена любила ее меньше.

— Не знаю, хватит ли у меня мужества пережить такую потерю.

— Найдешь, когда придет время.

Боль в его голосе скользнула глубоко кинжалом в ее сердце, по самую рукоять.

— Кто?

На самом деле она не ждала ответа. Рафаэль мог быть ее любовником, но он также архангел. И архангелы сделали искусством хранение секретов.

Поэтому, когда он очертил костяшками пальцев ее лицо и сказал:

— Дмитрий, — прошло несколько секунд, прежде чем она ответила. — Его обратили против его воли, — предположила она, вспоминая разговор с Дмитрием о детях. Наблюдал ли вампир, как стареют его дети? Потерял ли он жену, которую любил?

В этот раз Рафаэль не ответил и подтолкнул ее к спальне.

— Ты должна отдыхать или не сможешь летать на бал когда придёт время.

Она подчинилась, потрясенная правдой, которую он заставил ее осознать.

Рафаэль положил руки на ее плечи.

— Развяжи повязки.

Жар его тела, как опьяняющая ласка, невидимая, неотвратимая.

В тот же миг ее крылья стали сверхчувствительными, охваченными желанием, затмевающим все остальное. Стоило усилий дышать, говорить.

— Рафаэль, ты у меня в голове?

Говоря, Елена вытянула и развязала повязки, которые пересекали крест накрест ее грудь.

— Нет. — Длинные, сильные пальцы дразняще прикоснулись к ее ключицам, спустились к груди. — Такая мягкая кожа, Охотница Гильдии.

Казалось, каждая клеточка ее тела горела от неутолимой жажды.

— Тогда, что со мной происходит?

— Твое обращение все еще продолжается.

Рафаэль снял с нее топ, она ощутила кожей касание каждой тонкой ниточки, и вздрогнула от легкого прикосновения кончиков его пальцев.

— Знаешь ли ты, какова на вкус твоя шея? — Он накрыл губами то самое место. — Огонь и земля, весенние бури с примесью стали.

Елена задрожала, потянувшись назад и запуталась рукой в густом шелке его волос.

— Такой ты меня видишь?

— Это и есть ты.

Рафаэль провел рукой верх по изгибу ее бедра, неспешное обольщение, оставившее ее в томительном ожидании.

Но ничто не могло подготовить ее к ошеломительному ощущению его руки на своей груди, его желанная цель. Она только наблюдала, не в силах двигаться, отзывалась на малейшую перемену в нем.

Снова он поцеловал ее в шею, вызывая взрыв чувств. Сжав руку, Елена потянула Рафаэля за волосы, развернулась и обхватила его лицо ладонями, накрывая этот красивый, жестокий рот своим.

Поцелуй был диким, яростным от ее желания и его примитивного собственничества. Одна мужская рука легла Елене на бедро, другая сжала шею, не давая ей отодвинуться.

Ее груди были прижаты к его рубашке, ткань которой восхитительно — почти до боли — царапала ее чувствительные соски.

Она прикусила его губу в отместку за то, что он с ней делал.

Рафаэль ответил ей тем же, но удержал ее губу, отпуская плоть с медленной сосредоточенностью, вынудившей ее сжать бедра в приливе влажного жара.

Она скользнула рукой под его рубашку. Рафаэль схватил ее за запястье.

— Нет, Елена.

— Я не настолько слаба, — разочарованно ответила она. — Не беспокойся.

Его рука сдавила на мгновение ее запястье, затем он отпустил ее и отступил на шаг, разрывая их близость. Готовая бороться с ним за то, в чем нуждалась, Елена взглянула вверх... и застыла.

— Рафаэль.

Голубое пламя бушевало в его глазах, смертельное, как ангельский огонь, брошенный им в Урама в той последней, решающей битве.

— Иди спать, — холодным, как лед, голосом приказал Рафаэль.

Но огонь в его глазах продолжал пылать.

Чувствуя, как болезненно сжалось ее сердце, Елена обняла себя руками, прикрывая грудь.

Она не знала, кого защищает, себя или его.

— Ты вернешься?

— Ты на самом деле этого хочешь?

Рафаэль повернулся и прошел через балконные двери прежде, чем Елена успела ответить.

Она посмотрела, как он взмывает в безграничную темноту горной ночи, затем закрыла двери, на ладонях остались темно-красные полумесяцы от впившихся в кожу ногтей, и побрела в кровать.

Но хоть и натянув на себя все до единого одеяла, прошло много времени, пока она перестала дрожать.

Она думала, что знала, была уверена, что поняла. Но это не так. С тех пор как проснулась, она обращалась с Рафаэлем, как будто он был "безопасным". Сегодня ночью ее ждало горькое разочарование.

Рафаэль никогда не будет безопасным. Все, что нужно — один неверный шаг, и он мог ее убить.

Достаточно ли она сильна, чтобы пойти на такой риск, воспользоваться шансом?

"Ты сделала меня немного смертным".

Он сказал ей это в ту ночь, когда она выстрелила в него, в ту ночь, когда он так сильно истекал кровью, что она плакала, руки дрожали, пока она пыталась остановить темно-красный поток крови.

Боялся ли он тогда? Знает ли Рафаэль, что такое страх? Она не знала, не была уверена, что он ответит, если спросит.

Елена знала страх слишком близко.

"Но, - подумала она, расслабившись, — она не боялась в самом конце".

Когда ее разбитое тело лежало на руках Рафаэля, она не боялась. И это был ее ответ.

"Да, - обратилась она к Рафаэлю, не зная насколько сильна их ментальная связь, и не уверенная, как далеко она действует. — Да, я хочу, чтобы ты вернулся".

Он не ответил, и она не знала, услышал ли он ее вообще.

Но глубоко в ночи Елена ощутила прикосновение губ к ее шее, темный жар большого мужского тела вокруг нее, ее крылья пойманы между... неопишуемая близость между двумя ангелами.

Елена проснулась одна, но на ночном столике ее ждала чашка кофе — рядом с Розой Судьбы.

Рафаэль подарил ей это бесценное сокровище — скульптуру, вырезанную из цельного куска алмаза — вскоре после того, как они впервые встретились. Она пробовала ее вернуть, только чтобы на следующее утро найти снова на своем столике.

Не отрывая взгляд от подарка, бесспорно романтического, она с трудом села на кровати и вдохнула упоительный запах свежего кофе.

Однако, она едва сделала глоток, когда почувствовала это — прохладная ласка шелка, смешанная с обещанием боли, которая несет наслаждение.

— Дмитрий.

В горле пересохло, Елена поставила чашку и натянула одеяло на грудь.

Как раз вовремя.

Вампир вошел, едва постучав.

— Ты опоздала на тренировку.

Елена заметила конверт в его руках.

— Что это?

— От твоего отца. — Он передал письмо Елене. — Жду тебя внизу через полчаса.

Она почти не слышала его, не сводя глаз с конверта. Что Джеффри Деверо хотел теперь?

— Я буду там. — Слова прорвались сквозь комок в горле.

Дмитрий ушел, напоследок подарив ей поцелуй из бриллиантов и сливок, чувственное подразнивание, от которого у нее перехватило дыхание, а ее бедра непроизвольно сжались.

Но наваждение было мимолетным. И вот она одна, смотрит на конверт с опаской, будто ждет, что у него вырастут клыки и когти.

— Не будь трусихой, Элли, — сказала она сама себе и ножичком открыла конверт.

Письмо, увидела она, было отправлено на ее адрес в Гильдии.

Ее губы скривились. Как, должно быть, отцу претило связываться с дочерью через ее пошлую, недостойную человека работу. Отродье. Так он назвал Елену в последнюю ночь под крышей его дома.

Она никогда не забывала, никогда не забудет.

Елена с такой силой дернула сложенное письмо, что почти разорвала конверт.

Она не сразу поняла, о чем говорится в письме, а когда сообразила, на нее обрушился шквал эмоций.

Письмо было не от отца. Оно пришло от адвокатов семьи Деверо — они ставили ее в известность, что оплатили взносы за хранение ее ячейки в банке из уважения к бизнесу ее отца, хотя содержимое этой ячейки теперь принадлежит полностью ей.

Елена смяла письмо в кулаке. Она совсем забыла... нет, ложь. Она намеренно не вспоминала. Наследство ее матери, она поняла.

Маргарита Деверо завещала Елене половину своего небольшого состояния, другая половина перешла к Бэт.

Но вещи в банковской ячейке... они были из детства Елены.

Кап.

Кап.

Кап.

"Иди сюда, маленькая охотница. Попробуй".

Оттолкнув в сторону одеяла непослушными руками, Елена выбралась из кровати и побрела в ванную, письмо так и осталось лежать на простынях. Она вошла в душ и повернула вентиль.

Ее пальцы соскользнули вниз.

Кусая губы до крови, она снова попыталась открыть кран. Слава богу, наконец он поддался, и Елена ощутила мягкие, теплые струи воды.

Вода смыла прочь сонливость, но ничто не могло стереть из памяти проснувшиеся воспоминания.

Ариэль была самой лучшей старшей сестрой, какую только можно было пожелать. Она ни разу не прогнала Елену, хотя та была той еще занозой, постоянно совавшей свой нос в личную жизнь сестры-тинейджера.

Мирабель, самая старшая из них, была более строгой, но Бель еще и учила Елену играть в бейсбол, долгие часы терпеливо обучала ее, как бросать, как принимать.

Инь и Янь, так мама называла своих двух старшеньких. Ари была мягкой и нежной, Бель — с перчинкой.

"Бель, куда ты так нарядилась?"

"Ой, да ладно, мам. Сейчас так модно".

"Может это и модно, *mon ange*, но отец запрет тебя на месяц, если увидит, что у тебя пол-попы наружу в этих шортах".

"Мам!"

Елена помнила, как сидела за кухонным столом и хихикала, когда ее длинноногая пятнадцатилетняя сестра бросилась наверх переодеваться. Вместе с ней хихикала и Бэт, сидящая напротив, в свои пять лет слишком маленькая, чтобы по-настоящему все понимать.

"А вы, маленькие чудовища, ешьте фрукты".

Сердце Елены сжалось при воспоминании о неповторимом, с легким акцентом голосе матери; она пальцами коснулась щеки, пытаясь ощутить потускневший след поцелуя Маргариты.

"Мама", — надломленный шепот, детская мольба.

Так много крови потом. Елена поскользнулась, сильно упала.

И услышала предсмертные хрипы Бель, встретила с полными ужаса глазами Ари. Даже тогда сестра старалась защитить ее, старалась выговорить "Беги", но из наполнившегося кровью горла вырвались только булькающие звуки.

Но Слейтер Паталис не собирался убивать Елену. У него были на нее другие планы.

"Сладкая маленькая охотница".

Выключив воду, Елена вышла из душа и сосредоточенно вытерлась.

Она расправила крылья, как делал при ней Рафаэль, и ахнула от боли, пронзившей ее вдоль спины.

Приветствуя пульсирующую боль, которая разогнала бесконечную череду воспоминаний, Елена надела спортивный костюм: свободные тренировочные штаны черного цвета с белыми лампасами по бокам и простую черную майку с вшитым бюстом.

Как и вся одежда, которую она нашла у себя в гардеробе, эти вещи определенно были сшиты с учетом крыльев, майка туго затягивалась лямкой через шею, а сзади состояла из

трех частей — по одной с каждой стороны от крыльев, третья шла вниз вдоль спины — которые переходили в один широкий пояс, Елена обмотала его вокруг талии, затем закрепила по бокам, используя регулирующие застежки.

Для лучшей поддержки груди в майку вшили корсетные косточки. Елена осталась довольной, что тело не будет отвлекать ее от того, чему она должна научиться, и влажную массу светлых волос заплела в высокую косу.

Затем, не привыкшая к беспорядку, она заправила кровать... письмо засунула в ящик стола... и вышла из комнаты.

Спальня, стены которой были из стекла, соединялась с большой, уже знакомой Елене гостиной.

Напротив, гостиной, через коридор, находилось что-то вроде офиса и маленькая, но хорошо укомплектованная библиотека, обе комнаты с прозрачными стенами, от чего казалось, будто ты в окружении гор.

Книги теснились на низких полках, и старые, и новые, тут же она заметила новейший компьютерный комплекс. Все комнаты находились на самом верху крепости, над стремящейся ввысь центральной частью здания.

Большинство жилых помещений расположены ниже, комнаты для Семерки, других ангелов и вампиров. Но верхний этаж занимал Рафаэль, и только он.

Коридор — который в конечном счете выводил к лестнице, врезанной в центральное ядро — представлял из себя симфонию чистых линий, неожиданно прерванных. Восточная кривая сабля с выжженными на лезвии древними рунами висела на стене с лева, сталь поблескивала зловещей остротой. Елена так и видела, как Дмитрий держит этот клинок, раздумывая, мог ли он когда-то принадлежать ему. Потому что Дмитрий был древним, один из самых старых вампиров, с которыми она встречалась когда-либо.

Несколькими фугами ниже большую часть правой стены покрывал гобелен ручной работы. Елена почти полчаса рассматривала его вчера, не понимая, что так её к нему притягивало. И теперь, несмотря на желание побыстрее выйти, подавить волнение в животе грубой силой, ее ноги замешкались, потом остановились.

В этих аккуратно затканых нитях была запечатлена история, которую Елена отчаянно желала понять. На панно был изображен ангел, в свете солнца его силуэт отливал золотом, лицо скрыто тенью, он смотрит вниз на охваченную пламенем лесную деревню. Другой ангел поднимается к нему, волосы черной волной падают ей на спину, крылья чистейшего белого цвета, Елена никогда не видела таких. Летящие пряди волос скрыли лицо ангела в тени. Но лица жителей деревни, корчившихся в агонии... каждое, было выткано в мельчайших подробностях, вот кричащий ужас в глазах женщины, которая застыла на месте, пока пламя лизало ее юбку, а кожа на ее руке начала покрываться волдырями.

Кто были эти ангелы? Они пытались помочь людям? Или они являлись причиной бойни? Самое важное, подумала Елена, и дрожь прошла по ее телу, почему Рафаэль повесил этот тревожащий гобелен в месте, в котором ему придется смотреть на него почти каждый день?

Рафаэль смотрел вниз на искалеченного вампира, еще острее осознавая расчетливость увечий, тщательность, с которой били Ноэля, его лицо больше напоминало мясной фарш — но один глаз оставался неповрежденным, выделяясь тусклой голубизной на опухшем от ран лице.

На месте другого глаза было месиво. Носа не было, но губы остались нетронутыми, совершенные в своей форме.

Ниже шеи все тело было раздроблено, и на такие мелкие кусочки, что некоторые кости превратились в пыль. Рафаэль не так давно изувечил одного вампира — наказание за предательство.

Он сломал кости Жермену, каждую — единственным взмахом рук. Суровое наказание, такое, что Жермен запомнит его на всю оставшуюся жизнь, но удовольствия от этого Рафаэль не получил.

Напавшие на Ноэля, вне всяких сомнений, наслаждались тем, что делали, и продолжали избивать его даже после того, как оставили сообщение на его теле.

Клеймо, как злокачественная опухоль, виднелось на груди Ноэля, но их целитель, Кейр, обнаружил отпечатки ботинок также на спине и лице.

К тому же кинжал был не единственным, что они оставили внутри вампира. Осколки стекла были засунуты глубоко в его раны, так чтобы заживающая плоть сомкнулась над ними.

Ноэля били и другими способами, его тело искромсано и разорвано.

Вероятно, милосердие проявили только, когда он потерял сознание.

Рафаэль хотел бы верить, что он не способен на такую бессмысленную жестокость, но часть его не была так уверена. Надиэль тоже когда-то считалась величайшим из архангелов.

Как бы то ни было, одно неизменно — Рафаэль не смирится с тем, что его людей избивают и пытаются.

— Кто сделал это с тобой? — спросил он.

Уцелевший глаз вампира все еще был тусклым. Мужчина выживет, но будет ли его разум прежним...

— Не знаю. — Ответил он на удивление отчетливо, настолько отчетливо, что Рафаэль изменил свое мнение о шансах Ноэля на полное выздоровление. — Напали.

— Ты не молод, — заметил Рафаэль, получивший сведения о Ноэле от Дмитрия. Казалось, вампир был надежным, входил в команду, которая подчинялась Семерке, Дмитрий даже собирался обратить внимание Рафаэля на сметливость и преданность Ноэля. — Тебя не должны были так легко схватить.

— Не один. Крылья. Слышал крылья.

Рафаэль казнил архангела. Он не испытывал угрызений совести по поводу уничтожения ангела, который стремился заявить о себе, жестоко избивая, тех, кто служил Рафаэлю.

— Отличия?

— Не смог разглядеть. — Его здоровый глаз посмотрел в сторону Рафаэля. — Они вырвали мне глаза, когда начали бить.

Внезапно нечеткость взгляда вампира приобрела смысл. Этот глаз все-таки не оставили нетронутым — он просто начал регенерировать раньше своего собрата.

— Что-нибудь узнал о тех, кто напал на тебя?

— Сказали, я послание от Илии. — Кашель вырвался из его груди.

Рафаэль не называл этого архангела другом, но и врагом Илию тоже не звал.

— Мужчина или женщина?

— Я почти не соображал тогда. — Безжизненные слова. — Чистое зло, так мне казалось. Но, по меньшей мере, один из них наслаждался болью. Пока выжигали клеймо на мне... кто-то смеялся и смеялся, и смеялся.

* * *

Елена возвращалась в комнату, чтобы принять душ и переодеться после тренировки с Дмитрием, когда что-то разрезало воздух с леденящим свистом.

Она сильно ударилась об землю, разбив локоть на каменных плитках и поцарапав ладонь на другой руке. Ее крылья не пострадали, но только потому, что она успела упасть на бок.

Расплатой будет гигантский синяк на левом боку и пронзающая до костей боль в руке.

Едва упав на землю, Елена тут же с охотничьей осторожностью приподняла голову, зная, что будет легкой мишенью, если не двигаться. Ничего не заметив, она решила встать.

Даже тогда ее окружала всего лишь тишина; в этой части территории Рафаэля деревья, словно вымахавшие на свежем горном воздухе, заполнили все вокруг, на расстоянии ста футов не было ни одного ангельского жилища.

Недоумевая, неужели она зря получила свои синяки, Елена начала медленно поворачиваться по кругу.

Этот свистящий звук, он был очень похож на... ее взгляд упал на рукоятку брошенного ножа, все еще подрагивающего, воткнутого в ствол дерева прямо на том уровне, где стояла она.

Прихрамывая из-за слегка вывихнутой лодыжки, Елена подошла к дереву, прежде, чем коснуться ножа, она принялась к нему.

Мех, бриллианты и все остальное, о чем хорошие девочки не должны мечтать.

— Треклятый вампир.

Она была настолько вне себя из-за того, что не заметила, как он крался за ней, что только со второй попытки сняла кусок бумаги, обернутый вокруг рукоятки ножа и закрепленный резинкой сверху.

Сообщение было написано сильной мужской рукой, почерк отчетливый с нажимом.

"Для тебя это не Убежище. Ты добыча. Не забывай".

Рафаэль наблюдал за Еленой, когда она вошла в гостиную, кожа на руке разодрана, одна нога припадает, и размышлял, неужели ему все-таки придется убить лидера своей Семерки.

— Я его убью, — произнесла Елена, обессилено рухнув на диван. — И буду наслаждаться каждой минутой.

Оценив кровожадное выражение на ее лице, Рафаэль решил оставить Дмитрия ей.

— Как твоя нога?

— Похоже нога вылечилась слишком рано. — Вопросительный взгляд. — Я теперь исцеляюсь быстрее?

— В какой-то мере. Легкие царапины и вывихи пройдут за день, но, учитывая твою недавнюю трансформацию, чтобы срослись переломы пока еще потребуются недели.

— Лучше, чем месяцы. — Она провела здоровой рукой по лицу. — Я думала, ты был занят архангельскими делами.

Глядя на нее, заляпанную грязью и побитую, кто-то мог усмотреть в этом слабость. Рафаэль видел силу, решимость и несокрушимую волю.

— Я поговорил с Ноэлем.

— Что он рассказал? — Ее лицо помрачнело, когда он договорил. — Ни одной стоящей зацепки, чтобы ухватиться.

— Нет. На него напали из засады, когда он шел через малонаселенную часть Убежища, территория принадлежит Илии. — По всему городу было разрешено взаимное передвижение, до тех пор, пока соблюдались некоторые правила поведения. — Я послал Джейсона все проверить, но он не нашел свидетелей.

— Место засады?

— Открыто всем ветрам. Любые следы их присутствия давно уже исчезли. — Что указывает на то, что кто-то очень тщательно все спланировал. — К тому же Ноэль был настолько сильно избит, что невозможно определить, где его кровь и пот, а где — тех, кто его схватил.

Елена покачала головой.

— Не думаю, что они оставили что-то... я бы тут же учуяла свежий след, когда мы только нашли Ноэля, в том месте было чисто, совсем ничего. А что насчет отпечатков обуви на его спине?

— Недостаточно информации — его раны уже начали заживать.

Рафаэль был уверен, это сделано преднамеренно.

Не для того, чтобы скрыть отметины ботинок, а чтобы осколки стекла наверняка остались погребенными глубоко в теле и причинили мучительную боль, когда Ноэль очнется.

— Насколько он плох? — Тихий вопрос.

— Хуже некуда.

Елена положила раненую руку поверх колена, сухожилия бледнели на фоне темно-золотистой кожи.

— Ты доверяешь Илии?

— Это не более, чем попытка поиграть со мной. — Если бы Илия решил убить его, то не стал бы тратить время на детские игры. — Илия не желает новых завоеваний.

Елена встретила с ним взглядом, было видно, что она огорчена тупиком.

— Могу ли я чем-то помочь?

— Чем сильнее ты становишься, тем труднее тебе навредить.

Ее лицо напряглось, словно она услышала нечто, не предназначенное для ее ушей.

— Для тебя это личное, также как и для Иллиума и всех остальных.

— Я не позволю, чтобы с моими людьми обращались, как с вещью.

И он хладнокровно прикончит каждого, кто осмелится преследовать Елену.

— Таково же правило охотников. Нападают на одного, нападают на всех нас. —

Быстрый кивок. — Чую, ты кого-то подозреваешь.

— Назараху более семи веков, и, как для многих древних, боль приносит ему наслаждение.

Между Назарахом и Рафаэлем существовала ментальная связь. Если он станет убивать, его казнь отзовется криком во всем мире.

Елена играла рукояткой кинжала, Рафаэль не видел, как она его достала.

— Тогда ты и понимаешь, что переступил черту. — Она посмотрела на него, в глазах испуг. — Когда боль становится приятной.

— Ты никогда не пересечешь эту линию, — запротестовал Рафаэль и, подойдя к ней, заставил встать.

Может он не уверен насчет себя, но нисколько не сомневался в Елене.

— Откуда ты знаешь? — Ее лицо, словно маска, скрывающая тысячи ночных кошмаров. — Я радовалась смерти Урама. Была так чертовски счастлива, что ублюдок мертв.

— Ты наслаждалась его болью? — пробормотал Рафаэль в ее ухо. — Улыбалась, когда текла его кровь, когда горела его плоть? Смеялась, когда я лишил его жизни?

Он почувствовал ее несогласие раньше, чем она помотала головой и крепко его обняла.

— Все еще беспокоишься?

— Да. Видимо, жестокость — признак вечной жизни и власти.

Рафаэль вспомнил о Ли Цзюань, поднимающей мертвых и играющей с ними, как ребенок с игрушками.

— Я заглядываю в свое сердце и вижу там бездну, смотрящую на меня.

— Я не позволю тебе погибнуть. — Яростное обещание.

Рафаэль прижал Елену ближе, сердце к сердцу, бессмертное к смертному.

Часом позже, все еще ощущая объятия Рафаэля, Елена вошла в классную комнату.

Десять пар блестящих глаз уставились на нее в немом восхищении, когда она села в полукруг.

Елена и сама с любопытством осматривалась. Впервые, она так близко к детям бессмертных — они оказались намного более хрупкими, чем она полагала, их крылья такие нежные, ей ничего не стоило разорвать их голыми руками.

Наконец, малышка с золотистыми косичками и крыльями цвета осени и вечерней зари осмелилась спросить:

— Ты ребенок?

Елена прикусила губу и поерзала на большой, жесткой подушке — с чувством бесконечной благодарности она отыскала в углу одну, подходящую ее размерам — которые, по-видимому, служили стульями.

— Нет, — ответила она, чувствуя, что ее настроение поднимается, чего никак не

ожидала после разговора с Рафаэлем. — Но я стала ангелом недавно.

Само собой, когда Дмитрий сказал ей, что она будет посещать уроки для быстреего ознакомления с основами ангельской жизни — чтобы спасти ее от собственного невежества — она представляла себе совсем другое.

Шепот пронесся по комнате, от ангела к ангелу. Пока девочка с миндалевидными глазами не произнесла:

— Ты была смертной.

— Ну да.

Елена наклонилась вперед, поставив локти на колени.

— Ты не должна так делать, — настоятельно зашептал мальчик с пышной копной черных кудрей слева от нее. — Если Джессами тебя увидит, у тебя будут неприятности.

— Спасибо. — Елена выпрямилась, а мальчик — на вид годика четыре — одобрительно кивнул. — Почему нельзя так делать?

— Потому что это плохо для твоей осанки.

— Превосходно, Сэм, — послышался сзади взрослый голос.

Через мгновение высокая, болезненно худая ангельша в длинном голубом одеянии обошла Елену справа и направилась к середине полукруга. "Это, - подумала Елена, — должно быть, ужасная Джессами."

— Вижу, вы все познакомились с нашим новым учеником, — заметила учительница.

Сэм поднял руку. — Да, Сэм?

— Я могу показать ей все здесь.

— Очень любезно с твоей стороны. — Огонек мелькнул в суровых карих глазах и тут же пропал, скрывшись за веками.

Но Елена заметила эту искорку, от чего почувствовала себя настоящей женщиной.

— Итак, — начала Джессами, — так как Елена сегодня первый раз на занятиях, я хотела бы сделать небольшой обзор уже пройденного материала, особенно, что касается нашей физиологии.

Елена глянула на Сэма:

— Тебе ведь не четыре года?

— Я не маленький, — последовал возмущенный ответ, и тут же на них зашикали сидящие рядом дети.

Затем Елена слушала и запоминала, а другие ученики перечисляли названия и функции каждой мышцы, каждой косточки и каждого перышка, начиная с тех, которые управляют направлением движения, и кончая теми, что уменьшают сопротивление воздуха в полете и усиливают тягу.

К тому времени как закончился урок, голова Елены ломилась от информации, и она ясно осознавала, что ей еще многому нужно научиться.

— Все свободны, — отпустила класс Джессами, когда Елена встала вместе со всеми, продолжила: — Елена, можно тебя на пару слов.

От разочарования карие глаза Сэма стали огромными.

— Мне подождать тебя?

— Да, — согласилась Елена. — Я ведь не была в этой части Убежища.

Расположенная точно посередине раскинувшегося во все стороны города, эта была, по словам Илии, нейтральная территория.

Ответом ей была солнечная улыбка, такая невинная, что внезапно она испугалась за

Сэма.

— Я подожду на игровой площадке. — Кивнув на прощание учителю, маленький ангелочек пошел к двери, его коричневые крылья с черной каймой волочились по полу.

— Самеон, — мягко позвала Джессами.

— Ой! — Еще одна улыбка. — Простите. — Крылья тут же приподнялись.

— Как только он выйдет за дверь, крылья снова опустятся, — произнесла Джессами и приглашающе махнула рукой в сторону двух больших подушек рядом со столом, заваленным книгами. — Кто посоветовал тебе присоединиться к классу?

Они уселись, и у Елены закралось подозрение.

— Дмитрий.

— Ах, вон оно что. — Глаза учителя сверкнули. — Тебе вовсе не нужно посещать класс вместе с малышами. Имелось в виду, что я буду учить тебя индивидуально.

— Да я с него кожу живьем сдеру, — буркнула Елена, — а урок мне понравился. Не будешь возражать, если я еще приду? Малыши учат меня просто своим присутствием.

— Добро пожаловать в любое время. — Худое лицо Джессами помрачнело. — Но ты должна учиться намного быстрее, чем они, если хочешь выжить после знакомства с Чжоу Ли Цзюань.

Елена заколебалась.

— Я знаю о возродившихся, — продолжил Джессами с ужасом в голосе. — Я хранитель ангельских знаний. В мои обязанности входит ведение исторических записей — но эти события, лучше бы я не заносил их в летопись.

Кивая в молчаливом согласии, Елена положила руку на грудку книг на столе.

— Мне нужно прочитать все эти книги?

— Да. Из них ты получишь общее представление о нашем недавнем прошлом. — Елена встала. — Прочитай столько, сколько сможешь, обращай ко мне по любым вопросам, неважно какими незначительными или бестактными они будут. Знание великая сила, когда приходится противостоять самым древним из нас.

Елена поднялась на ноги и прошлась взглядом по крыльям Джессами, когда ангел повернулся, чтобы достать что-то позади нее. Левое крыло было уродливо вывернуто, от увиденного желудок Елены сжался.

— Я не могу летать, — произнесла беззлобно ангел, хотя Елена ничего не спрашивала. — Я такой родилась.

— Я... — Елена тряхнула головой. — Вот почему ты такая.

— Не понимаю.

— Ты добрая, — объяснила Елена. — Думаю, ты самый добрый ангел, с которым я когда-либо встречалась. — Порок не коснулся этого худого ангела с глазами цвета выжженной степи и блестящими темно-каштановыми волосами. — Ты понимаешь боль.

— Также, как и ты, охотница Гильдии.

Они вышли на солнечный свет, и Джессами окинула ее пронизательным взглядом, который почти сразу сменился на спокойный, но глубоко счастливый.

— Гален.

Проследив за взглядом Джессами, Елена увидела ангела, только что приземлившегося на помосте перед школой.

Было что-то знакомое в мускулистом рыжем мужчине, хотя она могла поклясться, что никогда раньше его не видела.

Затем бледно-зеленые глаза встретились с ее, и плескавшееся в них холодное предупреждение открыло шлюзы ее памяти.

Рафаэль истекает кровью на полу. Два ангела влетают в комнату, в руках у них носилки.

Этот ангел, будто ему не терпится выбросить ее в черноту за разбитые остатки зеркального окна... и наблюдать, как её тело падает, на предельной скорости сталкивается с землёй, позвоночник ломаясь пробивает кожу, череп сминает подобно яичной скорлупе из которой вытекает серое вещество. Сразу видно, с тех пор мнения своего он не изменил.

— Гален. — На этот раз с неодобрением.

Ангел, наконец, отвел взгляд от Елены, но так и не заговорил. Поняв намек, она попрощалась с Джессами и стала спускаться по ступенькам, затылок тревожно покалывало.

— Я тут!

Вздрогнув, Елена глянула вверх и обнаружила Сэма, летающего над ней, в сравнении с его маленьким телом крылья казались слишком большими.

— Ты уже можешь летать?

— А ты нет? — Ангелочек завис в воздухе рядом с ней.

— Нет.

— О! — Виляющий поворот налево, и он приземлился возле нее. — Тогда я пойду пешком вместе с тобой.

Елена едва не улыбнулась, заметив, что его крылья волочатся по безупречно чистой дорожке.

— Тебе легче оставаться в воздухе?

— Иногда, если ветер хороший.

Сэм дернул ее за руку и показал на кого-то на другой стороне двора. Посмотрев вверх, Елена увидела широкоплечего ангела с крыльями, своим узором напоминающие орлиные, он собирался приземлиться.

— Это Дахариэль. Он из древних.

Дахариэль встретился взглядом с охотницей.

Вечность. Неистовость. Волна силы.

И все в одном взгляде, затем ангел коротко кивнул и пошел прочь туда, где, как знала Елена, была территория архангела Астада. Несмотря на ярко сияющее солнце, её пробил озноб.

"Такой, - подумала она, когда Дахариэль исчез из вида, — вполне способен избить человека с безжалостной точностью, не оставив ни одной целой косточки".

Сэм снова дернул ее за руку:

— Пойдем.

Маленький экскурсовод провел Елену по небольшому школьному двору, небо над головой было невероятно ясным, и она позволила себе расслабиться.

Эти дети рождены бессмертными, многие из них, вероятно, старше нее, хотя по виду не скажешь.

Но возраст понятие относительное. На их лицах та же невинность, что и на личике Зои, дочки Сары. Они еще не вкусили горьких слез, которые мир уготовил им.

Будто старшие, более могущественные ангелы, несмотря на их безжалостность, стараются оградить от жестокости эту часть Убежища. Как кусочек мира и покоя в городе, нашептывающего о тысячах темных секретов.

Наверху, над ее головой, послышался шум крыльев взрослого ангела.

Подняв глаза, Елена увидела ярко-синюю вспышку, а затем во двор опустился Иллиум. Сэм и остальные дети облепили его со всех сторон, словно рой маленьких бабочек, крики и смех разносились вокруг.

— Спаси меня, Елена, — взмолился Иллиум, поднявшись в воздух... но не очень высоко и не очень далеко, чтобы малыши не смогли добраться до него.

Улыбаясь, Елена села на детскую скамейку и наблюдала, как ангелочки взмывают вверх и тут же пикируют вниз.

"Бель бы это понравилось", - неожиданно подумала она. У ее дерзкой старшей сестры был один секрет — она любила бабочек.

Однажды Елена подарила ей кошелек в виде бабочки монарха, эту хорошенькую вещицу она нашла на дворовой распродаже за десять центов. И заплатила за нее из собственных карманных денег.

Кошелек лежал в кармане джинсов Бель в тот день, когда Слейтер Паталис раздробил ей ноги, она походила на брошенную детскую куклу.

Елена все еще помнила ярко-оранжевые блестки, сверкающие в море крови, и красные безжизненные пальцы Бель.

Рафаэль приземлился на балконе этажа Илии в Убежище, зная, что Елена рада была бы познакомиться с Ханной.

Но она всё ещё была новоиспечённой бессмертной, и Рафаэль ни за что не доверит её жизнь переменчивым настроениям архангелов и ангелов.

И это не случайное стечение обстоятельств, что и Илия, и Микаэла в одно и то же время решили отправиться в Убежище.

Выходу Ханны на балкон предшествовал аромат магнолий.

— Рафаэль. — Она протянула к нему руки. — Сколько лет, сколько зим.

Рафаэль взял ее за руки и наклонился, подставляя щеки для поцелуев.

— Больше пятидесяти лет.

Ханна не часто покидала дом в Южной Америке.

— Как поживаешь?

Темная кожа Ханны блестела в свете солнца. Ханна кивнула, её чёрные локоны отражали последние искорки заходящего светила.

— Я пришла встретиться с твоей охотницей.

— Ты удивляешь меня, Ханна.

Он отпустил ее руки, и она развернулась, чтобы проводить его внутрь.

Она рассмеялась — теплый, нежный звук.

— У меня есть свои недостатки, и любопытство входит в их число.

— Елена будет польщена знать, что вытащила тебя из дома.

Ханна подошла к небольшому, резному столику и подняла бутылку из очень изящного стекла.

— Вина?

— Спасибо.

Рафаэль оглядел комнату, заметив приложенную Ханной руку в каждой картине, каждом предмете мебели.

— Ты очень много путешествуешь.

Лёгкая, загадочная улыбка.

— Скоро появится Илия. Мы не так давно прибыли.

— Спасибо. — Рафаэль принял бокал с золотистой жидкостью, свечение которой напомнило ему о другом времени и месте.

Умирающая на его руках охотница, ее волосы белые как простыня.

И сердце, которое, как он думал, давно уже умерло, снова затрепетало в агонии.

— Как тебе вкус? — спросила Ханна.

Рафаэль покачал головой. Амброзия... и этот момент... был неопишным и совершенно личным.

Ханна спустя мгновение опустила голову и молчаливо и неохотно согласилась.

— Рафаэль, я рада за тебя.

Он выжидающе встретился с ней взглядом.

— Я всегда считала тебя другом, — тихо добавила Ханна. — Я знаю, что если бы другие решили за спиной Илии прийти за ним, ты бы к ним не присоединился.

— Откуда такая вера?

— Конечно же, из сердца.

В этот момент вошел Илия, его волосы были мокрыми.

— Рафаэль. Ты не привел свою Елену?

Моя Елена.

Рафаэль задумался, а что бы сказала его охотница о том, как ее называют бессмертные.

— Не в этот раз.

Возможно, однажды Илия станет тем архангелом, которому он сможет довериться. Но не сегодня.

— Пойдемте, — позвала их Ханна. — Давайте присядем.

Она повернулась к Илию и насколько Рафаэль мог видеть, между ними состоялся молчаливый разговор, и Ханна, прежде чем села, скривила губы.

— Итак, — начал Илия, пока его пара с грациозной осанкой наливала ему вино, — слышал, Микаэла почтит нас своим присутствием.

— Похоже, она ищет Убежище по своему вкусу.

Илия улыбнулся.

— Ханна рассказала тебе о своей новой картине? Она выдающаяся.

— Я только-только начала, — возразила Ханна. — Но она сама собой пишется.

Следующие полчаса проходят в непринужденной беседе, и хотя Рафаэль догадывался какую форму примет разговор, он понял, что находится в состоянии нетерпения. С этим ощущением он не был знаком. После такой долгой жизни он научился искусству терпения. Но когда встретил охотницу, все изменилось.

Наконец-то они остались с Илией наедине на балконе — Ханна благоразумно их покинула.

— Ты ей все рассказал? — спросил Рафаэль.

— Такой личный вопрос. Не ждал от тебя.

— Елена спрашивала меня об отношениях между ангелами. Я понял, что знаю об этом очень мало.

Илия устремил взгляд на реку, мчащуюся далеко внизу, огибающую и проникающую в трещины, которые стали еще глубже за мимолетные века.

— Ханна знает все, что и я, — наконец ответил он.

— Тогда почему решила не оставаться с нами?

— Она понимает, потому что мы пара. И не желает быть втянутой в разборки Совета. — Он помолчал. — Ты не понимаешь, потому что твоя охотница всегда была спутана с Советом.

— Как может кто-то с такой силой, как у Ханны, — которая увеличилась за прошедшее время, — довольствоваться простыми крыльями?

— Ханна не склонна к политике — Илия повернулся и посмотрел на Рафаэля, плотно сжав челюсть. — В отличие от ангела, смеющего использовать мое имя.

— Демонстрируя высокомерие, которое однажды приведет к ошибке, — ответил Рафаэль, повторяя слова Елены, которые она сказала после напряженных моментов, когда крепко его обнимала, словно пытаясь физически удержать от падения в пропасть. — Он ищет славы и скорее всего, он знакомый.

— Понимаю твой гнев, Рафаэль, — гнев Илию был словно ужасающий накал, — но мы не можем дать этому отвлечь нас от истинных проблем.

— Ты что-то слышал. — Это было заметно по взгляду и голосу архангела

Илия кивнул.

— Ходят слухи, что на балу Ли Дзюань собирается продемонстрировать возродившихся.

Рафаэль догадывался. Последний доклад Джейсона, представленный после того, как возродившийся Ли Дзюань загнал его в угол и оторвал часть лица, говорил о постоянно усиливающейся армии оживленных мертвых.

— Нам нужно подготовиться к последствиям в случае распространения информации об эволюции Ли Дзюань.

— Мир содрогнется, — произнес Илия, в сумерках его голос звучал тихо. — И они станут немного больше нас бояться.

— Что не всегда недостаток. — Страх останавливал смертных от глупых поступков, не позволяя забывать, что в битве бессмертный всегда победит.

Аристократический профиль Илии вырисовывался на фоне оранжевого зари заходящего солнца, а его золотистые волосы были словно в огне.

— Думаешь, это подойдет к данному случаю?

— Смертные непредсказуемы... они могут назвать творения Ли Дзюань чудовищами, а могут признать ее богиней.

Илия посмотрел за Рафаэля, потом на Ханну, вошедшую предложить еще вина.

— Рафаэль?

Он покачал головой.

— Спасибо, Ханна.

— Рада была предложить.

— То, во что Ли Дзюань превращается, — произнес Илия, после ухода Ханна, — часть меня боится того, что нас ждет в конце.

— Ты не хуже меня знаешь, что наши способности связаны с тем, кто мы есть. — Рафаэль до сих пор не мог понять природу своего нового таланта, откуда он произрастал, из какого источника, какого поступка? — И ты никогда не забирал первенца каждой семьи в деревне только чтобы продемонстрировать свою силу.

Илия был явно шокирован.

— Никогда не слышал такого о Ли Дзюань.

— Она уже считалась древней, когда я родился, да и когда ты. — Илия был старше Рафаэля на три тысячелетия. — Многие ее поступки сокрыты в глубине веков.

— Тогда откуда ты знаешь?

Рафаэль просто посмотрел на ангела.

Через какое-то время Илия кивнул.

— Об этом мало что говорит проведенное нами расследование. Что она делала с детьми, которых забирала?

— Некоторых очевидно превратила в своих смертных зверушек и поддерживала их жизни, пока они ее развлекали. Других отдала своим вампирам как источник пропитания.

— Что? — спросил Илия. — Не верю. — Его лицо превратилось в маску отвращения. — Дети неприкасаемые, таков наш самый священный закон.

Рожденные ангелы были редкостью, самой большой редкостью и каждый младенец был даром, но...

— Некоторые из нас считают лишь ангельских детей таковыми.

Под белой кожей Илии проглянули кости.

— А ты?

— Нет. — Рафаэль замолчал, выказывая жестокую честность. — Я угрожал родителям убить их детей. — Но независимо от поступков родителей, он ни разу не коснулся детей.

— В первую половину своего существования я делал тоже самое, — признался Илия. — Пока не понял, что от угроз до действия лишь шаг.

— Да. — Год назад, пребывая в тишине — спокойное, безэмоциональное, бесчеловечное состояние, вызванное определенным использованием силы — мрак в Рафаэле оценил жизнь смертного ребенка как песчинку. И это было пятно на душе Рафаэля, преступление за которое не просят прощения... потому что оно непростительное. Но больше он никогда не станет требовать что-то за жизнь ребенка.

— Тот, кто раскрыл зверство Ли Дзюань, — сказал Рафаэль, вновь задумавшись, кем он станет без Елены? — был свидетелем того, что высмеивало сомнения.

— Я видел тела. — Джейсон говорил напряженным до предела голосом, его татуировки светились ярко черным, а не привычным коричневым. — Крошечные, высушенные существа, которые она хранит, как сувениры.

— Почему они до сих пор не распались?

— После того, как их иссушили вампиры, она высушила тела. — Джейсон встретился взглядом темных глаз с Рафаэлем. — Сир, в той комнате дети.

И даже сейчас Рафаэль не мог без отвращения об этом вспоминать.

Существуют вещи, на которые ты никогда не согласишься.

— Если бы Урам остался жить, — сказал он, говоря об архангеле, которого убил в ночь, когда вкусил амброзию, в ночь, которая превратила его в смертного, — он пошел бы тем же путём эволюции Ли Дзюань. Он устроил бы резню по всему городу, даже детей в колыбелях, списывая все на одного из своих вампиров.

— Ангел, который пытался уничтожить Ноэля. — Ярость Илии была похожа на тысячи кинжалов. — Уже на этом пути и нам не нужен еще такой в Совете.

— Нет. — Потому что пока ангел не займет должность, Совет не вмешивается, так долго, пока ангел, о котором идет речь, зверствует на своей территории, не вызывая проблем глобального масштаба.

Ни один архангел не смирится с вмешательством в его или ее сферу влияния.

— Ты видел девушек, которых Хариземнон берёт в свою постель?

— Слишком молоденькие. — Об этом ему сказал Веном, принеся эту информацию вампир — с цветом кожи близкому к жителям индийского субконтинента, незаметно проскользнул в пустынный зной на территорию Хариземнона. — Но он не переходит черту, из-за чего это остается внутренним делом.

Хариземнон был осторожен и не брал в постель девушек младше пятнадцати, объясняя тем, что во время его взросления пятнадцать лет для девушки крайний срок для замужества.

За исключением того, что девушки, которых он выбирал всегда выглядели моложе своих лет.

Но существовало много бессмертных, как и смертных, соглашающихся с Хариземноном, что архангел мог потакать своим неконтролируемым извращениям.

Илия посмотрел на Рафаэля.

— Титус говорит, что Хариземнон оскорбил девушку с его стороны границы.

— Я слежу за этой ситуацией... выглядит так, будто назревает война границ.

— У Титуса могут быть свои недостатки, но здесь я с ним соглашусь. Если Хариземнон нарушил границы, должен заплатить... и не распространять свои преступления на другие

границы.

Рафаэль согласен, но даже Хариземнонм со всеми своими гадостями не был угрозой, которая неумолимо приближалась.

— Не уверен, что Ли Дзюань можно остановить.

— Нет. — Илия сжал губы в тонкую линию. — Даже если мы объединим силы, не сможем ее убить. — Он глубоко вдохнул. — Но мы опережаем события. Возможно она не станет играть с возродившимися на чужой территории.

— Возможно. — А возможно Ли Дзюань решила дать волю своей армии, став буквально воплощением полу-богини, коей уже считалась на своей территории.

Но эта богиня несет лишь смерть, ее возродившиеся пируют на плоти живых, а она наблюдает за этим со снисходительной улыбкой.

* * *

То, что ей приснилось этой ночью, как потом рассуждала Елена, было неизбежно.

Она чувствовала, как прошлое тянет ее назад окровавленными руками.

Она боролась и сопротивлялась, но оно тащило ее в темный коридор, по извилистой тропинке, которую в одно туманное лето камень за камнем выложил отец, в белоснежную кухню, которую ее мама держала в чистоте.

Маргарита стояла у островка.

— Bébé чего ты там стоишь? Иди сюда, я сделаю тебе шоколад.

У Елены задрожала нижняя губа, а ноги подкосились.

— Мама?

— Конечно, а кто же еще? — Она рассмеялась таким знакомым и душевным смехом. — Закрой дверь и не впускай холод.

Невозможно было не подчиниться и не захлопнуть дверь за собой.

Елена с удивлением воззрилась на свою руку, детскую маленькую, испещренную царапинами и порезами девочки, которая предпочитала лазить по деревьям, а не играть в куклы.

Она обернулась, ужаснувшись, что чудо исчезнет, напугавшись, что на нее будет смотреть чудовище.

Но наткнулась взглядом лишь на лицо Маргариты, в глазах которой был смех, когда она опускалась на колени перед Еленой.

— Почему ты такая грустная, azeeztee? А? — Она заправила локон Елене за ухо длинными, заботливыми пальцами.

Маргарита знала лишь несколько слов на Марокканском Арабском, слабое воспоминание о потерянной в детстве мамы. Услышав одно из этих драгоценных воспоминаний, Елена убедилась в происходящем.

— Мама, я так по тебе скучала.

Мама поглаживала Елену по спине, прижимая к себе, пока она плакала, затем заставила себя отступить на крошечный шаг назад и посмотреть в столь любимое лицо.

Теперь же Маргарита выглядела печальной, в серебристых глазах стояли слезы горя.

— Мне жаль, bébé, так жаль.

Сон разрушался, по краям комнаты начала течь кровь.

— Мама нет

— Ты всегда была сильной. — Мама поцеловала ее в лоб. — Я бы хотела уберечь тебя от грядущего.

Елена в отчаянии наблюдала, как разрушалась комната на подтеки темно-красной жидкости на стенах.

— Нам нужно выйти на улицу! — Елена схватила маму за руку, пытаясь вытянуть ее за дверь.

Но Маргарита не пошла, она стояла с жестоко-предупреждающим выражением лица, даже когда на ее босые ноги начала капать кровь.

— Готовься, Элли, это еще не конец.

— Мама наружу! Выйди на улицу!

— Ах, chérie, ты же знаешь, что я никогда не покидала этой комнаты.

Рафаэль обнимал свою охотницу, пока она плакала у него на груди, ее уязвимость ножом резала его по сердцу. Он не мог найти слов, чтобы развеять ее печаль, но нашептывал ее имя, пока она наконец не услышала и узнала его.

— Поцелуй меня, Архангел, — произнесла Елена рваным шепотом.

— Как пожелаешь, Охотница Гильдии. — Запустив руку в ее волосы, он прижался к ее губам, доминируя над ней.

Елена не окрепла настолько, чтобы принять дикие глубины его голода, но он мог дать так необходимое ей забвение... даже если для этого нужен был контроль, сильно увеличивающий сексуальные муки уже грозящие довести до безумия.

Рафаэль не сделает ей больно, не возьмет то, чего она пока не в состоянии дать.

Уложив Елену на кровать, он прижался к ее телу, давая ощутить тяжелый вес его одержимости.

"Кошмары не властны над тобой, Елена. Ты принадлежишь мне".

Взгляд глаз цвета расплавленной ртути, наполненный бурей эмоций, встретился с его.

— Тогда возьми меня.

— Или я могу просто тебя ласкать. — Что и сделал, доведя лишь поцелуем, прикосновением рук, неумолимым желанием победить ее кошмары до крайней степени возбуждения

Ее тело увлажнилось от его пальцев, кожа блестела от пота, а глаза ничего не видели от страсти.

— Рафаэль! — она выгнула спину, когда наслаждение захлестнуло ее, а удовольствие от постоянных отказов стало порочным.

Рафаэль ощутил, как его кожа начала гореть, а член пульсировал от желания войти в неё до тех пор, пока это не станет всем, что она знала и видела.

Стиснув зубы, он спрятал лицо в изгибе ее шеи, борясь за контроль... и понял, что невероятное удовольствие отправило Елену в бессознательное состояние.

Прошло пять дней с тех пор, как Рафаэль любил ее, пока она не впала в милосердное забытие, Елена сидела в тихом, залитом солнцем саду.

С той ночи сны не возвращались, но она знала, что они ждут ее там за горизонтом, как шторм, с которым она не готова встретится лицом к лицу.

Если бы не манера Дмитрия доводить ее до изнеможения на тренировках, после которых ни на что не оставалось сил, ее мозг сам себя загнал бы в безумие, пытаясь сбежать от постоянного напряжения.

Поэтому казалось странным наступившее затишье в Убежище, словно нападение на Ноэля всего лишь помрачение рассудка.

Однако, гнев Рафаэля не уменьшился ни на йоту:

— Назарах отрицает свою причастность, — рассказал он прошлой ночью, лаская пальцами ее живот. — Я мог бы взломать его разум, но если он говорит правду, мне придется его убить и потерять одного из самых сильных ангелов на моей территории.

Елена сглотнула, услышав, с какой легкостью он рассуждает о вторжении в разум ангела, которого знакомый охотник описывал ей, как "монстра, который, скорее всего, с улыбкой затрахает тебя до смерти".

— Назарах восстанет против тебя?

— Также поступила бы и ты, Елена, если бы я сотворил с тобой то же самое. — Его рука поиграла краем ее трусиков. — У меня должны быть доказательства... или я наверняка лишусь не только его лояльности, но и поддержки других могущественных ангелов.

Она схватила его за запястье, сжала. Всегда он отступает. Ее тело хотело, чтобы он остался.

Но предупреждение в его взгляде и темная страсть давали ей знать, что она еще не готова, не достаточно сильна. Пока.

— Он тебе необходим, чтобы удержать власть?

Рафаэль накрыл рукой ее живот, наклонив голову, чтобы коснуться ее губ ленивым поцелуем, от которого у нее подогнулись ноги в простынях. Небольшое облегчение, лишь слегка ослабившее острый голод.

— Нет.

Прошло две долгие секунды, пока она выровняла дыхание и ответила:

— Тогда?

— Он нужен людям, Елена. — Почти нежное напоминание.

Она видела кошмары, от которых Рафаэль пытался ее оградить.

— Единственная причина, почему большинство вампиров не одержимы жаждой крови-ангелы не спускают их с короткого поводка.

— Даже архангел не может контролировать каждого вампира в пределах своих границ. Мне придется убить их, если они станут жаждать крови.

Приподнятая бровь.

— Твои глаза мрачны. Что ты знаешь о Назарахе?

— Один охотник не так давно выполнял работу для него. — Эшвини категорически отказалась возвращаться в Атланту, когда ей предложили там другую, совершенно постороннюю работу. — Она рассказывала, что в его доме постоянно раздаются крики, и

столько боли, что можно сойти с ума. Он взял в свою постель двух вампирш только для того, чтобы наказать их мужчин.

— Вампиры сами выбрали вечность, когда решили стать Избранными. — Шелковый ответ.

С этим не поспоришь. Даже ее сестра, Бет, стремится в Кандидаты, хотя и знает о жестоком наказании, которое вынес ее муж от рук ангела, его хозяина.

— Ты доверяешь Назараху?

— Лжет он с легкостью, но вовсе не единственный столь высокого о себе мнения, который верит, что может стать архангелом.

— Кто еще находится сейчас в Убежище или был в это время? — Они пришли к общему мнению, что заказчик должен был быть неподалеку, чтобы иметь возможность наблюдать-упиваться зрелищем- за результатом. — Дахариель?

Равнодушный взгляд, напоминающий о хищной птице, чьи крылья он носит, говорил о холодном рациональном уме, который оправдывает все, что ведет к успеху.

Кивок.

— Еще Анушка, дочь Нехи, несколько недель провела здесь.

Неха, королева ядов, змей.

Вздрогнув от мысли, на что способны ее отпрыски, Елена взяла одну из книг, которые ей дала Джессами, и вернулась из воспоминаний в настоящее, к очарованию окружающего пейзажа.

Она никогда не отыскала бы этот таинственный сад без помощи синекрылого ангела, растянувшегося рядом с ней.

Полевые цветы расцвели с дерзкой пышностью, радостно окружив мраморную беседку, где они сидели.

Сама беседка была хоть и простой, но элегантной — четыре колонны поддерживали украшенную резьбой крышу, полностью имитирующей шелковый арабский шатер.

— Слишком холодно для цветов. — Елена коснулась ярких оранжевых лепестков, задевших ее бедро, когда она уселась, свесив ноги через край.

— Цветы начали цвести неожиданно месяц назад. — Пожал плечами Иллиум. — Мы рады им- зачем оспаривать такой подарок?

— Я поняла тебя. — Открыв книгу, она расправила крылья на прохладном мраморе. Мышцы становились сильнее с каждым днем и больше не казались тяжелым грузом, но естественным продолжением ее тела. — Здесь говорится, что войны между архангелами начинались из-за споров о территории.

Иллиум выпрямился, сменив расслабленную позу, его волосы спутанной массой нависали над глазом:

— Это подправленная версия для детей, — ответил он, откидывая пряди с лица. — Правда, как всегда, более человечна. Все войны начинались женщиной.

— Неужели? — Она даже не скрывала своего скептицизма.

Ангел проказливо улыбнулся:

— Я собираюсь полетать. Зови, если понадобится.

Елена наблюдала, как он подошел к краю скалистого утеса и взмыл вверх вспышкой серебристо-голубого. Затем, нахмурившись, подумала:

"Рафаэль".

Ответ пришел через долю секунды.

"Да, — произнес он, — войны начинались из-за женщины".

Она чуть не порвала страницу в своей руке.

"Как долго ты подслушиваешь?"

Он ни разу не принуждал ее действовать против воли с тех пор, как они молчаливо понимали друг друга высоко в Убежище, но это — насилие над ее мыслями, ее секретами — так же неприятно.

Может быть, даже хуже. Потому что она доверила ему свою боль, выбрала его, чтобы раскрыть перед ним ту часть себя, которую крепко скрывала.

"Мы единое целое, Елена".

"Я так не думаю".

Если бы это действовало в обе стороны, то она могла бы принять такое положение дел. Но все не так. Слишком упорно боролась за право быть тем, кто она есть, чтобы теперь уступить. Глубоко вздохнув и собрав все силу воли, охотница мысленно разорвала связь.

"Елена, что ты..."

Внезапная тишина.

"Рафаэль?"

Ничего. Запах дождя у нее в голове исчез. Запах, который она не замечала, пока он не пропал.

Это была не головная боль, не сразу, но после часа чтения о войнах у нее появилось чувство усталости.

В книге говорилось, что Титус объединился с Нехой и Надиель, в то время, как Кэризмнон дрался бок о бок с Антоникусом. Ли Дзюань держала нейтралитет.

— Надиель, Антоникус, — произнесла Елена про себя, никогда не слышав раньше этих имен.

Потерев пульсирующие от боли виски, она перевернула страницу. От четкого изображения у нее перехватило дыхание. Лицо женщины поражало своей чистотой, глаза светились невероятной голубизной, Елена видела подобные только у одного существа, ее волосы темны, словно ночь... такие же темные, как у Рафаэля.

"Калиана, — прочитала она. — Архангел Шумера".

Пронзительная боль внизу шеи дала знать, что пора опустить ментальный щит. Она и так держала его поднятым намного дольше, чем смогла бы, если бы была смертной, но все равно недостаточно долго — поэтому ей нужно поберечь силы и использовать его для тех секретов, которые она не хочет выставлять на показ перед всем миром и даже перед самой собой.

Но аромат ветра и дождя не вернулся тотчас. Правда, появился другой.

Экзотичный запах чувственного мускуса с легкими нотами редчайших орхидей.

В то же мгновение она поняла, что он был не у нее в голове. А витал в воздухе вокруг нее.

Нахлынул адреналин, Елена уронила книгу и встала, когда Микаэла приземлилась перед ней.

Ее внешность поражала. Как бы Елена ее недолюбливала, но от правды не убежишь.

Крылья Микаэлы восхищали роскошным бронзовым цветом, ее тело изумляло совершенными изгибами и впадинами. А ее лицо... не было более потрясающего зрелища в мире.

— Вот те раз, — пухлые губы сложились в улыбку, от которой Елена пожелала, чтобы у

нее при себе было оружие, — я нашла, где прячется мышка Рафаэля.

Архангел вошла в беседку, ее крылья окрасились янтарным цветом, благодаря заходящему солнцу.

Она была одета в обтягивающие бежевые брюки, ее "топ" состоял из единственной полоски мягкой белой ткани, которая обвивала ее шею, образуя петлю, и пересекая крест на крест ее грудь, а затем завязывалась в узел под крыльями. Просто, сексуально, соблазнительно.

Елена отлично понимала, какого рода приглашение подразумевалось. Ее руки сжались в кулаки, привычная ревность и гнев окрасили ее лицо, горло перехватило от еле сдерживаемых чувств.

— Не знала, что ты так мною очарована.

Глаза Микаэлы сузились:

— Ты теперь ангел, охотница. А я твоя госпожа.

— Наверяд ли.

Архангел глянула на книгу:

— Тебе надо держаться этой компании и в будущем. Полу-ангел тебе как раз подходит по статусу.

Услышав, как Джессами — умного, доброго, мудрого — так унижительно обзывают, Елена разъярилась:

— Да она в десять раз более женственна, чем ты будешь когда-либо.

Микаэла махнула рукой, словно мысль об этом настолько смехотворна, что не стоит даже упоминания:

— Ей три тысячи лет, к тому же она проводит свои дни запертой вместе с пыльными томами, только калека может ею увлечься.

— А вот Гален находит ее более, чем очаровательной. — Это был выстрел в воздух.

Но он достиг цели.

— Гален — щенок, который до сих пор не научился выбирать себе врагов.

— Он тоже тебя отверг? — Поддела Елена, осознавая, что провоцирует архангела. — Ну, конечно же, он, должно быть, взял пример со своего сира. — У нее перехватило дыхание, когда она пролетела по воздуху и врезалась в мраморную колонну с другой стороны беседки.

Было адски больно, но, кажется, ничего не сломано.

Это случилось во время удара. Ледяная хватка страха.

— Где Иллиум?

— Он занят. — Насмешливо улыбаясь, архангел подошла ближе, каждое ее движение дышало чувственностью. — У тебя идет кровь, охотница. Какая же я неуклюжая.

Елена почувствовала металлический привкус крови на губах, но глаз с Микаэлы не сводила. Она хорошо понимала, эта сука играет с ней и пришла сюда не просто так.

— Если ты навредишь ему, Рафаэль отомстит.

— А если я покалечу тебя?

— Я дам сдачи, — и ударила правой ногой по колену Микаэлы.

К ее удивлению архангел упала. Но это было больше от неожиданности, подумала Елена, потому что Микаэла тут же вскочила, а ее глаза светились изнутри.

— Полагаю, — произнесла архангел тем тоном, который странно напомнил Елене голос Урама, полный садизма, — я захочу узнать, что сделает Рафаэль с теми, кто посмеет тронуть его маленькую игрушку.

Елена нажала на курок пистолета, который успела вытащить после того, как Микаэла упала. Ничего не произошло. Затем ее пальцы разжались, один за другим, и оружие грохнулось на мраморный пол.

В тоже мгновение что-то ударило ее в грудь, но когда она посмотрела вниз, то ничего не увидела. Сердце бешено забилося в панике.

Секундой позже показалось, что тонкие пальцы — сильные, со смертельно острыми ногтями — сжались вокруг ее сильно бьющегося органа, сдавливая его, пока кровь не заполнила рот и не потекла по подбородку.

Микаэла почти веселилась:

— Прощай, охотница.

Справа от себя Елена заметила вспышку голубого, это был Иллиум, его крылья покрывала кровь. В тот же миг способность чувствовать вернулась к ее пальцам.

— Сука. — Беззвучно прошептала она, чтобы отвлечь внимание, пока вытаскивала нож, спрятанный в заднем кармане брюк.

Схватив его со всей имевшейся у нее упрямой решительностью и игнорируя боль, игнорируя текущую изо рта кровь, метнула в архангела.

Микаэла вскрикнула, рука безвольно упала, когда клинок вонзился в ее глаз.

Тот час всепожирающее пламя охватило беседку, но это Микаэла бесчувственной массой врзалась в заднюю колонну, не Елена.

Сквозь слезившиеся от тумана глаза Елена разглядела Рафаэля, его руки светились смертельным сиянием ангельского огня.

Она сплюнула кровь:

— Нет. — Хрип, который никто не смог бы услышать. — Рафаэль, не надо, она того не стоит.

Он убил Урама, потому что это нужно было сделать, но лишив жизни другого архангела, он потерял частичку себя.

Елена чувствовала незаживающий шрам в его душе, хотя и не понимала, каким образом.

"Это я спровоцировала ее".

"Не важно. Она пришла убить тебя".

Он поднял руку, пылающую голубым пламенем, и охотница знала, Микаэла скоро умрет.

Ее ноги подкосились, она соскользнула на землю и произнесла то, что никогда не говорила ни одному мужчине:

"Ты нужен мне".

Рафаэль повернул к ней голову, в люминесцентном свечении его глаз она увидела монстра. Время остановилось. А затем он опустился рядом с ней на колени, синий огонь принудительной, сильнейшей тягой, вернулся в его тело.

— Елена. — Он прикоснулся к ее щеке. Елена ощутила, прилив странного тепла, разлившись по телу прямо к израненному сердцу.

Спустя мгновение биение сердца выровнялось.

Подняв дрожащие руки, она притянула Рафаэля к себе и обхватив его голову руками, прошептала в ухо:

— Не позволяй ей сделать тебя таким же, как она. Не дай ей победить.

— Она хотела причинить боль тому, что принадлежит мне. Не мог оставить безнаказанным.

Одержимость стеной черного пламени стояла в его глазах, но она знала, тут было что-то еще.

— Тут замешана власть, верно?

Кивок, от которого шелковые пряди цвета полуночи скользнули по ее рукам, ее архангел желает прислушаться к голосу разума. В этот раз.

— Она без сознания, мой кинжал в ее глазу. Оставь ее где-нибудь, где все смогут это увидеть.

— Какая ты кровожадная. — Губы рядом с ее, его гнев под контролем. — Унижение будет болезненнее, чем любые физические муки.

— Сука пришла не только за мной, она ранила Иллиума. Как он...

— Он один из моей Семерки, — ответил Рафаэль. — Он жив... хотя не могу сказать тоже самое про слуг Микаэлы.

— Бедный Колокольчик, — произнесла Елена, смотря как Иллиум побеждает последнего ангела, дравшегося с ним. — Кажется, ему всегда достается... — Ее горло сдавило, когда Иллиум отрезал крылья другого мужчины, неизвестно откуда взявшимся мечом. — Рафаэль...

— Подходящее наказание. — Поднявшись на ноги, Рафаэль подошел к телу Микаэлы, взял ее на руки, отчего архангел застонала, но не очнулась. — Оставайся тут, Елена. Я скоро вернусь за тобой.

Она смотрела, как он улетал, не вполне уверенная, что Микаэла переживет холодный гнев, который изменил Рафаэля до существа не имеющего ничего общего с ее любовником.

Обхватив колонну позади себя, Елена встала, и в этот момент вошел Иллиум. Кровь покрывала его лицо, волосы, меч.

— Откуда меч? — спросила он, когда он встал в позу охранника перед ней. Он был обнажен по пояс, рубашка была уничтожена.

Расправив крылья, он спрятал ее ото всех, и Елена могла лишь видеть стену из мускулистой спины, исполосованную кровью, и перья серебристо-синего цвета, с подтеками жидкости ржавого цвета.

— Я вновь подвел тебя. — Жесткое заявление.

Елена несколько раз глубоко вдохнула, положила руку на сердце, все еще ощущая прикосновение фантомных пальцев, излечивших ее.

— Иллиум, ты убил пять ангелов и отрезал им крылья. — Со спокойной, безучастной рассудительностью.

Он повернул к ней голову и посмотрел прямо в глаза, а когда заговорил, в холодном голосе не было и намека на британский акцент:

— Тебе их жалко?

— Просто... — Покачав головой, она попыталась подобрать слова. — Когда я, сидя в своей квартире, видела, как ангелы приземляются на крышу башни, я завидовала их способности летать. Крылья что-то особенное.

— Они снова вырастут, — произнес Иллиум. — Когда-нибудь.

Черствость и холодность его голоса шокировала, что должно быть было видно, так как Иллиум улыбнулся ей ледяной улыбкой.

— У твоего питомца есть клыки, Елена. Они тебе противны.

Именно этой пощечины не хватало, чтобы очистить разум от оставшегося психического тумана.

— Я считаю тебя другом, а большинство моих друзей могут сбить спесь с чопорного ангела в любой день недели.

Он моргнул. Один раз, другой, а затем знакомая злая улыбка осветила его лицо.

— У Ренсома очень длинные, красивые волосы. Может мне стоит устроить им встречу с "молнией"?

Естественно Иллиум дал имя своему мечу.

— Попробуй и уверена, ты вернешься с потрепанными крыльями.

Синекрылый ангел поднял длинное, обоюдоострое лезвие, словно хотел их убрать в ножны на спине. Я хотела было предупредить, что таковых не было... как лезвие исчезло.

— У нас у всех есть определенные таланты, Элли. — Он смущенно улыбнулся. — Мой несомненно полезен. Я не могу скрыться сам, но небольшие предметы, держа их близко к телу, могу сделать невидимыми.

Елена задумалась, значило ли это, что в один прекрасный день он станет архангелом?

— Ты носишь при себе все время пока мы знакомы?

Он пожал плечами.

— Меч, пистолет, иногда ятаган. Он отлично подходит для обезглавливания.

Елена покачала головой на кровожадные подробности, но замерла, когда закружилась голова.

— Иди смой кровь, Колокольчик.

— Только когда вернется Рафаэль.

Елена сделала несколько шагов по комнате и толкнула Иллиума.

— Я могу пойти домой. — Она почувствовала, как начали проявляться синяка, но это не плохо, могло быть хуже... особенно учитывая рану в сердце. Она потерла ее основанием ладони, немного больно, оно в целом все хорошо. — И поскольку я не самоубийца, ты можешь меня проводить.

— Сир просил оставаться здесь.

На самом деле, Елена считала это больше чем приказом, от нее не ждали, что она сделает что-то другое.

— Иллиум, тебе нужно знать обо мне кое-что, раз уж есть чертова надежда на нашу дружбу. Я вряд ли повинуюсь каждому приказу Рафаэля.

Выражение лица Иллиума стало осуждающим.

— Он прав, Элли. Для тебя здесь не безопасно.

— Я рожденный охотник, — хрипло сказала Елена. — Я никогда не была в безопасности.

"Ох, моя маленькая охотница, милая, прелестная охотница".

Пронеслось в голове, внося неразбериху в воспоминания, будто ненужный слой, Елена начала идти, понимая, что это вернется. Иллиум попытался встать на пути, но у Елены было преимущество: она знала, что он не прикоснется к ней и пальцем.

Она забыла об ангелах, которых он оставил в саду.

Они лежали там, словно подбитые птицы, обогрившие кровью землю, превратившие поле цветов в скотобойню.

В воздухе, наполненном богатыми ароматами, чувствовались кровь и боль, впитавшиеся в самые ее поры. И внезапно Елена начала скучать по своей квартире, по ванне, которую превратила в собственный рай. И тоска была сильной, заставившей содрогаться изнутри, скрутившей до боли живот.

— Сколько они будут там лежать? — выдавила она из себя.

— Пока не смогут самостоятельно передвигаться, — ответил Иллиум, и каждое слово было словно лезвие. — Или пока Микаэла не пошлет кого-нибудь за ними.

Этого, как знала Елена, никогда не случится. Отвернувшись от массы людей, обрезанных крыльев и смятых цветов, она медленно пошла прочь.

— Погоди. Моя книга.

— Я отдам ее, когда вернется Рафаэль.

Елена засомневалась, но знала, что не способна подойти к телам.

— Спасибо. — Сделав лишь несколько шагов, все ее чувства наполнил аромат дождя и ветра.

Иллиум растаял в тишине, а рядом с Еленой шел Рафаэль.

Она ожидала услышать выговор, что ослушалась его приказа, но он молчал, пока они не зашли в собственное крыло здания. И даже тогда, он молча наблюдал, как она стянула с себя одежду и отправилась в душ. Когда она вышла, он ждал ее с огромным полотенцем в руках. А когда обернул его вокруг ее тела, нежность этого жеста угрожала сломать.

Елена подняла взгляд, встретившись с его, когда он убрал влажные пряди волос с ее лица. Рафаэль тихо произнес:

— Жестокость нашей жизни шокирует тебя.

Она ладонью ощущала ровное и уверенное сердцебиение Рафаэля. Столь человеческий звук, столь правдивый и реальный.

— Не жестокость. — Она убила своего наставника, когда тот слетел с катушек, разделявая мальчиков, будто они не больше, чем куски мяса. — А бесчеловечность всего этого.

Рафаэль поглаживал ее по волосам, завернув их обоих в кокон своих крыльев.

— Микаэла пришла за тобой по очень человеческим мотивам — она ревнует. Ты сейчас в центре внимания, а она этого не может вынести.

— Но жестокость в ее глазах. — Елена задрожала от воспоминаний. — Она наслаждалась моей болью, напомнив мне этим Урама. — Порожденный кровью ангел пинал ее сломанную лодыжку, заставляя кричать, а сам улыбался.

— Не даром они были парой. — Елена щекой прижалась к груди Рафаэля, еще удар, его сердце такое живое и страстное.

Но именно этот мужчина наказал вампира с ледяной практичностью, от которой даже сейчас многие жители Нью-Йорка обходят стороной место этого кровавого наказания на Таймс Сквер.

— Что ты сделал с Микаэлой? — спросила Елена, и по ее коже прошел озноб от понимания, что одного лишь наказания для Рафаэля недостаточно. Он не поддавался капризам, но когда действовал, мир содрогался.

В ее голове прошелестел полуночный бриз.

"Я уже однажды говорил тебе, Елена, никогда не жалея Микаэлу. Она воспользуется этим, чтобы вырвать твое еще бьющееся сердце".

И ее сердце, о котором он упомянул, панически забилося от воспоминания о разорванных мышцах и боли.

— Как она смогла дотянуться до меня изнутри?

— Кажется, Микаэла скрыла новую силу, — он понизил голос. — И не совпадение, что она получила ее так скоро почти после смерти от рук Урама.

— Он долго был с ней наедине, — произнесла Елена, вспоминая неприкрытый страх в глазах Микаэлы, когда они спасли ее. Она впервые видела страх архангела, и это потрясло. — Думаешь, он как-то изменил ее?

— Его кровь изменила женщину, Холли Чанг. Она не вампир, но и не смертная. Еще неизвестно, что станет с Микаэлой.

Елене стало стыдно, за то, что забыла о единственной выжившей жертве нападений Урама.

— Холли? Как она? — Последний проблеск воспоминаний о ней всплыл в памяти Елены: обнаженная Холли, покрытая запекшейся кровью кровью, а ее разум сломлен.

— Жива.

— А разум?

— Дмитрий сказал, что она никогда не станет прежней, но не безумной.

Елена ожидала меньшего, но уловила не досказанное Рафаэлем.

— Дмитрий по-прежнему приказывает людям за ней приглядывать?

— Яд Урама изменил ее коренным образом, нам нужно выяснить кем она стала.

И Елене стало без разъяснений понятно, что если в Холли есть много от Урама, Дмитрий без колебаний перережет ей глотку. Инстинкт столкнется с суровой реальностью; порок Урама не должен распространиться.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказала она, надеясь, что Холли Чанг наплюет на напавшего на нее и спасет себя. — Что ты сделал с Микаэлой?

— Оставил ее в людном месте, с воткнутым в глаз твоим кинжалом. Вокруг кинжала глаз уже зажил.

— Что это значит?

— Боль для Микаэлы, когда она вытащит его из глаза, и он вновь начнет излечиваться. — В Рафаэле нет ни капли милосердия. — Вот почему напавшие на Ноэль оставили под его кожей осколки

Она поняла, что Рафаэль нарочно связал изуверское нападение и свое наказание. Очередное напоминание кем он являлся и на что способен. Ожидал ли он, что она сбежит? И если да, ему предстояло многое узнать о его охотнице.

— Ты сделал что-то еще.

"Думаешь, что так хорошо меня знаешь, Охотница Гильдии".

И в этот момент он был похож на архангела, с которым Елена познакомилась при первой встрече, того, кто заставил ее сжать в руке лезвие ножа, чьи глаза были лишены милосердия.

— Я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы понять, ты не оставишь оскорбление без ответа.

Она разглядела это в его неустанных поисках нападавших на Ноэля, его решимость скорее всего заставила ангела затаиться.

— Исследуя Убежище, ты когда-нибудь наткнулась на гору, достигающую до неба на той стороне ущелья?

— Думаю, да. Очень вытянутая, заостренная... — С тошнотворной легкостью она связала все в голове. — Ты оставил ее на той скале?

"Она бы вырвала твое сердце. Я лишь вернул должок".

От его ледяного тона по коже Елены поползли мурашки. Сминая ткань его рубашки, она глубоко вдохнула.

— Что ты сделаешь со мной, если я когда-либо так тебя разозлю?

— Такой гнев я испытаю, если ты когда-нибудь обманешь меня с другим мужчиной, — спокойно заявил он ей на ушко. — А ты не сделаешь такого со мной, Елена.

У нее защемило сердце. Не от мрачных слов, а от ранимости. И вновь Елену потрясла ее власть над этим существом, архангелом.

— Нет, — согласилась она. — Я никогда не предаю тебя.

Он прижался губами к ее щеке.

— У тебя мокрые волосы, позволь я их высушу.

Она неподвижно стояла, пока он взял другое полотенце и начал обтирать ее волосы с осторожной нежностью мужчины, слишком хорошо знающего свою силу.

— Ты закрыла от меня свой разум.

— Я может уже не человек, но все та же женщина, противостоящая тебе на крыше башни при первой встрече. — Теперь же, она полюбила того ужасающего мужчину, и знала, что если поддастся его командам, их отношения окончательно и бесповоротно испортятся. — Я не могу согласиться на твое право по своему усмотрению вторгаться в мой разум.

— Говорят, Ханна и Илия разделяют ментальную связь, — заметил он, опуская полотенце и потянув Елену за руку в сторону спальни. — Они всегда на связи друг с другом.

— Спорим, их связь двусторонняя. — Она провела рукой по изогнутой линии его правого крыла, изящно растущего из спины. Рубашка совершенно облегала мускулистый торс, где задняя часть специально разработана под крылья. — Ведь так?

— Со временем стала таковой, — произнес Рафаэль более глубоким голосом, — у нас тоже такая будет.

Елена вновь погладила крыло и прижалась поцелуем к спине между лопаток.

— Почему ты так в этом уверен, когда так много в силе ангела, кажется, зависит от самого ангела?

— Ты уже говоришь со мной с легкостью двухсотлетнего и набираешь силу.

— Приятно знать. — Она обошла Рафаэля и встала перед ним. — Но пока не наберу силу, я против односторонней связи.

Цвет его глаз стал очень, очень арктически-голубым, и Елена знала, что этот цвет будет преследовать ее во снах.

— Если твой разум был бы открыт, — произнес он, — я бы узнал о Микаэле в момент ее появления.

Ладно, в этом он прав. Но...

— Если ты дашь мне уединение, я не буду возражать связываться с тобой, когда мне будет нужно.

Он положил руку ей на щеку, такой покровительственный и собственнический жест.

— Сегодня ты не позвала.

— Меня застигли врасплох. — Она покачала головой, глубоко вдохнув. — Нет, я буду честна. Я еще не научилась во всем полагаться на тебя, привыкла разбираться со всем в одиночку.

— Это ложь, Елена. — Большим пальцем он поглаживал ее скулу. — В мгновение ока, ты позовешь на помощь Сару.

— Сара с восемнадцати лет моя подруга, я бы сказала сестра, нежели подруга. — Она положила руку поверх его. — Я не знаю тебя так, как Сару.

— Тогда спрашивай, Охотница Гильдии. — Приказ Архангела Нью-Йорка. — Узнай, что ты хочешь.

Рафаэль злился, хотя Елена думала, что может справиться с этим чистым, слепящим гневом. Она боялась за свою душу лишь тогда, когда он становился тем архангелом, каким был чуть ранее с Микаэлой.

— Расскажи о своем детстве, — произнесла она. — Каково это, расти в мире ангелов?

— Хорошо, но сначала ложись в постель, а я принесу поесть.

Понимая, что в этом сражении принимать участие не желает, Елена скинула полотенце, как только Рафаэль ушел в другую комнату, и натянула одну из его рубашек.

Крылья скользнули в прорези на спине, но Елена не могла понять, как застегнуть полы.

Решив, что ее мало должны беспокоить иллюзорные пуговицы, она тихо опустилась на кровать, когда Рафаэль вернулся.

Он на секунду замер.

— Удивлен, что ты подчинилась.

— Я разумна... и подчиняюсь разумным приказам.

В арктическо-синем цвете его глаз блеснул огонек веселья. Рафаэль поставил тарелку с вкушностями на матрас, стаканы с водой на тумбочку и сел напротив Елены.

Они и раньше так сидели, но только он был на ее стороне кровати.

Остро ощущая небольшое расстояние, Елена подхватила с тарелки маленький сэндвич с крохотными огурцами.

— Ну?

Рафаэль долго молчал, а затем произнес:

— Детство в мире ангелов — радость. Детей голубят и, по обыкновению, балуют. Даже Микаэла не станет вредить детскому сердцу.

Елене было сложно в это поверить. Но опять же, когда-то Микаэла поднялась с кровати, чтобы выпустить, как думала, птицу на волю.

Архангел не старая карга, несмотря на то, что Елена хотела видеть ее таковой.

— Мое детство было обычным, за исключением того, что отцом был Надиель, а матью — Калиана.

Елена резко выдохнула.

— Ты — сын двух архангелов?

— Да. — Он повернулся, уставившись на горы, но она понимала, что не заснеженные вершины, и не звездное небо он видел. — И это не подарок судьбы, каким может казаться.

Елена молча ждала.

— Надиель был одной эпохи с Ли Дзюань, только старше на тысячу лет.

Тысяча лет, а Рафаэль с такой легкостью об этом говорит. Сколько же лет Ли Дзюань?

— Он был одним из древних.

— Да. — Рафаэль вновь посмотрел на Елену. — Я помню его рассказы об осадах и сражениях давно минувших лет, но основные воспоминания о его смерти.

— Рафаэль.

— Теперь ты чувствуешь мое горе. — Рафаэль покачал головой. — Все случилось на заре моего существования.

— Но он был твоим отцом.

— Да.

Не сводя взгляда с его резко очерченного, мужского, до невероятности красивого лица, Елена опустила поднос с едой на пол.

Рафаэль молча наблюдал, как она откинула одеяло, придвинулась ближе, села напротив него и положила руки ему на бедра.

— Отцы и матери, — услышала Елена свои слова, — оставляют свой след, независимо знаем мы их всю жизнь или один день.

Он поднял руку и проследил ею по черно — синим всполохам на ее крыле.

— Рафаэль, — голос Елены был хриплым, но с ноткой осуждения.

— Я века не говорил о родителях. — Еще одно касание руки к крылу. — Моя мать казнила отца.

Слова с безжалостной точностью прорезались сквозь дымку наслаждения.

— Казнила? — Ее разум наполнили воспоминания о сломанных, разлагающихся трупах, возвращая на плато разврата Урама.

— Нет, — произнес Рафаэль, — он не стал порождением крови.

Она не почувствовала запах ветра и дождя.

— Откуда ты узнал?

— Ужас исказил черты твоего лица. — Его глаза приобрели оттенок, которому нет названия, пропитанный глубокими воспоминаниями. — Урам уважал моего отца.

— Почему?

— Сможешь догадаться, Елена?

Это было не трудно, особенно вспомнив, каким был Урам.

— Твой отец считал, что ангелам нужно поклоняться, словно богам, — медленно произнесла она. — Смертным и вампирам следовало бы преклоняться перед вами.

— Да.

Прежде чем Елена смогла что-то ответить раздался стук в балконную дверь. Посмотрев наружу, она увидела только темноту.

— Джейсон?

— Да, — ответил Рафаэль, вставая с постели с угрюмым выражением лица. — И внизу ждет Насир.

Елена смотрела, как Рафаэль выходил на балкон. Даже зная, что там стоял Джейсон, она не могла разобрать силуэт чернокрылого ангела.

"Елена, оденься".

Уловив срочность его приказа, она встала и натянула трусики, не обращая внимания на синяки на спине и бедрах, которые уже начали бледнеть.

Надела штаны из какого-то странного, под кожу, материала, затем сбросила рубашку и надела топ, который обернул ее торс в сложном сплетении тонких лент материи, оставляя руки и спину открытыми. Вещица отлично сидела, позволяя свободно двигаться, и не беспокоиться о материале, который мог бы мешать. Почувствовав приближение холода, Елена натянула на руки длинные, почти до самых плеч, плотные перчатки, которые согреют, не стесняя движений. Схватив сапоги, она направила поток мыслей к Рафаэлю, замечая, что он ушел с балкона.

"Куда идти?"

"Тебя Дмитрий проводит".

Вампир уже ждал ее в коридоре, и на этот раз, никакого намека на секс... если конечно вы не предпочитаете секс со смертью. Одетый в черные кожаные штаны, темную футболку,

тесно обтягивающую поджарый, накаченный торс, и длинное черное пальто, доходящее до лодыжек, Дмитрий был подобен смерти заточенной до блестящего острия. На его груди крестом сходились два ремня, что Елена опознала, как двойную кобуру.

— Оружие? — спросил он.

— Пистолет и кинжалы. — Кинжалы Елена прикрепила к бедрам, а пистолет в сапоге, по началу она хотела засунуть его за пояс, но решила, что еще не вполне уверена в том, что сможет быстро сложить крылья.

— Пошли. — Дмитрий уже двигался.

Когда они вышли над их головами распростерлось великолепное, ночное, темное небо, а звезды так ярко сияли, как если бы она могла протянуть руку и их коснуться. За то время, что они были внутри, Убежище накрыл первый снег, который сейчас искрился под ногами.

— Насколько тяжелы твои раны? — Дмитрий оценивающе провел по Елене холодным, словно очередное оружие вампира, взглядом.

— Я работоспособна, — ответила Елена, зная, что может справиться с растяжением мышц и ноющей болью в груди. — Ничего не сломано.

— Вероятно, тебе придется выслеживать.

— Эта часть меня никогда не переставала работать, как тебе хорошо известно.

— Не хотел бы я, чтобы этот твой навык исчез. — Обыденные слова, но в его глазах была искорка охотника, выслеживающего добычу. Широкими шагами Дмитрий быстро сокращал дистанцию по дороге к части Убежища больше похожей на семейный дом среднего размера.

В каждом окне которого горел свет, но мир вокруг был устрашающе тихим.

— Сюда. — Дмитрий направился по узкой тропе, освещенной фонарями, которые, казалось, были прямиком из Англии середины девятнадцатого века.

В голове Елены прокручивались варианты, пока она шла и не сводила взгляда с петляющей в разные стороны тропы, наконец, приведшей к маленькому домику на самом краю утеса.

Идеальное местоположение.

С утеса легко взлететь, а впереди много места для посадки.

Но, учитывая местность, для тех, кто передвигался пешком, был единственный путь — по которому они сюда пришли.

До идиотизма легкий след. Так зачем Рафаэлю понадобился тот, кто может выследить по запаху?

"Елена".

Следуя за ментальным голосом Рафаэля, Елена направилась к дому... к металлическому с ноткой ржавчины запаху. Она замерла на пороге, отказываясь переступить через него.

Кап.

Кап.

Кап.

"Подойди, маленькая охотница. Попробуй".

Шокирующие воспоминания забрали ее в прошлое с такой стремительностью, что она не могла сопротивляться.

Бель, еще живая, когда она вошла внутрь. Но за одно мгновение, ее глаза завлакивает смертельная пелена, как раз, когда Елена потянулась...

Волны запахов, роскошный шоколадный и шампань, обещающие удовольствие и боль.

Появилось возбуждение, такое неправильное, что ослабило петлю кошмара.

Неглубоко вдохнув, Елена перешагнула через порог, заставив себя войти в очередной дом, запятнанный оттиском порока. И почти сразу аромат Дмитрия начал исчезать, причем очень быстро. Елена знала, он уходил, понимая, что она не могла никого выследить, пока его аромат наполнял воздух. Но он пробыл достаточно долго, чтобы дать ей ментальную пощечину, когда она замерла на пороге. Отчего Елена вспомнила о долге.

Нахмурившись на такую мысль, она сконцентрировалась на окружении. Судя по общему впечатлению от пространства, комната явно была главной гостиной под сводчатым потолком. Вдоль стен располагались шкафы, на полках которых стояли книги, а под ногами лежал вручную сотканный персидский ковер. Слева Елена увидела небольшой стол с причудливой резьбой, на котором стояла кружка, а под ним валялось что-то похожее на мягкую игрушку. От вида потрепанной вещицы у Елены сжало сердце. У ангелов, как она теперь знала, действительно были дети. Расправив плечи от ужаса, с которым может столкнуться, Елена не обратила внимания на двери напротив и пошла по коридору к задней комнате. Белые стены забрызганы красным. Звук женских всхлипов. На островке опрокинутый стакан и красное яблоко. Обрывки воспоминаний, образов засели в голове, словно осколки стекла. Горло сдавило, спина напряглась, но Елена заставила себя остановиться, чтобы осмотреться.

И первое, что бросилось в глаза: Рафаэль, стоявший на коленях перед другим ангелом, крошечной женщиной с ниспадающими кудрями иссиня-черного цвета, ее крылья были грязно-коричневого цвета с белыми росчерками.

Рафаэль расправил крылья по полу, не заботясь о золотистой пыльце, которая уже стала темно-коричневой с золотыми крапинками.

"Найди его", — Приказ, одобренный эмоциями от желания насилия.

Кивнув, Елена сделала глубокий вдох... и попала под лавину запахов.

Свежие яблоки.

Тающий снег.

Намек на апельсины в шоколаде.

Не удивившись, что теперь запах вампиров приятен ее обонянию охотницы, она сконцентрировалась на самом последнем аромате, разбирая его до самых основ... пока не смогла выделить особую комбинацию среди тысяч других.

Однако, другой запах, свежих яблок и снега, не принадлежал вампиру.

Это сочетание было уникальным, таким, которого Елена не встречала раньше. Она вновь проверила, нет, точно не вамп

И не просто усиление запахов, плавающих в воздухе, как она подумала по началу. Это была другая персона.

Свежесть, волнующий кусочек моря. Ветер коснулся её лица.

Вкус весны, солнечного света и свежескошенной травы.

И под всем этим, рябью прокатился по языку знакомый вкус меха.

Но в этот раз, это не проделки Дмитрия.

— Кто здесь живет? — удалось Елене задать вопрос сквозь мешанину впечатлений. — Снег и яблоки, весна и мех.

Во всем этом не было смысла, но Рафаэль оказался в ее сознании, когда еще последние слова не слетели с губ. Елена сопротивлялась убеждению отразить проникновение, понимая, что Рафаэлю нужно знать, что она уловила.

"Сэм — снег и яблоки, его отец — мех, а мать — весна".

Ее сердце замерло, когда она посмотрела в мучительную синеву его глаз.

— Где Сэм?

— Забрали.

Миниатюрная женщина-ангел подняла кулак ко рту, ее руки были такими маленькими, что казались детскими.

— Найди моего сына, Охотница Гильдии. — Тоже самое говорил Рафаэль, но его слова были произнесены приказным тоном, а ее звучали, как мольба.

— Найду. — Это было обещание и клятва. Сев на корточки, Елена вновь втянула запахи, затем встала, склонила голову, как ищейка, коей и являлась.

Ни малейшего намека на апельсины.

Повинуясь притяжению, она прошла мимо Рафаэля и матери Сэма и положила руку на дверную ручку.

Запах сотряс Елену.

— Да, — прошептала она, охотничьи инстинкты пели в поощрении.

Открыв дверь, она шагнула... в пустоту.

Она и раньше падала, но тогда ее обнимал архангел. А сейчас ничто не стояло между ней и распростертыми объятьями скал внизу.

Она практически запаниковала, но жажда жизни подавила панику. Елена П. Деверо еще никогда не сдавалась.

Стиснув зубы, она расправила крылья, которые дрогнули, так как все еще были слабыми для полета, но смогли замедлить падение. Но и этого не хватит, подумала Елена, ее глаза слезились от ветра, мышцы спины сводило.

Даже бессмертный — особенно молодой — не выживет после такого ужасного падения. Ее тело разорвет от сил удара, а голова слетит с плеч.

Такое способно убить вампира. А Рафаэль говорил, что...

— Ох!

Из-за сильного потока воздуха, Елена начала кружиться по спирали, по венам пробежал ужас от шока. Внезапно ее схватили руки и притянули в стальные объятия, которые Елена ни с чьими бы не перепутала. Рафаэль.

Еще пару моментов они падали за счет ускорения, а затем Рафаэль выровнял их и начал набирать высоту с бешеной скоростью. Елена обняла его за шею, дрожа от облегчения.

— Кажется, ты всегда меня поймаешь, когда я упаду.

В ответ он крепче ее обнял.

Они приземлились на пустом участке скалы, рядом с домиком ангела, скрытым от любопытных глаз скалистыми зазубринами.

— Ладно, урок первый, — сказала Елена, пытаюсь вспомнить, как дышать, когда Рафаэль поставил ее на землю, — никогда не думай, что под ногами земля.

— Ты должна прекратить думать, как человек, — резким тоном сказал Рафаэль. — Ты сегодня чуть не умерла.

Она вскинула голову.

— Я не могу вот так взять и перестать думать, как человек, я всю жизнь им была.

— Тогда научись. — Двумя пальцами он сжал ее подбородок. — Или ты умрешь.

Первым побуждением, Елена хотела ответить, но что-то ее остановило.

Возможно из-за угрозы жизни, а может из-за того, как Рафаэль обернул вокруг Елены крылья, пряча от снега и ветра, хотя таким гневным тоном с ней разговаривал.

— Нужно вернуться внутрь, — произнесла она, — посмотреть, могла ли я ошибиться в следе

Рафаэль еще секунду держал ее за подбородок, а затем прижался своими губами к ее.

Они все еще пребывали во власти поцелуя, смягчившего гнев, когда архангел взлетел вверх, относя Елену к входу в жилище Сэма. Дрожащая, но полная решимости, она прошла по дому, все чувства наготове... и пришла к тому же выводу.

— Он вышел отсюда, — указала Елена, радуясь, что матери Сэма нет в комнате. Елена не могла смотреть на нее и не вспоминать муки другой матери в загородном домике почти двадцать лет назад.

— Значит, у него был сообщник. — Голос Рафаэля звучал невыразительно- и от этого еще больше пугал. В таком настроении архангел Нью-Йорка мог убить без сожаления, пытаться без капли милосердия. — Ты познакомилась с членами семьи Самеона- сможешь

отделить запах ангела?

— Рафаэль, — спросила она, ей нужно было спросить, — ты уходишь в Тишину?

В те ужасные часы до того, как она подстрелила его, он стал для нее незнакомцем, архангелом, который выслеживал ее по всему Нью-Йорку, неумолимым в своем намерении.

"Нет".

Ее сердце все еще колотилось от страха — за него, из-за того, что Тишина может сделать с ним, если он снова в нее впадет — она повернулась к теперь уже раскрытой входной двери, пытаясь умышленно запустить то, что должно было быть продолжением ее способностей.

Весна и мех.

Яблоки, припорошенные свежевывавшим сне...

Треск шумовых помех.

Разочарование пронзило ее: жестокое и окончательное.

— Если Обращение изменило мои способности охотника, то не до конца. Кажется, будто они то включаются, то выключаются. — Она провела рукой по волосам, обращаясь мысленно к своим навыкам и опыту. — Похоже, он все-таки не касался двери — запах вампира слишком силен, слишком явный, чтобы к нему примешивался чей-то еще. — Всмотревшись в чернильные глубины ущелья, она почувствовала, как ее щеки заледенели. — Насколько сильным должен быть ангел, чтобы подхватить кого-то, если им известно, что некто собирается прыгнуть?

— Не моложе трехсот лет. — Их крылья соприкасались, пока они стояли бок о бок, вглядываясь в густую черноту. — Я начну прочесывать местность. — А потом он озвучил то, что она была не в силах произнести вслух. — Есть вероятность, что падение закончилось неудачно.

Всем существом Елена восставала против мысли, что хрупкое тело Сэма лежит искалеченное в холодной темноте.

— Если ублюдки его тронули, я сама с ними разберусь.

"Поэтому ты моя, Елена".

Проводив взглядом Рафаэля, ушедшего в ночь, она закрыла дверь и вернулась в гостиную. Все ангелы покинули дом, но из теней к ней вышел вампир, встретив ее на выходе из жилища.

Цвет его кожи притягивал взгляд, приглашал прикоснуться к себе — темно-темно коричневая с оттенком истинного золота.

Цвет был настолько насыщенным, настолько теплым, что светился даже, когда луна скрылась за облаками, окутывая Убежище в непроглядную тьму.

Но его глаза, блестящие, невероятно серебристые, пронзали темноту, словно ее и не существовало. Волосы того же оттенка, что и глаза, обрамляли его лицо, гладкое и с грубовато высеченными чертами, подчеркивающими линию подбородка.

— Тигр, — прошептала Елена, наблюдая, как он шагает к ней, хотя назвать это шагами было бы большой ошибкой. Его поступь напоминала плавное, бесшумное скольжение крадущегося зверя, которого она ощущала в нем. — Ты пахнешь тигром на охоте. — Густой, вибрирующий, убийственный аромат.

— Меня зовут Насир. — Приятный голос, вежливые слова, но эти металлические глаза смотрели на нее, не мигая. — Дмитрий просил тебе помочь.

— Ты один из Семерки. — Насир излучал силу, но не ту, что Дмитрий — чувственную и

смертоносную — а дикую, словно изысканная, нежная кожа была всего лишь маской, скрывающей внутри хищника.

— Да.

Облака расступились, лунный свет упал на его лицо. И она убедилась, что глаза вампира светились также ярко, как и кошачьи. Невероятно. Но Насир не та тайна, которую ей надо разрешить сегодня ночью.

— Я собираюсь осмотреть местность, — сообщила она, — посмотрим, смогу ли я найти место приземления. — Это все равно, что искать иголку в стогу сена, учитывая, как далеко ангелы могли летать, но ей надо чем-то заняться.

— Дмитрий собирает вампиров и ангелов помоложе на эти поиски.

И Елена подумала, что они быстрее прочешут район, чем она, особенно, учитывая отсутствие отправной точки следа. Но ей нужно что-то делать. Отведя взгляд от немигающего Насира, она натолкнулась на что-то, похожее на шпиль. Сердце сильно забилося о ребра.

— Как хорошо ты знаешь Убежище?

— Очень.

— Покажи, где крыло Микаэлы. — Рафаэль был безжалостен с теми архангелами, которые нанесли оскорбление. Может выполз из норы ангел, покалечивший Ноэля... а может Микаэла решила отомстить, ударив по тем, кто просил защиты у Рафаэля.

— Сюда. — Насир начал идти со сверхъестественной грацией существа, свободно чувствующего себя в ночи.

Елене оставалось лишь не отставать от его, как она считала, скольжения

Когда спустя несколько минут они вышли на открытую поляну, Насир поднял руку, кому-то сигнализируя, и повернулся к ней.

— Дом Микаэлы слишком далеко, чтобы добираться пешком.

Елена напряглась, когда в трех футах от них опустился Иллиум.

Она лишь Рафаэлю доверяла переносить себя. Не из-за проблем с доверием, а потому что считала это действие слишком интимным и близким.

Особенно учитывая болезненную чувствительность ее крыльев. Но сегодня существовала более прагматичная причина для отказа.

— Я пойду пешком, — сказала она, — могу упустить след вампира на земле, если он не полетел к Микаэле

Иллиум протянул руку.

— Если полетим, быстрее доберемся до Микаэлы, проверишь территорию и вернешься.

Понимая, что он прав, она подавила нежелание и шагнула к нему, только сейчас замечая, что Насир исчез в темноте.

— Мне кажется или Насир приручен подобно дрессированной пуме?

— По сравнению с ним, пумы — злые кошки. — Иллиум обернул руки вокруг талии Елены, а она обняла его за шею, крепко прижимая крылья к спине. Так ее проще нести, а еще так скрыт чувствительный внутренний изгиб, прямо у основания крыльев.

— Твои синяки.

— Не отпускай меня, потому что боишься сделать больно.

— Я не позволю тебе упасть. — Глубоким голосом прошептал он ей на ухо и поднялся в воздух.

— Свежо придание, а верится с трудом, — пробормотала Елена, ветер трепал ее волосы,

угрожая унести прочь весь воздух и ее слова.

— Элли, ты избалована. Привыкла, что тебя носит архангел. — Он нырнул под группу ангелов, летящих к строениям, стоящим на относительно ровной земле.

Которая освещалась металлическими фонарями изящной формы, а тропы на ней извивались живыми формами и конструкциями.

— Внизу есть сады? — спросила Елена; когда Иллиум склонил голову, чтобы услышать ее вопрос, щеку опалило его дыхание.

— Она редко прилетает, но сады Микаэлы славятся во всем Убежище. Даже для холодов она находит растения, которые растут и даже иногда цветут.

Цветут.

В голове появились воспоминания о полевых цветах; пропитанные кровью лепестки, разбросанные по земле; изуродованные тела, сломавшие цветы; и самое яркое: ловящий свет заходящего солнца меч Иллиума, когда ангел с безжалостной точностью обрезал крылья нападшим

Елена задумалась, лежали ли все еще те ангелы, брошенные во тьме, там.

— Она может быть любой: жестокой, злой, эгоистичной, — проговорил Иллиум, плавно приземляясь на внешнюю террасу дома Микаэлы, — но не думаю, что Королева Константинополя могла причинить боль ребенку.

— Ты не видел ее взгляд в беседке. — Высвободившись из объятий Иллиума, Елена не удивилась, заметив Райкера у закрытых дверей.

Едва они приземлились, она уловила его запах: кедр со смесью холодов, навивающий воспоминания, и неожиданный.

— Здравствуй, Райкер. — Потребовалось немалое усилие, чтобы сдержать вежливую интонацию в голосе. Последняя встреча Елены с главным охранником Микаэлы состоялась в доме архангела, когда Райкер был припечатан к стене, а его сердце проткнуто ножкой от стола, но до этого он пытался сыграть с Еленой злую шутку.

Райкер смотрел на Елену в своей манере с хладнокровностью, присущей всем рептилиям.

— Ты на территории моей хозяйки, и здесь не действует защита.

— Я ищу Сэма, — сказала Елена. — Иллиум заверил, что Микаэла не стала бы вредить ребенку, так что надеюсь, она даст разрешение на обыск территории... быть может вампир проходил здесь.

— Моей хозяйке ни к чему твое оправдание.

Елена провела рукой по волосам, в попытке сохранить ровный тон, хотя бессильная необходимость проносилась по венам.

— Слушай, — начала она, — я здесь не для того, чтобы сражаться. И если твоя хозяйка действительно заботится о детях, то не слишком обрадуется, выяснив, что ты препятствовал нам.

Райкер не шевельнулся и не отводил с Елены глаз рептилии.

Чувствуя, как время утекает сквозь пальцы, Елена уже хотела попросить Иллиума полетать с ней над территорией, чтобы она могла попробовать уловить аромат в воздухе, но Райкер потянулся к дверной ручке.

— Хозяйка позволит вам осмотреть дом.

Удивившись, Елена не стала мешкать и последовала за Райкером, а Иллиум позади нее. От вида убранства дома, у Елены перехватило дух: одно только фойе достойно термина

"произведение искусства", пол под ногами выложен из черной плитки с узором под мрамор цвета кварца, стены разрисованы сценами, от которых кружилась голова.

Елена не разбиралась в живописи, но даже она узнала художника.

— Микеланджело?

— Если и так, — произнес Иллиум, — он забыл о творении, как только вышел из дома. Ни один смертный не должен знать об Убежище.

"Но все же, — подумала Елена, — Сара знала". И ее сердце сдавило тисками. Она понимала Рафаэль позволил это из-за — и ради — нее, делая огромный шаг, который она никогда не ожидала от архангела, которого встретила на продумываемой всеми ветрами крыше в Нью-Йорке.

— Где-то в глубине души помнил, — возразила она, проверяя первую комнату, в которую вела дверь из фойе.

В ней было пусто. Елена уловила запахи нескольких вампиров, идя по дому, но ни одного намека на аромат, который уловила в кухне, почти затопленной горькими слезами матери.

Но они ведь едва "нырнули под поверхность" дома. Осматривая большой зал, ядро дома, Елена положила руку на перила.

— Мне нужно подняться на верх.

— Ты не приблизишься к спальне хозяйки.

— Ладно. — Если Микаэлу защищал вампир, ничего хорошего не случится, если Елена ворвется внутрь из-за чего ее и Иллиума убьют, прежде чем они смогут найти Сэма.

Елене всего лишь нужно уловить след от запаха.

Но и второй этаж оказался столь же безупречным и элегантным, как и первый; каждое произведение искусства находилось в правильном месте, чтобы усилить изящество дома; под ногами лежали разноцветные ковры

И когда Елена перешагнула с рубинового ковра на кремовый, рядом с другим пролетом лестницы, ощутила его.

Запах апельсина, погруженного в шоколад.

Она напряглась всем телом и, развернувшись на каблуках, понеслась по коридору, как раз по тому, который запретил пересекать Райкер, инстинкт победил здравый смысл. Именно для этого она была рождена, ее чувства отточены до...

Рукой за талию ее притянули спиной к твердой, мускулистой груди, и от перегрузки ощущений ее крылья начало резать.

— Райкер ничего больше не желает так, как найти законную причину прикончить тебя, — сказал Иллиум, британский акцент в голосе которого был пронизан стальными нотками предупреждения.

— Верно. — Она помотала головой, прочищая ее, внезапно замечая, что сбоку от нее стоит фаворит Микаэлы. Ослепленная импульсом идти по следу и спасти ребенка, Елена позволила ему так близко подобраться. — Ты прав.

Иллиум продолжал держать ее, пока она не оттолкнула его и шагнула влево, увеличивая расстояние между собой и Райкером.

— Рафаэль?

— Готово. — Он смотрел на нее глазами богатого цвета венецианского золота. — Он не задержится.

Елена сжала кулаки и стиснула зубы, сопротивляясь убеждению последовать по следу

испаряющегося запаха. Райкер стоял по другую сторону от Иллиума, но не сводил взгляда с Елены.

И на ее затылке волоски встали дыбом. Микаэла очевидно так и не отменила приказ, когда-то данный Райкеру: убить Елену.

— Бежишь к своему хозяину, — произнес вампир без предупреждения, — как ребенок.

— Рафаэль мой возлюбленный, а не хозяин. — И как только слова слетели с губ, Елена начала ругать себя за несдержанный моментальный ответ.

— Ты так думаешь? — спросил он глухим, мягким и насмешливым тоном приятного голоса. — Они называют тебя его ручным зверьком.

Она выпрямила спину, эти слова были слишком близки к тем, которые сказал Рафаэль, когда она проснулась.

— Как поживает сумочка твоей хозяйки? — спросила Елена, напоминая о том, как Микаэла однажды сняла кожу со спины Райкера, и излечила его. — Она хорошо за ней ухаживает?

— Лучше всех. — Его тон не сменился, и это было самое жуткое. Райкер настолько погряз в пропасти, что она начала ему нравится. — Твой хозяин идет.

Отказываясь реагировать на насмешки, она ждала, когда Рафаэль подойдет к ней.

— Микаэла не довольна. — Были его первые слова.

— А тебе не все равно?

"Мы в ее доме, Елена, где действуют правила безопасности гостей".

Елена пыталась говорить ровным голосом, но это было трудно из-за охотничьих инстинктов, подстегивающих ее к действию.

— Я чувствую запах вампира, забравшего Сэма. И этот запах исходит оттуда.

— Следуй за ним.

"Микаэла в ярости, но хочет, чтобы ты опозорилась".

"Тогда ее ждет разочарование".

Но Елену зацепило, что другой архангел так уверена в ее провале, потому что вампир, похитивший Сэма был здесь. И никаких "если" или "но". Терпкий апельсин, погруженный в сладость шоколада... Елена могла почти вкусить этот аромат.

Он был настолько резким и богатым, что она чуть было не упустила аромат, сокрытый под этим.

Снег, падающий на яблоки.

— Сэм. — Шепот был еле слышен, и она побежала, гораздо больше ее заинтересовал этот нежный аромат, чем тот, который привел ее сюда. В конце коридора была дверь, тяжелая резная плита, покрытая лаком до блеска цвета темного янтаря.

Она ударила ладонями по двери, когда остановилась.

— Он за дверью.

— Нет, его там нет. — Голос Микаэлы пронзил воздух, когда она появилась слева от них, ее лицо и тело вновь стали прежними. Безмолвное свидетельство силы архангела. — Я с удовольствием накажу вас за вторжение в мой дом без причины.

— Наказания не будет, — сказал Рафаэль. — Она под моей защитой.

Микаэла довольно и злобно улыбнулась.

— Но она не признает тебя своим хозяином. Ты не можешь защищать ее.

И Елена знала, Микаэла действительно с нетерпением ждет повода, чтобы заставить ее кричать. Это не имело значения.

— Открой дверь.

Микаэла вяло махнула рукой Райкеру.

— Делай, как говорит охотница.

Елена отошла, чтобы избежать физического контакта с вампиром, когда он отправился выполнять приказ хозяйки. Дверь распахнулась и перед глазами предстала комната, окутанная тенью, лишь снег отражал серебро луны.

Елене не нужен был свет, чтобы найти цель. Шагнув внутрь, она безошибочно направилась к тому, что оказалось большим сундуком, Райкер включил свет, лампы были встроены в стену, и светились приглушенным золотистым светом.

— Может ли бессмертный ребенок выжить без воздуха? — прошептала она отчаянно, изо всех сил, пытаясь поднять тяжелую крышку.

— Какое-то время, — холодно ответил Рафаэль и сам взялся за дело, в то время как Иллиум стоял на страже.

Впервые в жизни, Елена надеялась, что ошибалась, что Сэма не было в этом сундуке. Но Совет нанял ее, потому что она была лучшей и не делала ошибок.

— О, Боже! — Инстинкт заставил ее потянуться внутрь, но она замешкалась в дюйме от крошечного свернувшегося тела. — Я сделаю ему больно. — Он весь был в крови и сильно изранен.

— Мы должны доставить его к целителям.

Кивнув, она подняла, израненное тело на руки.

Крылья Сэма были раздроблены, маленькие кости, будто, разбиты. Большая часть крови бежала из того, что выглядело как рана головы, и груди. Грудь, которая была неподвижна. Боже, пожалуйста.

— Он жив?

Рафаэль, с каменным выражением лица, прикоснулся щеки мальчика, и только тогда Елена увидела Сехем на тонкой коже.

— Да, живой.

Ярость как ураган забурлила в ней, она прижала Сэма так близко, как посмела и пошла мимо Микаэлы, но архангел смотрела на Сэма, с таким выражением горя на лице, что Елена

почувствовала комок в горле, ее ноги приросли к полу.

— Он жив? — спросила архангел, будто не слышала ни слова до этого момента.

— Да, — ответил Рафаэль, — он жив.

— Я не могу излечить его, — сказала Микаэла, глядя на свои руки так, будто они принадлежали не ей, — Рафаэль, я не могу излечить его.

Рафаэль подошел к ней и, положив руку на плечо, сказал:

— С ним все будет в порядке, Микаэла. Сейчас мы должны идти.

Елена, уже стояла у двери с Иллиумом, они ждали только Рафаэля и когда он оказался в коридоре она передала ему свою драгоценную ношу.

— Ты быстрее. Иди.

Рафаэль ушел без лишних слов. Елена собиралась последовать за ним, когда она услышала, как Микаэла прерывисто сказала:

— Я этого не делала.

Потрясенная, она оглянулась и заметила Райкера на коленях за своей хозяйкой, ее восхитительные крылья волочились по полу, когда она рухнула на землю.

— Я этого не делала, — повторила она.

Райкер убрал волосы Микаэлы с ее лица, в его глазах светилась преданность.

— Ты не делала этого, — сказал он, будто убеждая. — Ты не могла.

— Елена, — губы Иллиума коснулись её уха, — мы должны идти.

Отвернувшись, она последовала за ним, молча, пока они не вышли на ледяной воздух.

— Я же поняла, что она из себя представляет, — сказала Елена тихим шепотом, зная, о большом количестве вампиров, которые окружали дом. — Она была Королевой сучкой и всё.

— По большей части она именно такая.

— Но, то, что мы сегодня видели... откуда это?

Она почувствовала, что Иллиум сомневается. Наконец, он тихо заговорил.

— У ангелов мало младенцев. Самое худшая боль для нас — это потерять ребенка.

Микаэла потеряла ребенка.

Осознание этого потрясло Елену, изменяя представление о Микаэле в совершенно неожиданном направлении.

— Тогда этот ублюдок не хотел ранить Сэма. — От этого стало еще хуже. — На самом деле он хотел причинить боль Микаэле.

— Или, — сказал Иллиум, — его цели были выше. Тит и Хариземнон уже воюют из-за девочки, которую Хариземнон клянется, что не забирал, и Тит клянется, что забирал. Имел ли этот ангел какое-то отношение к случившемуся, или просто это вдохновило его, они заперты в своем собственном мире, безразличные к внешним проблемам.

Все кусочки мозаики встали на свои места.

— У него не получилось настроить Илию против Рафаэля, но если бы ты не схватил меня, если бы Райкеру удалось прикоснуться ко мне...

— Рафаэль бы устроил кровавую расправу.

— Сэм был приманкой? — Ее замутило.

— Если ловушка успешно сработала бы, еще два архангела вышли бы из игры.

Ослабить Совет, оставить пространство, чтобы возвести социопата в ранг архангела.

— Мне нужно проверить землю, — произнесла Елена, заставляя себя не думать об отвратительной природе этого поступка, игнорировать тошнотворный вид крови Сэма на своих руках и одежде. — Есть вероятность, что вампир ушел на своих двоих.

Иллиум вытащил меч.

— Иди.

Вампиры Микаэлы пахли гвоздикой и эвкалиптом, красным бургундским вином и агаром с нотами сандалового дерева и темным вишневым поцелуем.

Но не было даже намека на цитрусы, апельсины в шоколаде.

— Ничего, — сказала она, более чем через тридцать минут, проверив радиус почти в сто футов вокруг дома, отчетливо осознавая их молчаливое присутствие.

Несколько вампов, следящих за ней с блеском в глазах, вышли из укрытия. Один даже улыбнулся, заставляя Елену сильнее обрадоваться тому, что вооружена до зубов.

— Хочешь взглянуть сверху?

— Ага. — Но она не питала особых надежд, учитывая сколько прошло времени.

Иллиум несколько раз пролетел с ней на руках по окрестностям, но в итоге она лишь отрицательно помотала головой.

— Нет. — Они больше не разговаривали, пока Иллиум не приземлился на открытом пространстве перед низким белым зданием, которое гармонично сочеталось с окружением, покрытым снегом. — Больница?

Слабый кивок.

— Ангельская больница.

Она шагнула внутрь... и почти вновь свалилась в разряженный воздух. Иллиум поймал Елену, когда она попятилась.

— Проклятье, — проговорила она, сердце бешено колотилось. — Мне надо запомнить!

— Со временем это войдет в привычку.

Елена провела рукой по лицу и посмотрела вниз. Перед глазами оказались крылья, сотни различных оттенков, тысячи уникальных изгибов. И все же Елена не смогла увидеть дно пещеристого пространства, а это значило, что строение более чем на три четверти уходило под землю.

— Здесь приемная?

— Они здесь из-за Сэма, — заметил Иллиум, обнимая ее — накаченными и теперь знакомыми — руками за талию, в теплой ласке. — Пойдем, я тебя отнесу к нему.

"В этом нет необходимости".

Елена очутилась в объятьях архангела, прижимая к его груди руки, пока он опускал ее с выступа вниз, на широкое основание, сквозь каскад крыльев.

— Тебе удалось выследить вампира от дома Микаэлы?

— Нет. Похоже сообщник-ангел принес его туда и забрал. — Елена сконцентрировалась на технике, не уверенная, что смогла бы справиться с мыслями о нападении на Сэма. Бедный малыш был так напуган. — Вопрос в том, как они попали в ее дом? Охрана дома Микаэлы впечатляет.

— Но все ли ее люди верны? — Убедительные слова, произнесенные с самым сильным гневом, когда Елена с Рафаэлем оказались на девственно тихой территории. Райкер может и ее творение, но она еще не всех сломила. — Пошли, тебе надо встретиться с Кейром.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле.

— Сэм. — Стекланный корпус перед Еленой был залит слабым белым светом. Маленький, бессознательный Сэм лежал среди большой кровати, его крылья были прикреплены к какому-то металлическому каркасу и распространены на простынях.

Рядом была его мать, которую обнимал взъерошенный мужчина-ангел с широкими

плечами. Сэм был сильно ранен, но сейчас выглядел лучше.

— Мне кажется?

— Нет. — Аромат ветра и моря — чистый и свежий — словно молчаливая гарантия. — Во время полета в ангельскую больницу, он вернул себе немного духа.

Скользнув своей ладонью в его, Елена сжала ее в молчаливом облегчении, как раз, когда ангел обогнул противоположный угол.

Мужчина ростом примерно пять футов, шесть дюймов, стройный как восемнадцатилетний подросток, с раскосыми карими глазами, темными волосами, обрамляющими смуглое, милое почти по-женски, лицо с резкой линией челюсти и полными губами. И спасала ангела лишь уверенность, с которой он держался, присутствующая в нем мужественность.

— Такое чувство, что я тебя знаю, — пробормотала Елена, уставившись в лицо, которое могло бросить вызов классификации. Ангел мог быть из Египта или Индонезии, из сотен различных стран.

Высвободив свою руку, Рафаэль положил ее на шею Елены.

— Кейр наблюдал за тобой, когда ты спала.

— И иногда, — он растянул идеальные губы в улыбке, — пел тебе, хотя Иллиум умолял прекратить.

Легкомысленные слова, но улыбка... мудрая, очень древняя. Елена глубоко выдохнула от осознания, что несмотря на внешность подростка на пороге взрослой жизни, Кейр повидал больше рассветов, чем она могла себе представить.

— Вы погрузили Сэма в сон? — спросила Елена.

— Да. Он слишком молод, чтобы помнить о запрете двигать крыльями, так что мы не вернем его в полное сознание, пока не срастутся кости.

Рафаэль напряг руку на ее шее.

— Какое-либо повреждение несет долговременный характер?

Елена тревожно всматривалась сквозь стекло.

— Ангелов можно так ранить?

— Когда мы молоды, — ответил Кейр, — да. Могут уйти столетия на излечение. — Взгляд карих глаз задержался на лице Рафаэля. — Нужна безжалостная сила воли, чтобы пережить столько боли, но Сэму она не нужна. У него нет ран, которые не исцелились бы через месяц.

Елена прижала ладони к стеклу.

— Я не могу понять умысел, толкнувший кого-то на такое преступление.

Рафаэль ласкал ее шею, там, где бился пульс; гнев ее архангела столь силен, что Елене пришлось задуматься, чего ему стоило его сдерживать.

— На твоих глаза невинные тонули в собственной крови и еще спрашиваешь?

— Билл, — произнесла Елена имя охотника, который резал мальчиков, пока она не покончила с его жизнью, — делал то, что делал из-за психического заболевания, разрушавшего душу человека, которым он был. Но это просчитанный шаг. — Метку на щеке Сэма — самое отвратительное издевательство, прикрыли повязкой. — Она исчезнет к моменту его пробуждения?

— Я избавлю его от этого. — Голос Кейра стал таким ледяным, словно и не было и не будет никогда теплоты целителя. — Этот поступок — угроза навеки запятнать Убежище.

Рафаэль смотрел на Сэма сквозь стекло.

— Его разум?

— Он мал. — Кейр долго смотрел на Рафаэля. — Дети жизнерадостны.

— Но шрамы остаются

— Иногда шрамы делают нас теми, кто мы есть.

Елена задумалась о шрамах сына двух архангелов, покажет ли когда-нибудь он их? Она не станет давить, точно зная сколько боли могут приносить старые раны.

Год. Век. Время не важно, когда дело касается сердца. Шрамы, образованные на той кухне, когда ей едва исполнилось десять, были неизгладимы. У ее отца тоже остались шрамы, только другие.

Джефри Деверо выбрал свой путь разобраться с ними, стереть первую жену и двух старших дочерей из памяти.

Елена впиалась ногтями в свою ладонь.

— Я хочу попробовать найти любой след того вампира. — Город огромен, но может ей повезет... по крайней мере, это лучше, чем сидеть, сложа руки.

— Я пойду с тобой, — произнес Рафаэль. — Береги себя, Кейр.

Ангел слабо махнул им рукой.

— У ваших целителей особенные способности? — спросила Елена.

— Некоторые, остальные же сродни вашим человеческим врачам.

— Которые бы бредили чем-то от использования пиявок до пересадки органов. — Оказавшись в приемной, Елена обняла Рафаэля, который поднял их наверх.

Когда они оказались на улице, крылья Иллиума были тенью синего от снега, а сам он поднял лицо к падающим хлопьям.

— Вода, Элли, — произнес он, — она может смыть запахи.

— Вот черт. — Лишь вода может оборвать все надежды на след запаха. Несколько снежинок растаяло на ладони, пока Елена пыталась позитивно мыслить. — Временами снег не так уж плох... Однажды я успешно выследила вампа из-за того, что снег поймал его запах, а не смысл.

— Тогда тебе надо поторопиться. — Рафаэль обнял ее за талию. — Иллиум, Насир думает, что наткнулся на что-то в северном крыле.

Глаза Иллиума почти сияла на фоне плавных черт его лица.

— Пойду, помогу ему это проверить.

Прижав губы к уху Рафаэля, когда они поднялись в воздух, Елена задала вопрос, который не переставал вертеться в голове.

— Иллиум становится сильнее?

"Из-за сильных повреждений, которые нанес Урам, Иллиум впал в глубокий сон, известный, как аншара. Это был первый раз, иногда после этого люди меняются".

— Насколько сильным он станет?

"Невозможно предсказать. — Рафаэль спустился ниже, отчего ледяной ветер коснулся щек Елены. — Мы на территории дома Сэма".

— В воздухе ничего нет. Поставь меня на землю. Попробую выследить его по снегу.

Но это тоже было бесполезно.

— Это не полный провал. — Она сморгнула попавшую в глаз снежинку. — Так холодно, в ближайшее время снег не растает. Что дает время на обыск Убежища.

— Какая высота покрова дает возможность тебе уловить запах?

— Самое большое — пара футов.

Рафаэль посмотрел на небо.

— Сегодня ясно.

— Смею предположить, что спать мы не ляжем. — Елена встретила разгневанный взгляд полуночных глаз Рафаэля, который заставил ее прижать ладонь к щеке архангела. — Мы найдем этих ублюдков.

Рафаэль не смягчился под ее прикосновением и не стал менее сдержанным.

— Сам факт, что они посмели забрать ребенка говорит о глубокой гнили, которую нужно отрезать прежде, чем она заразит весь организм.

— Назарах и другие?

— Все под прицелом.

— Конечно же.

— Не важно, если ангел, принимающий участие в похищении, не участвовал в физической расправе. Их продажность — причина. Из-за расправы над Ноэлем они заслужили смерти, но то, что сделали с Сэмом... смерть стала бы милостью.

Свет обрамил кончики пальцев Елены там, где они соприкасались с кожей Рафаэля. Да, она боялась его силы, была бы глупа, если бы не страшилась. Но Елена не могла позволить Рафаэлю перешагнуть грань, позволить охоте утащить его в пропасть.

— Рафаэль.

— В, — начал Рафаэль, смежив веки, скрывая от нее ледяной взгляд, — криках твоих врагов непонятная музыка.

— Нет, — прошептала она, пытаясь достучаться до него. По его словам, жестокость казалась признаком возраста и силы. Но Елена отказывалась сдаваться и дать ему погрязнуть в насилии от его силы. — Не смей.

Но он не слышал.

— Елена, неужели ты не хочешь полоснуть кинжалом по его горлу? — Он положил руку ей на горло в нежном, чувственном, смертельном прикосновении. — Не хочешь услышать его мольбы за жизнь?

— Часть меня, — прошептала Елена, признавая, что ей необходимо выпустить ярость. — желает именно этого — мучить ублюдка, пока он не заскулит, пока не начнет пресмыкаться.

— Но тебе его станет жалко, в какой-то момент.

— У меня сердце человека.

И это сердце принадлежало ему. Не обращая внимания на руку, которой он все еще держал ее за горло, она притянула его голову к своей. Когда их губы соединились в поцелуе, Елена почувствовала медленно распространяющееся жжение от роста его силы, пока не стала ощущать ее каждой частичкой своего тела.

Это послужило отличным напоминанием, что, даже получив крылья, она все еще оставалась в достаточной степени смертной, по сравнению с архангелом.

Его сила окружала Елену, проникала в каждую пору. Рафаэль целовал её с внушающей страх, красивой жестокостью.

Он не пытался причинить боль или вред. Нет, Рафаэль прикасался к ней как и подобает бессмертному — с бессердечным мастерством мужчины, перецеловавшего за тысячелетия столько женщин, что их лица давно должны были превратиться в размытые пятна. Это несомненно служило наглядной демонстрацией жестокого сердца, бившегося у него в груди.

"Тебе не напугать меня", мысленно сказала она ему.

"Это ложь, Охотница Гильдии. Я могу чувствовать твоё сердце, трепыхающееся, будто у кролика, пойманного в ловушку".

"Не боятся только дураки. Но я не собираюсь отступить от нас только потому, что ты раздражен немного больше обычного".

Мгновение спустя его губы замерли, и Елена почувствовала, как улыбнувшись, Рафаэль переместил свою руку с ее горла на щеку.

Обжигающее пламя силы ослабло, сменяясь сексуальным прикосновением его кожи. "Только ты могла осмелиться сказать мне такое".

Желая сделать вдох, Елена разорвала поцелуй. Её тело дрожало от страсти. Боже, архангел знал, как надо целоваться.

— Нам надо идти.

Рафаэль слегка ей кивнул, при этом прядь волос упала ему на лоб. Ветер отбросил их назад.

— Откуда хочешь начать?

— Как насчет школы? Возможно, он следил за Сэмом или другими детьми, решая кого выбрать.

Выражение лица Рафаэля стало спокойным, и, хотя его сила не вспыхнула опять ярким пламенем, всё же глаза приобрели насыщенный оттенок индиго.

— Я перенесу тебя в школу.

Как бы там ни было, не взирая на то, что Елена была занята поисками до самого утра, пока снег не начал белыми хлопьями опускаться на землю, она не нашла даже намёка на запах вампира, посмевшегося поднять руку на ребёнка в месте, которое должно быть безопаснее самого рая.

Злясь более чем когда-либо, она вошла в их спальню и начала снимать с себя

заснеженную мокрую одежду. Её ушибы онемели от холода.

— Позволь мне. — Рафаэль положил руки ей на плечи. — Твои крылья тащатся по полу.

— Я устала, — призналась она, позволяя ему стянуть рукава, развязать топ и снять его с нее. — Я привыкла быть сильнее многих людей вокруг меня. Здесь же я жалкая слабачка.

Обхватив Елену за талию теплыми руками, Рафаэль нежно поцеловал ее в голое плечо.

— Сила имеет много видов, Охотница, и твоя намного больше, чем ты думаешь.

Елена прижалась к нему спиной и позволила себе расслабиться, веря, что он не даст ей упасть.

— Хорошо иметь человека, на которого можно опереться, когда устала. — Это была близость, подарок, на который она не рассчитывала.

Последовала долгая пауза. Затем Рафаэль вновь поцеловал Елену в плечо, довольно по-собственнически её обнимая.

— Да.

Для Елены признание такого рода и то, что она начала полагаться на Рафаэля напоминало прыжок в неизвестность — ведь она не доверяла ни одному мужчине с тех пор, как отец вышвырнул её на улицу. Но самым неожиданным стало то, что на её доверие Рафаэль ответил ей тем же.

Положив свои руки на его, она откинула голову набок, обнажая шею.

Поняв намек, он проложил вверх дорожку из поцелуев.

— Душ?

— Ванна.

Елена подумала, что не сможет стоять без посторонней помощи.

— Ты уснешь, — сказал он, прижавшись губами к пульсирующей жилке на ее шее. Сила тела Рафаэля, с которой он по-хозяйски прижимал Елену к себе, проникала сквозь её изнеможение и пробуждала самые первобытные желания. — Но я поддержу тебя.

Это предложение для Елены стало ещё одним поцелуем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Елена так и стояла, обнаженная по пояс, и Рафаэль оставался позади неё.

— Так много синяков.

Он нежно провел по ним руками, его голос гудел от гнева.

— Привыкай, — сказала она, смеясь. — Похоже, у меня талант вляпываться в неприятности.

Он медленно улыбнулся около ее щеки и потянулся к пуговице на ее брюках.

— Что ты и сделала в нашу первую встречу.

Отбросив штаны в сторону, Елена оказалась полностью обнаженной. Не оборачиваясь, она завела руки за голову и, чувственно изогнувшись, обняла Рафаэля за шею.

— Елена, — хрипло предупредил он, обхватывая руками ее груди.

Елена прерывисто задыхалась от переполнявшего ее желания и прижалась к нему еще теснее, нуждаясь в еще более грубых прикосновениях к ее соскам.

— Еще, — потребовала она.

— Как пожелаешь, Охотница.

Ее мысли смешались, когда он сжал ее соски, вызвав внезапную, резкую боль, быстро сменившуюся жаром между бедер.

Она беспокойно зашевелилась, желая того, что только он мог ей дать.

— Рафаэль. — Повернув голову, она потянулась к нему и их губы встретились.

Его руки помогали унять желание, рождаемое медленными, нежными прикосновениями. Сам же он был напряжен до предела, стараясь держать страсть в узде. Елена прервала поцелуй и встретилась с полыхающим пламенем в его глазах цвета кобальта.

— Мне кажется, у меня проснулось второе дыхание.

Он слабо улыбнулся и убрал руку с ее груди, опустив к животу, где покругил вокруг пупка. Елена заёрзала.

— Щекотно. — Она потерлась о твердую выпуклость в его штанах, сильнее возбуждаясь.

Когда Рафаэль опустил свою руку ниже, Елена не сопротивлялась, позволив ему с абсолютной интимностью раздвинуть её лепестки.

Рафаэль играл с ней, слегка задевая сверхчувствительный комочек нервов, а не надавливая на него, как того хотела Елена.

Задрожав, она потёрлась о него своим телом, искушая, возбуждая... дразня.

Рафаэль провел зубами по ее шее.

— Твои действия могут привести к наказанию.

— О-о-ох, как страшно.

Он ущипнул ее клитор. Елену перемякнуло от удовольствия, её тело натянулось, словно тетива лука. Она была готова, настолько близка... но давление ослабло слишком рано.

— Рафаэль, — его имя прозвучало чувственным недовольством. Тело Елены блестело от пота.

— Я предупреждал. — Рафаэль скользнул двумя пальцами в ее тело, проникая жестко и глубоко — таким интимным способом напоминая о своих словах.

Елена двигалась, скользила на его порочных пальцах. Её дыхание стало обрывочным, вырываясь из нее жесткими, маленькими выдохами. Тело начало двигаться по собственной воле.

Другой рукой Рафаэль сминал и ласкал её грудь, словно ставя собственническое клеймо. Он прикоснулся губами к её шее, плечу, помечая без колебаний, даже не стараясь скрыть истинных мотивов своих действий.

"Такая тугая, влажная и моя".

Абсолютный собственник и невероятно горячий мужчина.

С каждым движением, она терлась попкой о его тело, чем доводила себя до крайнего возбуждения.

— Мне нужно большее.

"Елена, ты не получишь мой член".

Она задрожала, пытаясь собраться с мыслями.

— Почему? Мне он очень нравится.

Рафаэль вновь дразнящим жестом задел ее клитор. Перед глазами заплясали искры, и сквозь дымку в голове, Елена едва расслышала его слова.

"Ты еще недостаточно окрепла для всего, что я хочу с тобой сделать".

Наполовину обезумев, она быстрее и жестче задвигалась на его пальцах.

— Хочу большего.

"Ты уверена?" — задал он вопрос с откровенно сексуальным подтекстом.

— Да.

Она вскрикнула, когда он развел внутри ее лона пальцы и присоединил к ним третий.

От ощущения крайней наполненности, Елена практически перешагнула за грань. Но когда Рафаэль большим пальцем надавил на клитор, она начала падение.

Ее сотряс оргазм, сильный, опустошающий, после которого Елена безвольно повисла в руках Рафаэля.

Архангел втянул в себя аромат ее удовольствия, сдерживая за тонкой гранью самую мрачную страсть, которая грозила сломать его самообладание. Он с таким неистовством желал овладеть Еленой, что не был уверен, выживет ли она даже при полном восстановлении.

Он ждал ее целый год. И на протяжении года во время разговора с ней слышал тишину. Его терпение было на исходе.

— Скоро, — пробормотал он, отвечая ненасытным потребностям внутри себя.

Когда он начал вынимать пальцы из тугого плена её тела, желание вновь грубо напомнило о себе, заставляя его член пульсировать. Рафаэль хотел бросить Елену на кровать, раздвинуть её ноги и войти в неё.

"Я укушу тебя за грудь, — сказал он, вынимая пальцы медленно, не торопясь и наслаждаясь тем, как ее лоно сжало их при его словах. — Но преимущественно, я планирую трахать тебя, пока ты не сможешь ходить".

Тело Елены дернулось, и Рафаэль понял: его Охотница вновь готова. Воспользовавшись моментом, он скользнул одним пальце в ее тело, понимая, что больше ее налитое от полученного удовольствия тело принять не сможет.

"После того, как буду удовлетворён, я заставлю развести тебя ноги и так их и держать для меня".

Медленный, томительный толчок.

— Рафаэль. — Произнесла она хриплым голосом.

"А затем я буду с удовольствием, не спеша вкушать сладкую, сочную плоть между твоих бедер".

Очередной толчок и Елена потёрлась ягодицами о член Рафаэля, от чего новая вспышка болезненного удовольствия пронеслась его телом.

"Моя, Елена, ты — моя".

Подняв руку, он притянул её голову пальцами за подбородок и впился в губы. В то же время, Рафаэль в последний раз нежно прикоснулся к её самому сокровенному месту, толкнув за грань ещё одного оргазма.

Сексуальность Елены была грубоватой, дикой и не наигранной. Она пела сладкую песню Рафаэлю, туманя разум и угрожая заставить потерять контроль.

Рафаэль обнимал Елену до тех пор, пока она не спустилась с вершины наслаждения, и лишь потом убрал пальцы от её естества. Он развернул её и взял на руки. Крылья охотницы, как и конечности, обессиленно свисали.

Только на этот раз, слабость наступила после пресыщенной страсти. Даже если бы Рафаэль не чувствовал влажные доказательства этого на своих пальцах, томный взгляд из-под прикрытых век миндалевидных глаз служил бы абсолютным доказательством.

"Ты играешь нечестно, Архангел".

Она так редко начинала ментальное общение, что Рафаэль им упивался.

"Как и ты. Мой член вот-вот взорвется".

"Обещаю, я о нём позабочусь".

Выдохнув сквозь стиснутые зубы, он поставил Елену на ноги в душе и включил

холодную воду. Охотница вскрикнула и ударила его по все еще одетой груди.

— Вытащи меня отсюда.

— Ты ангел, — сказал он, промокнув до нитки, — и не настолько чувствительна к холоду.

Но все же включил горячую воду.

Елена злобно уставилась на Рафаэля.

— Зачем ты это сделал?

Он молча ждал.

— Хорошо, — сказала она через пару секунд. — Рада, что ты мучаешься.

Он тот, кто жил более тысячи лет, думая, что потерял способность смеяться по-настоящему. Сегодня улыбка не покидала его губы, несмотря на то, что тело болело от желания, а по венам бежал огонь.

— Совсем не мило с твоей стороны, Елена.

Она посмотрела на него с подозрением, откинув волосы с лица.

— В конце-концов, я дважды подарил тебе наслаждение.

— А мы теперь ведем счет? — спросила Елена, и ее глаза заблестели.

— Конечно.

Она поморщила носик, а затем не смогла сдержать смех, который был подобен пузырькам восторга. Это тронуло его сердце, которого, как он думал до встречи с Еленой, у него не было.

Удерживая ее под душем, он зарылся лицом в её мокрые волосы и улыбнулся. "Когда ты обретишь полную силу, то будешь очень занята, наверстывая упущенное".

Обняв его за шею, она прижалась к нему всем телом в порыве открытой привязанности, что было редкостью для его охотницы. "Доверие, — подумал он, — она наконец-то начинала доверять".

Страх — это то, чего Рафаэль не испытывал на протяжении веков. Вплоть до той ночи, когда Елена, поломанная, лежала у него на руках в Манхеттене, превратившегося тогда в зону боевых действий. А сейчас это чувство холодило его вены.

Доверие Елены было не просто заслужить.

Но можно было с легкостью потерять.

— Ты собираешься избавляться от своей одежды? — спросила она, начав расстёгивать пуговицы на его рубашке.

Немного отодвинувшись назад, он позволил ей раздеть себя, дразнить себя, сделать себя еще на долю человечнее.

Полчаса спустя Елена уснула. Рафаэль смотрел на её светлые ресницы, выделяющиеся на фоне золотистой кожи, которая рассказывала о землях с янтарными закатами и процветающими рынками, о заклинателях змей и женщинах в чадре с подведенными глазами. Он наблюдал, как она, лежа на животе, раскинула свои крылья цвета полуночи и багрянца.

Крылья прирожденного воина, которые подходящим акцентом подчёркивали силу Елены. Но именно женщина, подумал Рафаэль, на мгновение опустившись на колени перед кроватью, была истинным сокровищем.

Убрав волосы с ее лица, он провел тыльной стороной ладони вниз по ее щеке. Моя. Собственнические чувства становились в нем все сильнее и сильнее с того момента, как она согласилась быть его любовницей.

И он знал, что они лишь будут нарастать. Потому что во все века своего существования, Рафаэль никогда не заводил любовницу, которую во всех бы смыслах считал своей. Он убьет ради нее, уничтожит, нападет на любого, кто попытается ее отобрать.

И он никогда ее не отпустит, даже если она попросит.

Рафаэль поднялся и вышел из комнаты через балконные двери, аккуратно закрыв их за собой. Снег перестал падать, набросив на Убежище пелену невинности.

"Присматривай за ней", — приказал он ангелу, кружащему в небе.

Гален ответил незамедлительно: " Никто и ничто к ней не подберётся".

Рафаэль знал, что Гален сомневался в Елене но ангел дал ему слово... и никто из Семерки никогда его не предаст.

Взлёт Рафаэля был практически вертикальным. Архангел мысленно коснулся разума отдыхающей Елены — это уже стало привычкой после года, проведённого ею во сне, проникнуть в который даже он не мог.

Тогда тишина была бескрайней, беспощадной.

Сегодня он чувствовал усталость Елены, спокойствие её разума и отсутствие снов, которые так часто её преследовали. Оставив ее спящей, Рафаэль летел сквозь ледяной воздух к Лазарету.

И когда уже собрался опуститься к владениям Кейра, ощутил чужое прикосновение к своему разуму.

Микаэлла.

Через мгновение Рафаэль увидел другого архангела. Её крылья цвета меди сияли на фоне серого неба, медленно озаряющегося рассветом.

Рафаэль ждал, пока она не зависла в воздухе напротив.

— Как мальчик? — спросила Микаэлла, и на её лице появилось выражение боли, которое, как он знал, заставило бы сердце Елены наполниться состраданием и сочувствием.

Рафаэль был опытнее, ожесточённее. Он видел, как Микаэлла обрывала жизни по прихоти, играла с людьми и ангелами, как с шахматными фигурками. Но в этот раз... она заслужила право знать.

— Он поправится.

По её телу прокатилась дрожь. По телу столь прекрасному, что превращало королей в дураков и привело к смерти, по крайней мере, одного архангела.

Возможно, Неху и называли Королевой Змей, но Рафаэль был уверен, что именно Микаэлла помогла подтолкнуть Урама к черте, перешагнув которую уже не вернуться, нашептывая ему самые ядовитые мысли.

— Твоя Охотница, — произнесла Микаэлла даже не пытаясь скрыть антипатию, — смогла ли она взять след?

— Нет, помешал снег. Все улики указывают на то, что вампирам помогал ангел. — И если информация такого рода просочится в массы — это разрушит то равновесие сил в Убежище, которое ещё осталось. — Тебе следует проверить своих людей.

Лицо Микаэллы превратилось в непроницаемую маску, черты заострились, кости стали резко выделяться, натянув кожу.

— О, я так и сделаю, — последовала недолгая пауза, но глаза архангела оставались пронзительно ясными даже в темноте. — Ты не думаешь, что мои люди преданны.

— Не имеет значения, что я думаю. — Он верил, что из одного лишь страха, созданного капризными прихотями, никогда не взрастить верности. — Мне пора. Елена снова попытается отыскать след, как только проснётся.

— Она остаётся всё такой же слабой, как обычная смертная.

— Прощай, Микаэлла. — Если ей нравилось считать Елену слабой, то это её ошибка.

Он опустил позади Госпиталя, не подняв ни снежинки, с бесшумностью, рождённой миллионами таких приземлений.

В здании было тихо, Но Рафаэль знал, что и ангелы и вампиры вернутся с первыми лучами солнца чтобы удостоверится, что Сэм жив, что его сердце всё ещё бьется.

До тех пор Рафаэль присмотрит за ним.

Елена проснулась от осознания того, что находится в объятиях архангела. Солнечные лучи проникали в комнату, касаясь золотистой кожи его рук.

— Сколько времени?

— Ты поспала всего лишь несколько часов, — ответил Рафаэль, дыханием нежно лаская шею Елены. — Ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы продолжать поиски?

— Ну, охота состоится в любом случае, — сказала она, продолжая наслаждаться исходящим от него первобытным жаром. — Вопрос лишь в том, как быстро я смогу двигаться.

Елена глубоко вздохнула и начала выползать из постели, тесно прижимая к спине

крылья, пока кровать не оказалась позади неё.

Обернувшись, девушка увидела, что Рафаэль наблюдает за ней, не отводя глаз неземного синего оттенка, а его обнажённый торс — соблазн в чистом виде — ласкает солнечный свет.

— Елена. — Её имя прозвучало словно мягкое порицание.

Покраснев, охотница сделала быструю разминку для всех мышц.

— Ничего особо не болит. — Она снова посмотрела на великолепное тело Рафаэля, к которому он не позволял прикоснуться. — Хотя, к концу дня мне может понадобится массаж.

— Это может стать слишком большим соблазном.

В голове Елены всплыли воспоминания о его пальцах, которые дразнящими движениями доводили её до оргазма, в то время как сам Рафаэль низким голосом нашептывал порочные вещи о том, что собирался с ней проделать.

Почувствовав, что возбуждается, Елена отвернулась от лица, способного даже охотницу заставить погрязнуть во грехе, и направилась в ванную.

После быстрого душа она снова почувствовала себя человеком.

Человеком.

Нет, Елена больше не человек. Но и не вампир. Интересно, примет ли её отец, или же теперь в его глазах она будет выглядеть ещё более омерзительно.

"Уходи, убирайся и копайся в грязи. Не смей возвращаться".

Те слова, его неприятие и то, как он смотрел на неё из-под тонкой металлической оправы своих очков всё ещё вызывали боль. После смерти матери Елена так сильно старалась стать дочерью, которую желал видеть Джеффри Деверо в своей старшей уцелевшей наследнице.

Её существование напоминало ходьбу по канату, что постоянно дрожал под ногами напуганной девочки.

Никогда она не чувствовала себя уютно в Большом доме, в доме, который её отец приобрел после событий, наполненных кровью, криками и смертью. Но Елена пыталась. До тех пор, пока однажды канат не лопнул.

Кап.

Кап.

Кап.

"Твой голод заставляет меня петь, охотница".

Елена замерла, отвергая воспоминания.

— Нет.

Она выключила воду, вышла из душа и замерла, прижимая полотенце к лицу. Неужели тот шепот был реальным? Должно быть. Ей никогда не забыть тот низкий вкрадчивый голос, то красивое лицо, за которым скрывалась, душа убийцы. Но Елена позабыла те слова, спрятала их глубоко в себе. Слова... и то, что последовало после.

"Елена".

Чистый, свежий запах моря и ветра вторгся в её разум. Елена ухватилась за него изо всех сил. "Я скоро".

"Я чувствую твой страх".

Она не знала, что сказать, по этому не стала отвечать. Запах моря, ледяные порывы ветра не исчезли. Часть Елены гадала, не крадёт ли Рафаэль её секреты, другая же часть ликовала, что он не оставил её одну в том доме, который превратился в лавку мясника.

— Рафаэль?

Он появился в дверном проёме — существо, в которое Елена, объятая страхом, однажды выстрелила. Существо, которое теперь держало её душу в своих руках.

— Я тебе нужен?

— Как много ты знаешь про мою семью? — спросила Елена.

— Только факты. Я полностью изучил всю информацию о тебе до того, как Совет решил тебя нанять.

Она знала, но теперь, встретившись с ним глазами, пыталась воздвигнуть защитные стены вокруг своего сердца, внезапно ставшего беззащитным. Рафаэль мог причинить ей невероятную боль.

— Копаясь в моей голове, ты узнал больше, чем просто факты?

— А ты как думаешь?

— Думаю, ты привык получать желаемое.

— Да, — подтвердил он, медленно кивнув.

Сердце Елены было готово разбиться.

— Но, — продолжил Рафаэль, — я начинаю узнавать ценность того, что дано по собственной воле.

Он подошел к Елене и провёл ладонью по особо чувствительному изгибу её крыла.

Она задрожала, попав в сети притягательности этого архангела, который никогда даже отдалённо не напоминал смертного. И тогда он заговорил. Его глаза напоминали необъятную синеву самой глубокой части океана — бесконечную и кристально чистую, не поддающуюся никаким описаниям.

— Я не крал твои секреты, Елена.

Елену словно прорвало, эмоции грозили затопить с головой.

— Совсем не тот ответ, которого я ожидала.

Рафаэль поднял полотенце, встал сзади и начал вытирать её крылья медленными мягкими движениями. Елена слишком поздно осознала, что, поскольку она прижимала полотенце к груди, его глазам открывался прекрасный вид на её обнажённую заднюю часть тела.

— Цвет твоих крыльев становится насыщенней ближе к верху спины. — Архангел перебросил волосы Елены через плечо, чтобы поцеловать нежную кожу шеи.

Девушка задрожала и попыталась приподнять крылья, чтобы обмотать полотенце вокруг тела.

— Нет. — Рафаэль провёл пальцами вдоль изгиба спины, по ягодицам и обратно вверх.

Елена приподнялась на носочки, дабы избежать чувствительной пытки.

— Рафаэль.

— Ты расскажешь мне свои секреты?

Волны боли и страха заставили Елену опуститься. Прислонившись спиной к Рафаэлю она откинула голову ему на грудь.

— Кое-какие секреты приносят слишком сильную боль.

Рафаэль вновь провёл рукой по её крылу, но в этот раз его прикосновения успокаивали.

— У нас вся вечность впереди, — сказал он, обняв Елену рукой за шею.

Девушка почувствовала, как её сердце пропустило удар от уверенности в его голосе.

— А в этой вечности ты доверишь мне свои тайны?

— Я ни с кем не делился своими тайнами очень много рассветов, больше, чем ты

можешь себе представить. — Он обнял её ещё крепче. — Но и до встречи с тобой, мне также никогда не доводилось называть охотницу своей женщиной.

Искать запах по Убежищу было как-то странно. И не только потому, что у Елены развилось умение чувствовать ангелов — эта способность появлялась и пропадала, а новые запахи оставляли чёткий след у неё в голове. Дело в том, что, куда бы не пошла, Елена везде ощущала на себе взгляды.

— Можно подумать, они никогда прежде не встречали Охотников, — пробормотала она себе под нос.

Иллиум, шагающий позади и бросающий вокруг заинтересованные взгляды, воспринял её бормотание как вопрос и поспешил ответить:

— Многие из них не видели.

— Наверное. — Сказала Елена и нахмурилась, уловив намёк на запах, который вызвал к её инстинктам. Но он так быстро испарился, что ей не удалось распознать все его ноты и сложить вместе.

— Может они просто проверяют тебя, — продолжал Иллиум, щеголяя голой грудью и гибкой мускулатурой мужчины, знающего, как использовать своё тело. Сара назвала бы его "лакомым кусочком".

Он игриво улыбнулся и продолжил: — Ты тащишь свои крылья по снегу.

Обернувшись, Елена увидела, что кончики крыльев покрыты льдом.

— Не удивительно, что я их не чувствую. — Охотница приподняла крылья и поняла, что они с Иллиумом вышли на одну из главных улиц. На ней так и бурлила активность, но под всей суетой скрывался гул смертоносной ярости.

— Про это место знают все вампиры?

— Нет, только те, кому доверяют больше всех.

Теперь, из-за этой информации, нападение на Сэма казалось ещё более возмутительным. Но, конечно же, все знали, что вампиры — всего лишь инструменты. Ангел — вот кто действительно стоял во главе всего, и чьим приговором станет самая мучительная смерть известная бессмертным — а у них было много времени, чтобы придумать наиболее изощрённые пытки. Уловив мимолётный намёк на аромат цитруса, Елена повернула налево, куда не доставали взгляды ангелов.

— Где-нибудь поблизости есть апельсиновые рощи?

— Нет, они растут в той части Убежища, что принадлежит Астаду и Фаваши.

Шоколад и апельсины. Слабый, очень слабый аромат.

Елена опустила на одно колено и начала руками разгребать снег. Она осознала, что, хоть и чувствовала холод, но обморожение ей не грозило.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я могу сделать это для тебя, — предложил Иллиум, присев напротив. Когда он наклонился, то их лбы почти соприкоснулись. Одно его перо мягко опустилось на землю, экзотически контрастируя на фоне белоснежного снега. — Ну, так что?

Елена отрицательно покачала головой.

— Мне нужно раскапывать слой за слоем, вдруг снег скрывает его... — И тут её пальцы коснулись чего-то твёрдого, по ощущениям намного холоднее снега. — Похоже на монету или подвеску.

Смахнув белые крупинки, что таяли при контакте с кожей, Елена начала вертеть находку в руках, чтобы рассмотреть при свете.

Каждый вздох сковывал грудь льдом.

— Это символ Ли Дзюань, — голос Иллиума был низким, жёстким. Вальяжный охранник превратился в мужчину, который не моргнув глазом лишил своих врагов крыльев.

— Да. — Елене до конца жизни не забыть того коленапреклонённого ангела с маской смерти на лице. — Что за архангел использует это как свой личный символ?

Иллиум ничего не сказал, но Елена и не ждала ответа. Борясь с инстинктивным порывом забросить отвратительную вещь в самую глубокую пропасть, какую только можно найти, Елена поднесла медальон к носу и глубоко вдохнула.

Бронза.

Железо.

Лёд.

Апельсины в шоколадной глазури.

— Этого касался вампир, — не желая больше прикасаться к артефакту, Елена вложила его в раскрытую ладонь Иллиума. — Пошли.

— Ты уловила запах?

— Похоже на то, — Она чувствовала, как он взывает к ней. Скрытый под толщей снега, находящийся в постоянной опасности, что может исчезнуть, если зимнее солнце вдруг начнёт припекать при одном из резких погодных изменений этой местности, к которым Елена уже привыкла.

Потянув за эту тонкую нить, она начала идти.

— Что там? — Охотница указывала на проход под крышей между двумя тщательно запёртыми зданиями. Он казался чёрной дырой, ведущей в никуда.

— Маленький внутренний сад, — Меч Иллиума издал глухой звук, когда тот вытащил его из ножен. — Ангелы, живущие здесь, сейчас находятся в Монреале, но на стене должна стоять зажженная лампа.

— Пошли.

Они не успели пройти и метра, как в проходе стало темным-темно, но незадолго после этого на другой стороне прохода появился свет. Елена ускорила шаг и мысленно вздохнула от облегчения, когда перед ней открылся ясный белоснежный пейзаж.

Как Иллиум и говорил, это оказался закрытый сад, личное убежище от окружающего мира. Скорее всего, летом его переполняют цветущие растения, но даже в объятьях зимы ему было присуще неповторимое обаяние.

Посредине сада находился фонтан. Сейчас он не работал, две верхние чаши и бассейн занесло снегом. Ещё больше снега покрывало статуи, которые окружали бассейн — некоторые внутри, а другие снаружи, но все словно замерли в движении.

Подойдя ближе, Елена ощутила, как внутри неожиданно зародилось восхищение — все статуи изображали детей, и каждое лицо было высечено с любовью.

— Это Сэм! — заговорила Елена, увидев немного уменьшенную копию ангельского ребенка. Одной ногой в фонтане, руки на краю борта, а в глазах — озорство, которое никак не скрыть. — А вот это Иззи.

— Аодан использовал их как моделей, — при её удивлённом взгляде Иллиум пояснил: — Один из Семерки.

— У него талант.

Каждая статуя была продумана до малейших деталей, вплоть до оторванной пуговицы на рубашке или висящего шнурка на забытом ботинке. Когда Елена обошла вокруг этого

произведения искусства, её улыбка померкла, а внутри всё заняло от осознания, что кто-то осквернил это место.

Апельсины в шоколаде.

А под этим ароматом... мерзкая вонь начавшегося гниения.

Ярость холодной волной пронеслась по телу Елены. Она отмела достаточно снега от края, столько, что могла сесть. В самом фонтане ей не пришлось чистить много, так как пальцы сразу наткнулись на плоть, посиневшую от холода. Одернув руку, Елена резко повернула голову в сторону Иллиума.

— Я думаю, мы только что нашли вампа, забравшего Сэма.

— Еще одно святотатство. — Сказал Иллиум и сжал рукоять меча так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Я доложил Рафаэлю.

— Не Дмитрию? — Правая рука в команде Рафаэля был в курсе всего, и так как Рафаэль планировал ранним утром "беседу" с Дахарием, Елена полагала, что вампир займется этим делом.

— Вскоре после обнаружения Сэма, он уехал в Нью-Йорк, — пояснил Иллиум, плавн убрав "Молнию" в ножны. — Веню самый младший среди нас. А после того, как из Башни отозвали Галена, некоторые начнут задавать вопросы.

Елена думала о том, сколько времени Рафаэль проводит вдали от Башни из-за нее, предоставляя ей возможность окрепнуть настолько, чтобы встретиться с трудностями этого мира и гадала, чего это ему стоило.

— Но, если возникнет необходимость, сможет ли Веню удерживать нападение достаточно долго, чтобы помощь подоспела вовремя?

- Конечно. Он один из семи. — Тон Иллиума дал ясно понять о требованиях, необходимых для прохода в эту элитную группу. — Башня построена таким образом, чтобы её было легко защитить. Кроме того, более ста ангелов и столько же вампиров постоянно находятся в её пределах или снаружи в любое время.

Целая армия, подумала она. Но архангелы правили не потому, что были доброжелательными существами. Они стояли у власти из-за своей силы, которую не боялись использовать для исполнения своих указов. В тот же миг, пример этой силы приземлился в саду — целый отряд во главе с Галеном. Рыжеволосый ангел шел прямо к фонтану, и впервые Елене выпал шанс его рассмотреть. Он выглядел, к ее удивлению, как вышибала.

Более шести футов ростом, широкоплечий, с мускулистыми бёдрами и бицепсами — на одном из которых красовался металлический браслет — все это выдавало человека, укреплявшего свое тело далеко не с помощью тренировок в тренажерном зале. А лицо... Мужественный подбородок и чувственные губы, от одного взгляда на которые женщины охватывают жаркие, волнующие, явно не ангельские мысли.

Гален перевел взгляд на тело.

— Думаешь, это тот вампир, что забрал Сэма?

Избавившись от удивления, вызванного этим ангелом, который выглядел как обычный человек, Елена кивнула.

- У него подходящий запах и, насколько мне известно, никому ранее не удавалось подделать его достаточно хорошо, чтобы обмануть рождённого охотником.

Гален кивнул, рыжие волосы полыхнули огнем в солнечном свете.

— Дайте нам место, чтобы его выкопать.

Отодвинувшись назад, Елена наблюдала, как выкопали и достали тело, стараясь проследить, чтобы они ничего не упустили. Как она и ожидала, головы не было.

Обезглавливание — самый эффективный метод убийства вампира, наряду с сожжением. Оставив Галена и его свиту обыскивать фонтан и близлежащую территорию, Елена начала обходить сад.

— Следа нет, — наконец проговорила она, уставившись на уже пустой фонтан. — Вампа сбросили сверху.

— Или лидером, или одним из ангельских последователей, — донесся знакомый голос Иллиума, крылья которого выделялись ярким пятном на фоне белоснежного опустевшего пейзажа, так как помощники Галена покинули это место и унесли тело с собой. У Галена же крылья были как у северного луня: темно-серые, с белыми полосами, которые становились видны лишь тогда, когда он раскрывал их перед взлетом.

— Головы здесь нет, — начал рыжеволосый ангел, но был прерван порывом ветра от взмаха крыльев, поднявших в воздух снег.

У Елены вновь замерло сердце, когда Рафаэль приземлился рядом.

— Мы нашли голову, — произнес он, и тон его голоса заморозил окружающий воздух. — Она лежала на подушке Анушки, с меткой секхема на лбу.

Елена была уверена, что во время унижительной пытки вампир оставался ещё живым. Его страх, от осознания, что подлец, которому он поклонялся, отвернулся от него стал настоящей агонией, потому что вамп точно понимал, что последует дальше.

— Издёвка, — предположил Гален. — Направленная на Неху, через ее дочь.

— Или очень хитрая двойная игра, — проговорила Елена, вспоминая записи, прочитанные ею об Анушке.

Поскольку Анушка была умна и амбициозна, то с помощью нескольких вампиров и ангелов из своего окружения могла всё это провернуть. Но, то же самое касалось и Назараха с Дахариелем.

— Если она — настоящая цель, — вставил Иллиум, — как кто-то смог подобраться так близко? У Анушки смертоносная охрана.

- Совершенной охраны не существует. И мне начинает казаться, что этот ангел всё продумал на несколько месяцев вперед.

— Джейсон? — поинтересовалась Елена. Рафаэль утвердительно кивнул, под лучами зимнего солнца его тёмные волосы отливали синим.

— Один из его людей смог доставить сообщение из владений Кэризмнона... свидетельств, что девочка пересекала границы — нет. Но все же Титус непреклонен в наличии доказательства — записи, которую ему прислали.

— Есть ли основание предполагать, что виновный все еще в Убежище? — спросил Гален.

— Политическими интригами можно руководить и издалека, но это слишком личное. Он поблизости, стремится увидеть результат своих действий, — Рафаэль говорил отстраненным голосом, который испугал Елену. Когда последний раз она слышала этот тон, Рафаэль в итоге поймал ее при спиралевидном падении. Существо, говорившее так, могло просто бросить её вниз, чтобы лишь услышать, как она кричит. В ушах стоял гул от притока крови, и Елене пришлось сосредоточиться, чтобы услышать следующие слова Рафаэля: — Опустим отвлекающие моменты. Вероятно, он начал все это с намерением доказать силу и право стать одним из Совета. Возможно, даже убедил себя, что эти действия приведут к цели...

— ... но на самом деле, больной убудок просто наслаждается играми, — закончила

Елена, внутренне содрогаясь от своих же слов. Потому что этот социопат не остановится, пока его не заставят. И он уже показал склонность причинять боль детям.

Взгляд голубых, с оттенком хрома, глаз встретился с ее.

— Наша цель остается прежней. Мы продолжаем охотиться за тем, кто навредил Ноэлю и Сэму. И за тем, кто вновь начал угрожать жизни Елены.

Она моргнула, ощущая, как солнце греет кожу.

— Что?

— В рот головы, оставленной на подушке Анушки, был воткнут кинжал Гильдии.

Разозленная злобными действиями и постоянными насмешками над Гильдией — которая стала для Елены семьей, когда собственная отвернулась — она почувствовала, как в голове проясняется, а разум успокаивается.

— А что насчёт криминалистической лаборатории? — Даже если бы они не говорили с Рафаэлем о возможных следах на избитом теле Ноэля, Елена интуитивно догадывалась о существовании такой лаборатории. Потому что, хоть ангелы и выглядели как существа из мифов и легенд, в большинстве они были безжалостно практичны. И она не удивилась бы наличию центрального хранилища ДНК

— Тело обработали, — произнес Гален. — Я оставил людей еще раз проверить место преступления, но думаю, что мы ничего не найдем, как и с Ноэлем и Сэмом.

— Единственной зацепкой был запах мертвого вампа, — встала Елена, осознавая, что именно из-за этого он и погиб. Тревожно знать, что ее талант подписал вампу смертный приговор, но опять же, разве он не сделал это самолично в ночь, когда согласился изувечить ребенка? Она стиснула зубы. — Мы знаем кто он?

— Предположительно, он принадлежал Кэризмнону, — заметил Рафаэль. — Среднестатистический вампир, соблазненный обещанием большего.

Такой человеческий мотив, что Елена понимала правоту Рафаэля. Потому что когда-то вампиры были людьми.

— У нас так и остается три варианта?

— Назарах, Дахариель и сама принцесса, — подвел итог Иллиум.

— Кому-то из этих трех нравятся жить прошлым?

— Нет, — ответил Иллиум. — Анушка правит, как мать, но у нее также есть химический завод по изготовлению ядов. И все они знают о современных экспертно-криминалистических технологиях.

— Значит, мы возвращаемся к началу, наблюдаем за ними в ожидании ошибки.

— За Назарахом, — сказал Рафаэль, — постоянно наблюдали с самого нападения на Ноэля, но это не доказывает его непричастность. Дахариель под защитой Астаада, и с ним повозиться придется больше.

— Даже после того, что сделали с Сэмом?

Ответ был чисто архангельским:

— Дахариель — важная часть нормального функционирования территории Астаада, как Назарах — моей. А Анушка — дочь Нехи.

— Ты не можешь следить за ними, не рискуя развязать войну.

— Казалось, что Дахариеля передернуло от новости про нападение на Сэма, — сказал Рафаэль, с непроницаемым выражением лица, — но в его доме полно вампиров, которые чуть ли не скулят, заслышав шелест крыльев ангела.

Елена вспомнила последний — и единственный — раз, когда видела Холли Чанг.

Девушка впала в истерику при виде крыльев Рафаэля — ее психику травмировали зверства Урама. Что такого делал Дахариель, чтобы заставить почти бессмертных, проживших сотни лет существ, реагировать также?

Иллиум протянул руку, и в то же время сильный порыв ветра взвил снег в воздух. Но он не мог стереть оставшиеся следы зверского насилия.

— Медальон, который нас привел сюда.

Забрав его, Рафаэль проследил линии на металле, словно в поисках чего-то. Елена поняла, что он нашел это, когда остановил движение пальцев.

— Его могли приобрести только после смерти одного из людей Ли Дзюань.

— Думаешь, она замешана? — спросила Елена

— Нет. Она слишком занята играми со своими возродившимися. — Рафаэль сжал в ладони медальон, а на затылке Елены, от напоминания о излюбленной форме развлечения Ли Дзюань, волосы встали дыбом. — Елена... след есть?

— Снег тает, — расстроено произнесла она. — След исчез.

— Терпение, Охотница, — с уверенностью существа, видевшего, как столетия сменяют друг друга, произнес Рафаэль. — Он совершил ошибку, убив одного из своих людей... страх развязывает языки.

— Думаю, нам остается лишь надеяться, что он — или она, — добавила Елена, вспоминая Анушку, — продолжит нападать на своих людей. — Она направилась к фонтану. — По крайней мере, они погибнут легкой смертью, по сравнению с тем, что будет, если их поймает мы.

Она почувствовала запах ветра, чистый и суровый.

"Я бы сказал, что ты избавилась от наивности, но, судя по твоим кошмарам, это случилось давным-давно".

"Да, — согласилась она, позволяя Рафаэлю заглянуть в уголок сердца, охраняемый ею больше всего. — В тот день было очень много крови. Даже на похоронах, я видела ее на своей коже".

Глава 19

Следующий день преподнёс неприятный сюрприз. Поскольку запах ослабел, и подчинённые Рафаэля отрабатывали другие аспекты охоты, Елена опять стала делать упражнения, чтобы вернуть своё тело в прежнюю боевую форму. Когда тот ангел, который уже навредил двоим людям Рафаэля встретится с Еленой, то увидит, что она не такая лёгкая добыча, как он предполагал. И когда он придёт за ней — она всадит ему в грудь кинжал Гильдии.

К сожалению, Елена забыла, что Дмитрий вернулся в Башню.

— Ты будешь мертва уже через две секунды после того, как закончатся пули, если это твой единственный способ самообороны. — Пистолет Елены практически исчез в ладони Галена, смотрящего на Охотницу таким же дружелюбным взглядом светло-зелеными глаз, как и у местного гризли. — Владеешь другим видом оружия?

— Ножами.

Елена никогда, даже через миллион лет, не признается, что уже начала скучать по извращённому чувству юмора Дмитрия.

— Если собираешься использовать ножи, — начал Гален, как только она вышла на тренировочную площадку — простой круг вытоптанной земли перед большим деревянным зданием без окон — то должна научиться вытаскивать их так, чтобы не задевать крылья. Он поднял со стола оружие, напоминающие рапиру, хотя гарда эфеса была намного проще чем те, замысловатые, которые она видела в коллекциях других охотников. Протянув клинок Елене, Гален сказал:

— Я должен увидеть, что ты умеешь.

— Я же сказала ножи, — ответила Елена и опустила запястье, проверяя вес клинка. — А это оружие намного длиннее чем всё то, чем я пользовалась раньше.

— Используя ножи, ты оказываешься слишком близко к мишени. — Внезапно Гален возник прямо перед лицом Елены, вжимаясь в её тело своей горячей оголённой грудью и царапая коротким, смертельно острым лезвием её горло. — И ты не достаточно быстра, чтобы выиграть у другого ангела.

Елена выдохнула сквозь сжатые зубы, но не отступила.

— Я всё ещё могу выпустить тебе кишки.

— Не быстрее, чем я перережу твоё горло. Но суть нашего упражнения не в этом.

Чувствуя, как кровь начинает тонкой струйкой стекать по шее, Елена отбросила злость и начала с невозмутимой сосредоточенностью перебирать варианты действий. Она не могла использовать правую руку, поскольку Гален стоял слишком близко. И так как у неё не было преимущества, то другой рукой она не могла нанести ему серьезные повреждения. Разве что... крылья ангелов обладают невероятной чувствительностью. Схватив Галена за крыло свободной рукой, другой она подняла свой клинок. Ангел вырвался из захвата, его нож исчез так быстро, что Елена едва уловила движение.

— Крылья, — сказала Елена, понимая, что этот засранец научил её кое-чему очень важному, — дают преимущество, позволяя застать соперника врасплох, но если подойти слишком близко — они становятся слабостью.

— Пока да. — Гален поднял рапиру и покрутил ею в воздухе. Изящный дуэльный клинок выглядел слишком хрупким в его большой руке. Елена могла бы поспорить на своё

недавно обретенное состояние, что лично он предпочитает оружие на подобии палаша. Тяжелое, массивное и эффективное.

— Значит, теперь я буду использовать арбалет, чтобы чиповать вампиров, — ответила Елена, с сожалением вспоминая ошейники, которые были её излюбленным методом обездвиживания целей.

Со встроенным чипом, что нейтрализовал вампиров, отключая их мозг на некоторое время, это особенное оружие было единственным преимуществом охотников в сражениях с противниками, что значительно превосходили их в силе и скорости. Елена могла бы нелегально, так как теперь окружена вампами, достать арбалет для личного пользования, но тут же осознала, что стоит ей хоть один раз им воспользоваться, и она не только погребёт Гильдию под кучей неприятностей, но и лишит Рафаэля верности его вампиров. Не без причины количество чипов строго контролировалось. Вампирам не нравилось жить, постоянно оглядываясь через плечо.

Елена хорошо понимала их чувства, чертовски неприятно терять контроль над своим телом, становясь чьей-то марионеткой. И по большому счету, те, кто в последнее время находился рядом с Еленой, были чересчур сильны, чтобы чип на них подействовал. Но эту тайну Елена унесет с собой в могилу. Потому что бывают моменты, когда в запасе у охотника лишь элемент неожиданности от предположения вампа, что он обездвижен.

— Ты думаешь вернуться на свою должность в Гильдию? — Тон Галена являл собой само воплощение осуждения.

— А чем мне ещё заниматься? Сидеть, сложа руки, и при этом мило выглядеть?

— Ты — обуза, — слова Галена были резкими, холодными, — и легкая мишень на поле боя. Любой, желающий добраться до Рафаэля, легко тебя пленит.

— Поэтому я здесь, добавляю новые синяки к уже существующим. — Елена не отступится. — Рафаэлю нужна не неженка, а воин.

"Моими любовницами всегда были лишь воинственные женщины". Так сказал ей архангел. И теперь, когда они установили границы своих отношений, он использовал ее навыки и таланты. Елена не позволит солдафону с угрюмым лицом менять саму основу их связи.

— Из-за тебя он чуть не умер. — Гален резко взмахнул клинком, лезвие прошло так близко, что Елена инстинктивно парировала удар.

Отклоняясь, она подняла рапиру.

— Он сам решил упасть со мной.

— Иногда даже архангелы совершают ошибки, — парировал он. Затем последовало расплывчатое движение. Но Елена просчитала его шаги и успела увернуться от удара. Когда повернулась, увидела пару прядей волос на земле, которые Гален срезал клинком. Несмотря на крупное телосложение, двигался он быстро.

— Полагаю, сражение началось.

— Будь так, ты бы уже была мертва. — Вернувшись вновь в выжидательную позицию, Гален покосился на ее руку. — Перехвати рукоять. Если будешь держать рапиру так, то я одним ударом сломаю тебе запястье.

— Покажи.

Он показал, добавив:

— По своей сути, рапира — колющее оружие. Используй это.

Остаток утра прошел еще более изнурительно. Через три часа Елена вся вспотела, и их

схватка привлекла толпу зевак. Гален не унимался и вызвал ее на еще один спарринг. Она чувствовала, что с трудом волочит крылья, мышцы ног дрожали. Ублюдок.

Елена не могла позволить Галену совсем изнурить себя, поэтому избегала его ударов намеренно вялыми движениями... пока он на какое-то мгновение не утратил бдительность. Тогда Елена нанесла удар — рапира вошла в плечо Галена на несколько дюймов. Красные капли начали стекать по загорелой коже его груди. Наблюдатели с ужасом ахнули. Но Гален просто отступил, чтобы лезвие вышло из тела, и, опустив свое оружие, протянул Елене руку.

— Хорошо. Ты должна была сделать это час назад.

Желая заколоть его, она передала рапиру.

— Я знаю основы, но мне понадобится время, чтобы научиться успешно применять их на практике.

А времени у нее как раз и не было.

— Мы сосредоточимся на метании ножей позже, но тебе потребуются навыки обращения с длинным клинком для ближнего боя. — Гален впился в Елену взглядом светлых зеленых глаз. — Если собираешься выжить на балу Ли Дзюань, ты должна прекратить действовать как человек и целиться непосредственно в яремную вену.

Больше он ничего не сказал и покинул тренировочный ринг. Все, чего Елена хотела — это превратиться в лужицу, но гордость не позволяла. Никто ей не помешал, когда она покидала ринг, хотя чувствовала на себе взгляды всю дорогу к крепости Рафаэля.

Пистолеты и ножи, подумала она входя в здание, были самым легким и удобным оружием для повседневного использования. Рапира для нее слишком длинная, но вот меч покороче... возможно подойдет. Не сравнить с миниатюрным огнеметом в ее тайнике. Точно будет нелегко носить с собой каждый день... и хоть он и эффективен против вампиров, ангела только больше разозлит. Лучшее, на что она могла надеяться при борьбе с ангелом — это обездвигнуть его или ее, чтобы получить фору.

Елена настолько задумалась, перебирая варианты, что ей потребовалось несколько минут, чтобы понять — от главного холла она повернула направо, а должна была — налево. Она решила идти дальше, поскольку чертовски устала, чтобы возвращаться...рано или поздно, коридор приведет ее в центральное крыло. Потирая шею, охотница разглядывала стены: здесь они были увешаны пышным драгоценным шелком, который развевался от ветра из окон. Ковер под ногами подходил по стилю — глубокого розового цвета с оттенком аметиста. С потоками воздуха донеслось хохотание. Елена замерла, вдруг осознав где находится — богатая и экзотическая, почти слишком пёстрая обстановка, и цвета, которые словно касаются бархатными пальцами. Последний раз, когда Елена присутствовала в месте, настолько пропитанном сладострастием, она оказалась в вампирском крыле Башни. Тогда Дмитрий практически трахнул женщину прямо у Елены на глазах. И не важно, что они оба были одеты — невысокая блондинка с пышными формами почти достигла оргазма.

Вернуться Елена не могла. Распрямив плечи... и почувствовав знакомый первобытный запах тигра, вышедшего на охоту, она ускорила шаг. Но, помимо воли, повернула голову и заглянула сквозь открытую дверь. Сама того не желая, уставилась на мускулистую спину, гладкую кожу идеального золотисто-коричневого оттенка, и на склоненную к шее женщины голову с копной серебристых волос. Женщины с крыльями, вздыхающей в явном сексуальном подчинении.

Ноги Елены приросли к земле. Наазир кормился от ангела, и по тому, как она впивалась пальцами в его бицепсы и хриплым стоном, слетающим с ее губ, ставало понятно, кто

командовал парадом. Елена не могла отвести глаз от Наазира, сминающего пышную грудь своей жертвы... От того, как женщина-ангел откинула голову назад, предлагая свою шею, умоляя о ещё одном кровавом поцелуе. И от глаз, цвета жидкой платины, с которыми Охотница столкнулась взглядом, когда Наазир поднял голову и повернулся к ней.

Задрожав, Елена развернулась, и поспешила уйти так быстро, как только могли нести её ноги. Она вздохнула с облегчением, когда вышла в ярко освещенный центральный холл дома со сводчатыми потолками.

Боже правый. В тех глазах и на лице отображалась жажда секса, но можно было разглядеть и гораздо глубокую потребность... словно он с лёгкостью мог распороть грудь своей любовнице и пить кровь прямо из все ещё бьющегося сердца, продолжая заниматься с ней сексом. По спине Елены пробежали мурашки. Ей стало жалко того охотника, которому (если такое произойдёт) придётся ночью выслеживать этого зверя с серебряными глазами.

* * *

Двадцать минут спустя, приняв душ, Елена сидела на кровати в одном полотенце и разминала мышцы ног. Она собиралась отправиться в класс к Джессами. Но её мысли упорно возвращались к живописной сцене, вызывающей беспокойство, свидетелем которой она стала в крыле вампиров. Чуждость этой ситуации внезапно стала ошеломляющей. Это место, с его пронзительной красотой и тайнами, жестокостью, прикрытой спокойствием не было домом. В глубине души Елена оставалась человеком, а здесь люди отсутствовали. Раздраженные таксисты, петляющие по улицам сквозь ливень, модно одетые банкиры, занимающиеся инвестициями, которым к ушам будто пришли телефоны, окровавленные и избитые охотники, откалывающие шутки после трудных заданий — вот это её жизнь. И Елена скучала по ней до такой степени, что дышать становилось больно. Сара её поймёт.

Теснее обмотавшись полотенцем — вокруг крыльев и всего остального — Елена взяла в руки телефон. Отчаянно надеясь, что её лучшая подруга ещё не спит, она вслушивалась в гудки на том конце провода.

— Алло, — услышала она в трубке низкий мужской голос, такой же радушный, как и у Сары.

— Дикон, это я.

— Элли, рад тебя слышать.

— И я. — Сжав пальцами край полотенца, Елена сморгнула неожиданно выступившие слезы. — Я не поздно?

— Нет, мы смотрели "Улицу Сезам". Зои только что уснула.

— Как она? — Елена ненавидела тот факт, что пропустила целый год жизни своей крестницы.

— Немного простыла, — ответил Дикон. — Но Слеер все время был рядом.

Елена улыбнулась при упоминании о вечно брызжущим слюной адском псе, считающим, что Зои принадлежит ему.

— Как дела у Сары?

— У вас двоих, должно быть, ментальная линия связи. — Ответил Дикон. Его шутки не всегда было легко понять. — Она собиралась тебе позвонить, но после ужина сразу же

отрубилась. Последние несколько дней в Гильдии выдались тяжелыми: один из охотников чуть не умер.

Сердце Елены бешено застучало.

— Кто именно?

— Эшвини. — ответил Дикон. Она была первой, кто рассказал Елене про Назараха. — Группа вампиров загнала её в тупик в какой-то улочке между домами. Это случилось в Бостоне. Скорее всего, они хотели свести счёты, поскольку одного из них Эшвини выслеживала, когда тот пустился в бега. Они сильно её порезали.

— Они мертвы? — спросила Елена ледяным тоном.

— Эш убила двоих и ранила остальных. На распоряжениях о казни ещё чернила не успели высохнуть, как их головы оказались в Гильдии — срочной доставкой.

— Наверное, их ангел постарался. — По большей части, ангелам не нравилось, когда вампиры выделялись. Это плохо сказывалось на бизнесе. — Эш в порядке?

— Доктора говорят — никаких серьёзных последствий. Максимум месяц — и она опять в строю.

От облегчения Елену начало трясти.

— Слава богу.

— Сама-то как, Элли? — Беспокойство, прозвучавшее в его словах, заставило Елену сглотнуть.

— У меня всё в порядке. Привыкаю к новому телу, а то не всё работает так, как прежде, понимаешь?

— У меня появилась идея о специальном арбалете для тебя.

— Ты серьёзно?

— Я собираюсь сделать его таким образом, чтобы он удобно крепился на руке, а не за спиной. Так тебе не придётся волноваться о крыльях.

— Звучит клёво.

— Что думаешь об облегчённых болтах? Они не станут обременять тебя при полёте и со своей задачей справятся.

— Можешь сделать так, чтобы арбалет перезаряжался автоматически?

"И пусть Гален подавиться своим мечем", — подумала Елена. Может это немного по-детски, но такие мысли заставили её почувствовать себя лучше.

— Мне нужна скорость.

— Что-то с маленькими вращающимися пильными дисками послужит даже лучше — дай мне над этим поработать. Ты сможешь использовать болты, чтобы чиповать вампиров, а диски пригодятся для серьёзной защиты. — Он ненадолго замолчал, а затем опять заговорил. — Ты вернёшься в Гильдию?

— Конечно, — она ведь рождённая охотница, и крылья никак этого не меняли.

* * *

Через широкий экран, вмонтированный в стену, Рафаэль встретился глазами с Нехой. Королева змей и ядов сидела в резбленном кресле из светлого отполированного дерева. Его блеск совсем не скрывал резьбу — тысячи извивающихся змей, чешуйки которых начали

отбрасывать блики, как только Неха оперлась на спинку. На её лбу красовалось бинди в виде маленькой золотой кобры.

— Рафаэль, я слышала в Убежище проблемы, — слова мягко слетали с её красных полных ядовитых губ.

— Ангел, желающий стать архангелом.

— Да, моя дочь мне рассказывала, — Неха взмахнула изящной рукой, и браслеты на её запястьях тихо зазвенели. — Всегда есть тот, кто хочет подняться над своим положением. — Она потянулась, чтобы достать что-то, мягко зашуршав шелком своего сари изумрудного цвета. — Но соглашусь, в этот раз виновного нужно наказать так, чтобы остальные никогда не забыли. Наши дети слишком редкостны, чтобы использовать их в качестве пешек.

Рафаэль знал: не смотря на то, как прозвучали слова Нехи, она была одной из нескольких членов Совета, которые считали человеческих детей бесценными. Это не мешало ей обрывать жизни взрослых — ведь оставшиеся сироты росли в отравляющей роскоши, а воспоминания о страшной смерти их родителей стирались из их памяти.

— Анушка рассказала, что ты знаешь об отвратительном объекте, оставленном в её кровати, — продолжила Неха, поглаживая питона, которого положила себе на колени.

— У тебя много врагов, — ответил Рафаэль и подумал, что Анушка начала и себе наживать группу недоброжелателей.

— Да. — Неха продолжала поглаживать гладкую, изумрудно-зелёную кожу змеи чувственными движениями руки, словно ласкала любовника.

— Слышала ли ты что-либо от других, что бы помогло в охоте.

Тот, кого они ищут, мог наделать ошибок в других поступках, предшествующих нападению в Убежище.

— Титус и Кэризмнон заперли свои кордоны — никто из моих людей не смог пробраться внутрь или выбраться. — Огонёк раздражения засиял в её тёмных глазах. — Фаваши упоминала, что потеряла несколько своих старших вампиров два месяца назад. Преступника пока не пойман.

В это раз, в глазах Нехи Рафаэль увидел открытое непонимание. Он знал, что Неха бы убила и продолжала убивать до тех пор, пока кто-либо не сознается. Не самый лучший способ докопаться до истины — но, с другой стороны, на территории Королевы ядов никогда не было восстаний.

— Как Эрис? — как только слова слетели с его языка, Рафаэль понял, что соврал Елене. Существовала ещё одна пара среди архангелов, чьи отношения длились очень долго. Но солгал он неумышленно — как и большинство людей, Рафаэль просто позабыл об Эрисе.

— Еще жив, — ответ Нехи пугал своей прямоотой. — Анушка проверяет своих людей, чтобы вычислить предателя, осквернившего ее постель. Я дам тебе знать, если она узнает что-то важное.

Закончив разговор, Рафаэль вспомнил последний раз, когда он видел Эриса.

Триста лет назад.

Глава 20

Елена просматривалась отчёт о последних событиях. Она сидела в уголке класса, где дети делали подарки для Сэма, используя своё творчество, когда запах моря врезался в её подсознание. Ещё до того, как Рафаэль заговорил, она поняла, что что-то произошло. Елена бегло осмотрела комнату испуганными глазами, пытаясь убедиться, что все на месте. Никто из детей ведь больше не пропал?

"Ли Дзюань прислала тебе подарок".

Душа Елены заледенела от мысли о том, что ангел, использующий смерть, как свою визитную карточку, может посчитать подходящим подарком.

"Ты знаешь, что это?"

"Что-то, связанное с тобой".

Елена не смогла сдержать дрожь.

"Мы собираемся навестить Сэма. Я зайду попозже".

Она чувствовала, что после того, как увидит подарок, то будет совсем не в том настроении, чтобы навещать больного ребёнка.

"Приходи в мой кабинет. Я пришлю кого-то для сопровождения".

"Кого угодно, только не Галена".

Елена ничего не имела против его навык мечника — засранец был невероятно хорош. Но его ненависть к ней казалась непоколебимой словно скала. Даже после такой короткой встречи она поняла, что Гален принадлежал к той категории людей, которые не так-то просто меняют своё мнение. Лучше уж избавить их обоих от лишней нервозности и избежать ненужных встреч.

Запах моря начал удаляться.

"Мне пора".

Елена хотела спросить у Рафаэля, что ещё происходит, но решила попридержать вопросы о подарке до их встречи. А пока она сосредоточится на детях и заразительном восторге, с которым они готовятся к встрече с другом... а не станет заикливаться на архангеле, которая только в смерти находит удовольствие.

* * *

Рафаэль летел к дальнему участку Убежища, отголоски ментальной связи с Еленой все ещё отдавались эхом в его голове. Илия ждал его на скале с выступающими пластами породы, далеко от посторонних глаз. Горный ветер развевал его золотистые волосы. Рафаэль приземлился и присоединился к Илие, стоящему над обрывом.

— Что ты узнал?

— Они не только закрыли кордоны, — начал рассказывать Илия. — Титус готовится выступить против Кэризмнэна.

Архангелы не вступают в дела друг друга, даже если это может привести к массовым кровопролитиям, но они должны подготовиться.

— Титус отрицает, что его доказательство может оказаться подделкой.

— Он не может поверить, что обыкновенный ангел мог обмануть их с такой лёгкостью, — ответил Илия, — и разжечь войну, которая заставит их возиться на своих территориях, пока сам самозванец оскверняет Убежище.

Рафаэль уставился на покрытые снегом горные вершины за ущельем, обдумывая их политику невмешательства.

— Даже при пограничной войне тысячи погибнут. И всё же мы считаем это приемлемой потерей, чтобы сохранить баланс сил внутри Совета.

— Очень человеческое заявление, Рафаэль, — заявил Илия после долгой паузы.

"Она станет причиной твоей гибели. Сделает тебя смертным", — Ли Дзюань сказала ему эти слова и посоветовала убить Елену. Старейшая из архангелов была права — Елена что-то в нём изменила. Он быстрее истекал кровью при ранении, медленнее исцелялся. Но судьба также преподнесла ему один из наиболее неожиданных подарков.

— Возможно, так я смогу сохранить свой рассудок, когда достигну возраста Ли Дзюань.

— Значит, хоть один из нас достаточно смел, чтобы сказать об этом вслух. — Илия кивнул и добавил: — Она не сумасшедшая в общепринятом смысле.

— Да, её разум не повреждён, — согласился Рафаэль. — Но вещи, для которых она использует свой разум... она бы не стала делать подобное, если бы поистине думала.

Ли Дзюань стала далеко не той, которой была, но всё же всегда сохраняла ясный рассудок, играя в политику.

— Ты уверен? — Илия наклонился, чтобы поднять камушек, который каким-то образом оказался на совсем пустынном горном хребте. — Никто из нас не был свидетелем её юности, но слухи твердят, что она уже тогда была очарована смертью. Некоторые говорят... нет, я не могу обвинять её в чём-то таком, не имея доказательств.

Рафаэль озвучил то, что другой архангел не осмеливался сказать:

— Поговаривают, что она брала мёртвых в свою постель.

Илия бросил на него резкий взгляд.

— Ты знаешь об этих слухах?

— Илия, ты забываешь, что оба моих родителя были архангелами.

— Калиана и Надиэль знали Ли Дзюань в молодости?

— Лично — нет. Но о ней знали другие, — и то, что они рассказывали его родителям, сохранялось в строжайшем секрете. Потому что уже тогда Ли Дзюань стала существом, которого следовало опасаться.

— Теперь она единственная древняя, — задумчиво продолжал Илия. — Нас называют бессмертными, но даже мы, когда-то станем пылью в песках времени.

— Должен пройти целый век, — уточнил Рафаэль. — Как бы сказала Елена: "Разве тебе не интересно, что ожидает нас по ту сторону?"

— Многие люди считают нас вестниками их богов.

Рафаэль посмотрел на Илию и спросил:

— После Ли Дзюань, ты древнейший из нас. На её территории она считается почти богиней. Ты никогда не думал провозгласить себя богом?

— Я видел, что стает с теми, кто ступает на этот путь, — Илия не смотрел на Рафаэля, но было понятно, что он имел в виду. — А если бы даже не догадывался, то у меня есть Ханна. То, что я к ней чувствую — слишком земное и намного реальнее всего остального.

Рафаэль задумался о том, как его родители любили друг друга — мощной, почти благородной любовью и сравнил с тем, что он чувствовал к Елене. Не было ничего

возвышенного в тупой боли, которую он испытывал от сильного возбуждения, когда прикасался к ней, от пульсирующего вожделения и страсти.

— Мои подчинённые докладывают, что её армия перерожденных удвоилась за последние полгода. — Кроме того, ходили весьма тревожные слухи, что некоторые из ее солдат — совсем недавно умершие — словно их принесли в жертву, чтобы питать холодные объятия силы Ли Дзюань. — Если она обрушит их на мир, то это станет предвестником начала нового Тёмного века.

Последний Тёмный век разрушил цивилизации, которые развивались на протяжении многих тысяч лет, уничтожая архитектуру и предметы искусства столь величественные, что мир никогда не сможет увидеть подобное. Миллионы за миллионами людей погибли — сопутствующий ущерб в войне ангелов. Но, в то же время, они не сражались с армиями мертвецов, ночными кошмарами во плоти.

* * *

Елена наблюдала, как дети по очереди навещают палату Сэма вместе с Джессами. Кейр привёл мальчика в полусонное состояние, и тот был в курсе всего происходящего, но не чувствовал боли. Смешанные чувства радости и ярости бурлили внутри Елены, когда она наблюдала, как Сэм светился от радости из-за подарков одноклассников. Как можно быть настолько безнравственным, чтобы причинить боль такому невинному ребёнку.

Кап.

Кап.

Кап.

"Ты видишь, ей это нравится".

Елена с силой сжала зубы, и боль в челюсти вернула её в настоящее, но этого оказалось недостаточно. Даже днём она чувствовала длинные щупальца ночных кошмаров, видела, как яркий бирюзовый взгляд Ари медленно тускнел, пока Слейтер утолял свою чудовищную жажду. Ари шептала Елене, чтобы та убегала, но сама спастись не могла — её ноги были не просто сломаны, как у Бель, а полностью оторваны, словно ампутированы варваром. Лучина для растопки. Вот что напоминали сломанные кости, выпирающие из бедер, на которых от контакта с воздухом запеклась кровь.

"Она не убежит, — хохотал он. — ты же видишь, ей нравится".

— Хочешь его увидеть?

Елена пошатнулась. Она смотрела на перепуганное лицо Джессами невидящим взглядом, её мысли словно застряли на той кухне, затопленной страданиями. Эти воспоминания будут преследовать её вечно.

Джессами неуверенно прикоснулась к охотнице.

— Елена?

— Да, — ответила она, выдавливая из себя слова, стараясь преодолеть жестокий молот памяти. — Да, я хочу увидеть Сэма.

— Тогда заходи. — Джессами выглядела обеспокоенной, но не стала ни о чём спрашивать. — Я отведу остальных детей в класс.

Откопав в каких-то глубинах улыбку, Елена отбросила прочие мысли и зашла в палату

Сэма.

- Вот значит, как ты избегаешь написания эссе Джессами, — спросила Елена и увидела, как загорелись глаза мальчика. А ведь она беспокоилась, что они теперь навсегда останутся тусклыми. По словам Кейра, Сэм ничего не помнил о своём похищении — скорее всего из-за травмы головы. Существовала большая вероятность, что позже воспоминания вернутся, врачи и родители собирались постепенно его к этому подготовить. Но к тому времени он окрепнет, и, возможно, будет в состоянии пережить события той жуткой ночи.

Нет, — хриловатым голосом ответил Сэм. — Она сказала, мне придётся их догонять.

— Ну да, это в стиле Джессами, — прошептала Елена и указала на подарки. — А у тебя хороший улов.

— Ты принесла мне подарок?

Елена широко улыбнулась.

— А разве я могла придти с пустыми руками. Я даже спросила твоих родителей, могу ли его вручить.

В предвкушении он подался вперёд.

— Что это?

— Эй, осторожнее. — Уложив мальчика назад на кровать, Елена достала из кармана маленький кинжал в замысловато украшенных металлических ножнах. Глаза Сэма стали огромными, как блюдца, как только Елена вложила подарок в его ладони.

— Мне подарили его, когда я успешно окончила охоту для ангела в Сикоку, Японии. Тогда он сказал мне, что этому кинжалу тысяча лет. - Елена прикоснулась к рубину на конце рукояти. — Легенда гласит, что этот камень когда-то был частью глаза дракона.

Маленькие пальчики с благоговением прикоснулись к драгоценному камню, затем Сэм спросил:

— А что случилось с драконом?

— Он был настолько древним созданием, что однажды просто решил уснуть. Через какое-то время он превратился в камень и стал самой большой горой в мире.

Пока Елена говорила, то невольно вспоминала времена, когда её мама рассказывала ей и её сёстрам различные истории, пока они все вместе лежали в родительской кровати. Даже Бель, которая слишком спокойно относилась ко всему остальному, развалившись на полу, красила ногти или читала журналы, правда, во время маминых сказок, она никогда не переворачивала страниц.

Моргнув, Елена прогнала горько-сладкие воспоминания и продолжила рассказывать историю, которую ей поведал старый буддийский монах, пока они сидели и пили зелёный чай за безупречным песчаным садом.

— Его глаза превратились в рубины, а чешуя — в брильянты, сапфиры и изумруды. Лишь один воин оказался достаточно храбрым, чтобы рискнуть и приблизиться к спящему дракону.

— Дракон проснулся?

— Да, — Елена наклонилась ближе, и заговорщицки зашептала: — И поскольку воин оказался таким храбрым, дракон подарил ему часть своего глаза.

— Что было дальше?

- Говорят, он всё ещё спит, и если найдётся кто-либо достаточно храбрый и умный, чтобы его отыскать, то дракон отдаст ему сокровища всего мира.

- Я отыщу дракона, — глаза Сэма засияли так же ярко, как и драгоценные камни из

сказки, — и хорошо позабочусь о твоём подарке.

- Я знаю, что позаботишься. — Елена потянулась и отбросила спутанные тёмные кудряшки с этого милого личика, сдерживая ярость, которая заставляла все охотничьи инстинкты жаждать крови. — А теперь спи. Потом ещё поговорим.

Как только Елена поднялась, вошел Кейр. Охотница наблюдала, как он своими длинными, словно у пианиста, пальцами провёл вдоль тела Сэма, смягчая боль и погружая мальчика в глубокий сон.

- Ты ведь знаешь, он будет его беречь, — проговорил целитель, бережно положив кинжал на прикроватный столик. — Такого рода вещи дети проносят с собой во взрослую жизнь.

Елена коротко кивнула, едва удержавшись на ногах от внезапно нахлынувшей лавины воспоминаний — словно её подсознание только и ждало, чтобы Сэм закрыл глаза. Почему здесь? Почему сейчас? Ни Ари, ни Бель, ни их мать не дожили до того, чтобы оказаться в больнице. Их сразу отправили в морг.

"Зачем ты привёл её сюда? — спросил резкий женский голос. — Она ещё ребёнок".

Большая рука вокруг её маленькой ладошки придавала ей смелости стойко всё вынести.

"Она заслуживает того, чтобы в последний раз увидеть сестёр".

"Но не такими!"

"Бет слишком мала, — ответил мужчина. — Но не Элли. Она знает, что произошло. Боже правый, она видела всё собственными глазами".

"Её мать..."

"Начинает кричать каждый раз, как только действие лекарств прекращается, и кричит до тех пор, пока врачи снова её не накачают. — Произнёс он резко. — Я не могу помочь Маргарэт, но могу помочь Элли. События смешались в её голове. Она постоянно спрашивает, сделал ли монстр Ариэль и Мирабель такими же, как он".

"Я не позволю тебе этого сделать".

"Попробуй меня остановить".

- Елена?

Сбивчиво попросившись, когда Кейр уставился на неё слишком уж пронизательным взглядом, Елена вышла в коридор. Её разум не мог остановиться и всё прокручивал правду, которую только что извергло её подсознание — Джеффри водил её увидеть сестёр. Он спорил с её тёткой, с сотрудниками больницы, со всеми... потому что она должна была увидеть, что Ариэль и Мирабель действительно умерли, что Слейтер не затащил их в свой грязный мир.

"Всё хорошо, Элли, — со слезами в голосе ответил отец, глядя своей большой ладонью её волосы. — Там, где они теперь находятся, больше нет боли".

Казалось, Ари и Бель умиротворённо спят закрыв глаза, не смотря на то, как именно оборвались их жизни. А их тела - целы и неповрежденные под белыми простынями. Елена поцеловала сестёр в остывшие щеки, погладила по волосам и попрощалась. Они простояли у тел больше часа, когда Елена произнесла: "Ладно, папочка, — и, взяв его за руку, посмотрела на него, мужчину, который всегда был самым стойким оплотом её вселенной. — Теперь мы можем идти". Светло-серые глаза затуманились слезами, хотя его взгляд всегда был таким уверенным и сильным.

"Точно?"

"Не плачь, — попросила она и стёрла его слёзы, когда он наклонился. — Им больше не

больно".

Елена проковыляла к боковому коридору. Её руки тряслись, пока она приходила в себя. Она всегда думала, что потеряла отца в тот кровавый день, но ошибалась. Тогда, в тот полдень, он всё ещё оставался её отцом, оставался мужчиной, готовым бороться за право дочери в последний раз попрощаться. Когда всё пошло наперекосяк? Когда отец начал относиться к ней как к мерзости, взгляд на которую вызывал отвращение? И сколько ещё воспоминаний она похоронила глубоко внутри?

— Елена?

Обернувшись, охотница столкнулась с Кейром, выражение его лица невозможно было прочесть.

— Ты бы не хотела...

Но Елена уже отрицательно качала головой.

— Жаль, но мне пора.

Она почти вбежала в комнату ожидания и по скрытой лестнице поднялась на верхний этаж. Её крылья волоклись по ступенях, разработанных для вампиров, но она вышла на самый верх, на ледяной воздух без каких-либо помех. Холодный ветер больно хлестал по разгорячённым щекам, а свежий воздух стал спасительным бальзамом.

"Не хочу вспоминать", — малодушно подумала Елена, она не была достаточно сильной, чтобы нести это бремя, тяжелой тучей зависшей над её горизонтом. Всё было плохо. Хуже просто некуда. А она уже старалась изо всех сил, чтобы пережить воспоминания.

Слева от неё раздался кашель.

— Я бы спросил, вышла ли ты полюбоваться звёздами, но ещё только пять часов.

Елена напряглась. Что она там говорила? Кто угодно, только не Гален?

— Вэном.

На вампире были надеты солнцезащитные очки, которые уже стали его визитной карточкой, а на губах играла насмешливая улыбка.

— К твоим услугам.

Елена поняла, что он уехал из Нью-Йорка сразу же, как только туда прибыл Дмитрий.

— Вампиры страдают десинхронией?

Веном снял очки, позволяя Елене попасть под влияние своих глаз, с вертикальными, как у змеи, зрачками. Не важно, что она и раньше их видела, её кожа всё равно покрывалась мурашками от примитивного страха, глубокой подсознательной реакции на вездомный интеллект, отражающийся в тех глазах. Часть Елены всегда гадала: что ещё, кроме глаз, изменилось при его обращении, и остался ли у Венома способ мышления, как у людей, или же стал таким, как у холонокровных созданий?

— Предлагаешь облегчить мои страдания, охотница? — проговорил вампир, проводя кончиком языка по длинному клыку, на конце которого появилась золотая капля, наполненная ядом. — Я тронут.

— Просто веду себя вежливо, — съязвила она в ответ на его подтрунивание.

Зрачки Венома сузились за секунду до того, как он обратно одел очки.

Елена просто не смогла удержаться от очередной шутки:

— А почему у тебя не раздвоенный язык?

— А почему ты не можешь летать? — с усмешкой парировал он. — Те шулки за твоей спиной не просто украшение.

Елена показала Веному средний палец, но всё же отчасти радовалась его раздражающему присутствию. Благодаря этому вампиру, она твёрдо ухватилась за настоящее и смогла оставить прошлое запертым в мысленном шкафу, где предпочитала хранить свои воспоминания большинство времени.

— Разве ты не должен вести себя, как мой сопровождающий?

— Следуйте за мной, миледи, — ответил он, указав путь рукой.

Не взирая на его слова, они шли рядом, пока он провожал Елену к главному офису Рафаэля, о существовании которого она даже не догадывалась до этого времени.

— Какие настрои в Манхэтене?

Елена спрашивала об этом у Сары и Рэнсома, но мнение вампира по поводу некоторых вещей, особенно если вампир так силён, как Веном, скорее всего, будет отличаться от мнения людей. Но, конечно же, Веном не дал определённого ответа.

— Люди начали верить, что слухи о твоём воскрешении значительно преувеличены. Большинство думают, что ты мертва и где-то похоронена. Так грустно.

Елена не обратила внимания на умышленную провокацию.

— Правда до сих пор не вылезла наружу? Я знаю, что люди Рафаэля не станут болтать, но вот другие? Микаэлла?

— Все завидуют. Рафаэль первый архангел на их памяти, который смог обратить человека в ангела, — Веном взглянул на Елену через очки, но она не увидела его глаз, лишь свое собственное лицо, окружённое тьмой. — Ты — уникальный трофей. Так что тебе следует быть осторожной, чтобы не оказаться сначала связанной в мешке, а потом на чьей-то стене.

Веном оставил Елену у двери кабинета. Когда она вошла, Рафаэль сидел за огромным чёрным столом. Ощущение дежавю нахлынуло с неумолимой силой. В Башне у него точно такой же стол.

"Если бы я повалил тебя на свой стол и позволил пальцам проверить твои слова, то уверен, обнаружил бы, что ты врёшь". В то же мгновение Рафаэль поднял голову, его глаза горели от явного сексуального желания, чётко демонстрируя, что архангел знает, о чём думает Елена. Удерживая этот взгляд, она закрыла за собой дверь и направилась к нему медленными, полными решимости шагами. Вместо того, чтобы остановиться, достигнув гранитного покрытия, Елена подскочила, смела мешающие бумаги и, свесив ноги с другой стороны, развела их в стороны так, чтобы Рафаэль оказался у неё в плену. Архангел положил ладони на её бёдра.

— И опять ты приходишь ко мне с кошмарами в глазах.

— Да, — ответила она, запустив пальцы в его волосы. — Я прихожу к тебе.

Больше она никому настолько не доверяла.

Он сжал её бёдра, притянув к себе ближе, совсем не прикладывая для этого усилий. Такая мощь заставляла сердце Елены стучать сильнее. Архангел Нью-Йорка находился в опасном расположении духа. Она наклонилась и поцеловала Рафаэля, но такую доминантную позицию смогла удерживать всего несколько секунд. Архангел слегка поменял положение — и вот Елена уже у него на коленях, а влажный жар между её ног прижат к твёрдой выпуклости в его штанах. Ахнув от внезапного возбуждающего соприкосновения, она лишь через мгновение поняла, что разложила крылья у него на столе.

— Я перемешала твои бумаги, — прошептала она, касаясь его губ, которые манили совершить самый эротический из грехов.

Рафаэль смял её грудь. От резкого наплыва чувств Елена выгнула спину.

— Компенсируешь свой проступок, расплатившись телом. Готова поиграть? — вопрос Рафаэля был наполнен чувственной жестокостью, которая заставляла инстинкты самосохранения Елены дрожать от страха. Но вместо того, чтобы сопротивляться, она расслабилась и подумала, что Рафаэль достаточно грозный, чтобы прогнать любой, даже самый страшный кошмар.

Он прикусил кожу на её шее, где бился пульс, а когда сорвал с неё топ, обнажая верхнюю половину тела, то Елена ухватилась за его плечи, не желая отпускать. А потом он двинулся ниже, прикусывая кожу этими крепкими белоснежными зубами. Низ живота Елены свело от одурманивающей смеси страха и желания.

— Рафаэль.

Придерживая одной рукой спину Елены, а второй сжимая её грудь, Рафаэль сфокусировал внимание на её соске, дразня языком. Его ласки заставляли тело Елены замирать в ожидании.

— Собираешься меня укусить? — спросила она хриплым голосом.

— Возможно.

Услышав в его ответе прохладные нотки, она поняла, что колеблется, хотя её тело жаждет его прикосновений. Была ли она достаточно сильной, чтобы выдержать страсть архангела Нью-Йорка, когда он в таком настроении?

"Ты моя пара, Елена. У тебя нет иного выхода, кроме как самой проверить".

Он пробрался в её разум, пока желание сломало защитные барьеры.

— Ты когда-нибудь поймёшь потребность личных границ? — расстроившись

достаточно сильно, чтобы действовать инстинктивно, Елена укусила его за губу. Когда Рафаэль поднял голову, охотница увидела, что его глаза стали цвета полуночи. Пальцем он коснулся её возбуждённого до предела соска.

— Нет.

— Уж прости, но, — заговорила Елена, обнимая его за шею, — твои деспотичные ответы со мной не пройдут. — Она также не собиралась позволять своей злости вбить клин в их отношения. То, что их связывало — эти неопытные, болезненные эмоции стоили того, чтобы за них бороться. — А я никогда не позволю, чтобы из меня делали марионетку — ни Ли Дзюань, ни мужчина, которого считаю своим.

Он не ответил, просто наблюдал за ней с какой-то отстранённостью. Так он смотрел на неё в их первую встречу. Тогда она боялась, что он её прикончит. Теперь знала, что он никогда этого не сделает. Но... Рафаэль может причинить боль, на которую способны только бессмертные. Ей следовало отступить... но, она этого не сделает.

— Из-за чего ты в таком плохом настроении? — спросила Елена, коснувшись его носа своим в молчаливом жесте привязанности, проявляя доверие, которое он, словно тонкую нить, мог оборвать одним необдуманым поступком. На неё нахлынул запах моря, окутал её полностью, так что казалось, она вот-вот прикоснётся к пене. Долгое молчание, наполненное невысказанными мыслями, нависло над их головами, словно Дамоклов меч. Капельки пота начали стекать вдоль позвоночника, но Елена продолжала удерживать Рафаэля. Продолжала бороться за их отношения, возникнувшие из ниоткуда и ставшие самой важной вещью в её вселенной.

"Елена". — Имя нежной лаской промелькнуло у неё в голове, когда Рафаэль опустил голову и спрятал лицо у изгиба её шеи. Сердце Елены бешено застучало от осознания того, что опасность миновала. Она погладила пальцами его волосы и прижалась к нему лицом.

— У тебя собственные кошмары, — проговорила она, и вдруг её озарило так же внезапно, как бывает, когда появляется солнце после бури. — Сегодня они особенно ужасны.

Рафаэль прижался к ней ещё сильнее, и Елена подалась в его объятия — она так же нуждалась в теплоте его рук, как и он в ней. Разве это не был огромный шаг вперёд для их отношений? Архангел Нью-Йорка нуждался в ней? В ней, Елене Деверо, Охотнице Гильдии и отвергнутой дочери. Обнимая его с неистовой нежностью, она поцеловала его в висок, в щеку и другие части лица, к которым могла дотянуться

— Должно быть, что-то странное витает в воздухе, — прошептала она так тихо, что услышать её слова было почти невозможно. — Я всё никак не могу перестать думать о матери и сестрах.

Впервые Елена озвучила свои кошмары. Даже лучшая подруга не знала правды о её детстве, о зле, которое преследовало её постоянно, что даже дышать иногда становилось трудно.

— Как их звали? — спросил Рафаэль, теплым дыханием касаясь её шеи, крепкими руками обвивая её за талию.

— Ты знаешь.

— Только факты.

— Мою мать, — начала она, крепко к нему прижимаясь, — звали Маргарэт.

"Елена", — позвал он, мысленно её целуя, заботливо окружая своим запахом, словно обнимая.

Её губа задрожала, и она прикусила её зубами.

— После того, как вышла замуж за моего отца, она жила в Штатах, но всё равно разговаривала с парижским акцентом. Она была пленительной, очаровательной бабочкой с заливистым смехом и умелыми руками. Я любила просто сидеть на кухне или в её мастерской и наблюдала за тем, как моя мама разговаривает во время работы. Она изготавливала лоскутные стеганые одеяла, очень красивые, единственные в своём роде и продавала, заработав при этом достаточно денег, чтобы сколотить кое-какой капитал. — Ничто, по сравнению с состоянием её мужа, но своё она передала дочерям с любовью, в то время как Джеффри... — Она бы никогда не позволила отцу сделать то, что он сотворил.

— Он ещё жив только потому, что я знаю: ты его любишь.

— Хотя и не должна, но не могу ничего поделать. — Эта любовь была укоренена глубоко внутри, настолько глубоко, что даже годы пренебрежительного отношения не смогли её стереть полностью. — Когда-то я желала, чтобы он умер вместо мамы, но знаю, что она бы возненавидела меня за такие мысли.

— Твоя мама простила бы тебя.

Елене хотелось в это верить настолько сильно, что она почти ощущала физическую боль.

— Мама была сердцем семьи. После того, как она погибла — всё умерло вместе с ней.

— Расскажи мне о погибших сестрах.

— Если мама была сердцем, то Ари и Бель напоминали мир и бурю. — Их смерть оставила в семье Деверо зияющую рану в тот день, когда полы дома оросились их кровью. Елена вспомнила привлекательное лицо Слейтера и его губы, окрашенные в сверкающий красный. Елена вцепилась в Рафаэля, отчаянно отбиваясь от ненавистных образов.

— Я была средним ребёнком, и мне это нравилось. Бэт была младенцем, но Ари и Белли иногда позволяли мне присоединиться к ним. — Она не могла больше произнести ни слова, грудь сдавило от недостатка воздуха.

— У меня не было ни братьев, ни сестёр. — Слова Рафаэля прозвучали достаточно неожиданно, чтобы прорваться сквозь её страдания. И она слушала, замерев и обвив его, словно плющ. — Дети у ангелов рождаются очень редко, а обоим моим родителям было несколько тысяч лет, когда я появился на свет. — Каждое рождение напоминало праздник, его же было похожем на фестиваль. — Я был первым ребёнком, рождённым у двух архангелов за несколько тысячелетий.

Елена, доверив ему свою безопасность, тихонечко лежала в его объятиях, но он чувствовал, с каким вниманием она слушает, и сквозь ткань рубашки ощущал тепло от её ладони, прижатой к его груди. Он провёл вдоль голой спины Елены рукой и продолжил свой рассказ, продолжил делиться воспоминаниями, о которых целую вечность никому не говорил.

— Но нашлись и те, кто считали, что я не должен был родиться.

— Почему? — Елена подняла голову, протирая глаза костяшками рук. — Почему они так считали?

— Потому, что Надиэль и Калианна были слишком древними. — Прижав Елену к себе настолько близко, что при каждом вздохе её грудь оказывалась прижатой к нему, он провёл ладонями по изгибу её талии, вверх по рёбрам, наслаждаясь ощущениями тёплой кожи под пальцами. — Многие побаивались, что они начали деградировать.

Елена нахмурилась.

— Я не понимаю, бессмертие — это бессмертие.

— Но мы развиваемся, а некоторые — регрессируют, — ответил он.

— Ли Дзюань, — прошептала Елена. — Она эволюционировала?

— Мы считаем, что да, но даже Совет гадает, во что именно.

В кошмар, это уж точно, но вот касается ли он лично её, или станет разрушением всего мира... Елена не была глупой и сообразила за секунды.

— Поэтому твоя мать убила отца.

— Да. С него всё началось.

— Неужели оба? — боль отразилась в её выразительных глазах.

— Сначала она была в порядке. — Рафаэль увидел перед собой последние мгновения жизни своего отца так чётко, словно эти образы нарисовали на радужке его глаз. — Жизнь моего отца прервал огонь.

— Та фреска, в холле нашего крыла... на ней его смерть, — произнесла она.

— Напоминание того, что может ожидать меня в будущем.

Елена покачала головой.

— Я никогда не позволю произойти подобному.

Его человеческая женщина, его Охотница. Такая юная, но с внутренней силой, которая его удивляла, и будет удивлять спустя века. В какой-то степени Елена уже его изменила, хоть Рафаэль и не понимал, как именно. Он подумал, что, возможно, ей удастся спасти его от безумия, которое завладело Надиэлем.

— Даже если тебе не удастся, — проговорил он, — уверен, что ты найдёшь способ оборвать мою жизнь до того, как я запятнаю мир злом.

Глаза Елены загорелись возмущением.

— Если мы умрём, — сказала она, — то умрём вместе. Таков уговор.

Рафаэль вспомнил, о чём думал, когда падал с ней в Нью-Йорке, держа её сломанное тело в объятиях, и вместо произнесённых ею слов слыша лишь слабый шепот в голове. Он даже на секунду не задумался о том, чтобы ухватиться за свою вечность, а вместо этого предпочёл умереть вместе с ней, со своей Охотницей. Но то, что и она захочет сделать подобный выбор...

Рафаэль сжал кулаки и повторил:

— Если умрём, то умрём вместе.

Мгновение полнейшей тишины и что-то словно встало на своё место. Отпустив болезненные воспоминания, Рафаэль поцеловал Елену в точку на шеи, где бился пульс.

— Мы должны посмотреть, что Ли Дзюань тебе прислала.

Елена задрожала.

— Одолжишь свою рубашку?

Рафаэль позволил ей выбраться из его объятий. Тело Елены было прекрасным, гибким и... сильным. Оценив состояние её мышц критическим взглядом, когда она повернулась, чтобы рассмотреть что-то на его столе, Рафаэль принял решение.

— Завтра начнём учиться летать.

Елена развернулась так быстро, что чуть не упала, зацепившись за собственные крылья.

— Правда? — огромная улыбка расцвела на ее лице. — Ты будешь лично учить меня?

— Конечно. — Он никому не доверит её жизнь.

Рафаэль снял свою рубашку и протянул Елене. Она оделась, закатав рукава — слишком уж большой оказалась его одежда, но оставив концы свободно свисать. Когда Рафаэль прокомментировал это, щеки Елены залились румянцем.

— Мне так спокойнее, хорошо? Ну а теперь, где этот дурацкий подарок?

Елена видела, как губы Рафаэля изогнулись в подобии улыбки, когда он услышал её грубые слова. Архангел никак их не прокомментировал, вместо этого направился к шкафу в углу комнаты. Мышцы на его спине плавно перекачивались под кожей, заставляя все женские гормоны внутри Елены бушевать, моля о внимании. Заменяв оставшиеся воспоминания о прошлом на чувственное удовольствие от наблюдения за своим архангелом, Елена встала позади него, пока он вытягивал маленькую чёрную коробочку — как раз подходящего размера для ювелирных изделий. Елена отпрянула и, отступив на шаг, быстро проговорила:

— Выбрось эту вещь в самую глубокую яму, какую только сможешь найти.

Рафаэль впился в неё взглядом и спросил:

— Что ты чувствуешь?

— У меня от него мурашки, — проговорила она, потирая плечи руками и ощущая, как внутри все превращается в лёд. — Даже прикоснуться к нему не хочу.

— Интересно, — ответил он, взяв коробку в руки. — Я ничего не ощущаю, и все же, даже без крови оно взывает к тебе.

— Не трогай его, — приказала она сквозь зубы. — Я же сказала — выбрось.

— Мы не можем, Елена. И ты это знаешь.

Она не хотела понимать.

— Игры сильнейших? Ну и что с того? Мы скажем ей спасибо и в благодарность вышлем какую-нибудь безделушку. Наверняка, у тебя где-то завалилось несколько штук.

— Так не пойдёт. — Его глаза изменили свой цвет и обрели оттенок предрассветного неба, затянутого облаками, в самую тёмную и жуткую пору перед тем, как солнце восходит над горизонтом. — Этот подарок очень необычный. Это тест.

— Ну и что? — опять заупрямилась она. — Архангелы играют в сильных мира сего. Кто, блядь, сказал, что и я должна?

Рафаэль поставил коробочку на край стола, мягко коснувшись Елены своими крыльями.

— Нравится тебе или нет, став моей возлюбленной, ты также получила приглашение поиграть.

Елена почувствовала себя так, словно к её коже прикоснулись тысячи паучьих лапок.

— Мы сможем его выбросить после того, как откроем коробку?

— Да.

— Это не будет считаться дурным тоном?

— Это послужит своего рода сообщением, — Рафаэль протянул ей руку. — Подойди, Охотница, мне нужна капля твоей крови.

— Видишь? Жуть. — Содрогнувшись, она достала один из своих ножей и проколола левый мизинец. — Тот кто посылает подарки, которые нужно открывать с помощью крови, никогда не получит в ответ набор принадлежностей для купания.

Взяв Елену за руку, он разместил её ладонь над коробкой и немного надавил на палец — с достаточной силой, чтобы выступила единственная, блестящая капелька крови. Охотница смотрела, как капля зависла на мгновение, словно не желая прикоснуться к бархатной обивке, а затем медленно и тихо упала. Казалось, коробка поглотила её — слово прожорливая тьма, жаждущая насытится вкусом жизни. Елена сильнее обхватила нож рукой.

— Я, правда, не хочу идти на этот приём.

Рафрэль поцеловал кончик её пальца и отпустил ладонь.

— Хочешь, чтобы я открыл?

— Да. — Елена, по возможности, хотела избежать прикосновений к этой штуке.

Он приподнял крышку. Поначалу, Елена не видела, что внутри, поскольку мешала рука Рафаэля, но потом архангел отодвинулся... Елену замутило. Отбросив нож, она развернулась и направилась к двери, которая, как она надеялась, вела в ванную. Облегчение сменилось рвотными позывами, которые начали сотрясать её тело, пока она, шатаясь, шла по кафельному полу. Опустив голову над унитазом, Елена в грубой и жесткой форме избавилась от обеда, ощущая себя так, словно её желудок выворачивали наизнанку. Где-то посередине процесса она поняла, что стоит на коленях. А Рафаэль — позади неё придерживает волосы, окружив своими крыльями, и позволяя видеть лишь золотисто-белые перья. Задрожав, когда поутихли спазмы, Елена нажала на кнопку слива и села.

Рафаэль поднялся и принёс ей мокрое полотенце. Елена протерла лицо, отлично ощущая, как он, присев перед ней на корточки, полыхал от ярости.

— Что, — спросил архангел тоном, которым однажды разговаривал с Микаэлкой, — означает это ожерелье?

— Должно быть, это копия, — выдавила она. — Настоящее мы похоронили. Я видела.

Елена вспомнила закрывающуюся крышку гроба. Это был последний раз, когда она видела лицо Бель.

Рафаэль обхватил ладонями её лицо, расправив перед ней свои прекрасные крылья.

— Не позволяй ей выиграть. Не позволяй использовать воспоминания против тебя.

— Боже, вот же сука, — гнев накрыл Елену ослепляющей волной. — Она сделала это специально, да? — Это был не совсем вопрос, поскольку ответ на него она и так знала. — Я не представляю для неё никакой угрозы, она так развлекается. Хочет меня сломать.

Вот такая простая причина для нескольких мгновений веселья.

— Очевидно, она совсем тебя не знает, — произнёс Рафаэль, поднимая её на ноги.

Елена подошла к раковине, положила полотенце на край и прополоскала рот почти обжигающей водой.

— Бель, — произнесла Елена после того, как, наконец, почувствовала себя чистой, — разорвала бы Ли Дзюань глотку за попытку использовать её против меня. — Воспоминания о милом, но необузданном характере сестры заставили Елену расправиться плечи. — Пошли.

В этот раз Елена попыталась очень внимательно рассмотреть ожерелье, которое прислала Ли Дзюань, хотя все так же отказываясь прикасаться к украшению.

— Это копия. — Облегчение накрыло её с головой, ноги задрожали, и Елена облокотилась рукой о стол. Архангел Китая не оскверняла место упокоения Бель.

— Однажды мы решили сделать на обратной стороне гравировку с именем "Бель" нагретой металлической проволокой. Но успели выжечь только корявое "Б", как мама нас поймала. — Воспоминания заставили Елену улыбнуться, стирая омерзительные ощущения. — Она так разозлилась, подвеска была из золота в 9 карат.

Положив ожерелье обратно, Рафаэль закрыл коробку.

— Я позабочусь, чтобы от него избавились.

— Хорошо... только сначала, сделай для меня копию, — Елена дерзко улыбнулась. — Раз сучка хочет поиграть, то и я не против.

— Её шпионы доложат об этом, — проговорил Рафаэль. — Хороший ход, но я не могу

этого позволить.

Елена резко подняла голову.

— Что?

— Ли Дзюань задумала это, чтобы причинить тебе боль. Если ты наденешь подвеску, то она станет напоминанием о прошлом.

— Да, — проговорила она. — Она будет напоминать о том, как Бель побила соседского задиру, на три года старше и на пятьдесят фунтов тяжелее. (50 фунтов = 22,6 кг) Будет напоминать о её силе и духе.

Рафаэль долго не сводил с неё глаз, а потом сказал:

— Но эти воспоминания окружены тьмой.

Елена не могла не согласиться.

— Возможно, на этот раз я приму тьму вместо того, чтобы прятаться.

— Нет, — Рафаэль упрямо вздёрнул подбородок. — Я не позволю Ли Дзюань вовлечь тебя в кошмар наяву.

— Тогда ты позволишь ей победить.

Рафаэль коснулся её губ в жестком требовательном поцелуе.

— Нет, мы позволим ей думать, что она победила.

* * *

Рафаэль избавился от подарка ли Дзюань и возвращался в Убежище под покровом ночи. Всё, что он сказал Елене, было истинной правдой — но под ней скрывалось кое-что более глубокое. Он сделал это, чтобы её защитить. И Елена это поняла, но позволила ему убедить себя. Такое поведение рассказало ему о её шрамах больше, чем что-либо другое. Давным-давно, когда Урама ещё не постигло безумие, а Рафаэль ещё помнил дни своей юности, у них возник разговор.

— Жизни людей, — сказал другой архангел, — невероятно хрупки.

Рафаэль, которому тогда едва исполнилось триста лет, кивнул в ответ.

— У меня есть друзья среди людей. Они рассуждают о любви и ненависти, но я задумывался: а что они на самом деле знают об этих эмоциях.

До сегодняшнего дня он помнил, каким взглядом наградил его Урам: так смотрят старшие на заносчивую молодёжь.

— В этом вопросе важны совсем не знания, Рафаэль. Мы прожигаем наши жизни, поскольку они бесконечны. Люди же должны проживать тысячу жизней за свой короткий век. Любая боль тогда кажется более сильной, а самая мелкая радость ослепляет счастьем.

Такие слова удивили Рафаэля — ведь Урам уже тогда был распутным, неразборчивым в удовольствиях и открыто проявлял жестокость.

— Ты говоришь так, словно им завидуешь.

— Иногда. — Он посмотрел своими пронзительными зелеными глазами на поселение людей, ютившееся у древнего замка, который они в те времена называли домом. — Временами я задумываюсь, каким бы я стал, если бы у меня было лишь пять или шесть жалких десятилетий, чтобы оставить свой след в мире.

В результате, Урам оставил огромный след в мире, но совсем не тот, о котором мечтал в

юности. И теперь его будут вспоминать как архангела, потерявшего свою жизнь в борьбе за территорию, за власть. Только некоторые — даже среди ангелов — знали правду. Что Урам превратился в порожденного кровью от переизбытка токсина, который превратил его кровь в яд. Отец Рафаэля никогда не поддавался подобной жажде крови. Но желание Надиэля обрести больше власти было во многом значительно хуже.

Увидев Елену на балконе их дома, всё ещё одетую в его рубашку, с расправленными, словно в жажде полёта, великолепными крыльями, Рафаэль быстро и резко спикировал вниз.

— Рафаэль! — вскрикнула Елена, в одинаковой мере испытывая страх и восхищение.

Он почувствовал, как внутри ожило чувство, забытое давным-давно — воспоминание о дерзком мальчишке, удивившем Урама. Рафаэль так же резко взмыл вверх, а затем начал стремительное падение по спирали, которое могло запросто отправить на острые камни внизу неопытного ангела. Где-то посередине своего представление он почувствовал... как разум Елены соединился с его в ментальном вскрике, когда она познала опасный восторг от падения. Решительными взмахами крыльев он поднялся вверх. Елена оставалась с ним до тех пор, пока он не опустился вместе с бурным порывом воздуха и не приземлился на балкон. Она уставилась на него, сложив свои крылья за спиной.

— Что там, — кивнув головой, спросила она, — произошло?

— Ты соединилась со мной, — что не должно было у нее получиться: ведь он — архангел с непроницаемыми щитами. Но, вспомнил Рафаэль, однажды она уже так сделала — ещё будучи смертной. В тот день он потерял себя в ней, так глубоко погрузился в необузданный аромат ее страсти, что перестал соображать. Позже его настигли последствия ее ярости, поскольку Елена сочла это за попытку принуждения. Его охотница не поняла, что сделала.

— Есть люди — наверное, единицы среди миллиардов — которые превращают нас в нечто иное, чем мы являемся. Тогда стены рушатся, разгорается пламя и два разума сливаются воедино.

Ли Дзюань убила человека, задевшего её так глубоко. Рафаэль же вместо этого выбрал любовь.

— Я могла ощущать тоже, что и ты. — Радостное возбуждение всё ещё отражалось в её глазах. — Для тебя всё так же, когда ты внутри моей головы?

— Да.

— Тебе это не нравится? Что я смогла проникнуть сквозь твои щиты? — спросила она с задумчивым выражением лица после короткой паузы.

— У меня были тысячи лет, чтобы привыкнуть к одиночеству внутри своей головы, — Рафаэль провел внешней стороной ладони по лицу Елены. — Так что другое присутствие немного... приводит в замешательство.

— Теперь ты знаешь, как я себя чувствую, — проговорила он приподняв брови. — Не очень-то приятно осознавать, что внутри не остается ничего личного.

— Я никогда не влезал в твои сокровенные мысли.

— А мне откуда знать, — спросила она, — когда ты столь непринужденно говоришь о способности проникать куда угодно. Как я могу быть уверенной, что если пожелаю поделиться с тобой чем-то, это будет именно мой выбор?

Впервые он ощутил слабый проблеск понимания.

— Этот путь познания друг друга будет намного более медленным.

— Скорость — это ещё не всё, — ответила Елена, теснее сжимая перила.

Рафаэль подумал о ее доверии, когда она рассказывала о своей матери, о ее сострадании, когда она приняла на себя груз его воспоминаний.

— Я буду стараться, Елена.

— Ну, думаю, это лучшее, что я смогу получить от архангела, — слова Елены смягчались удивлённым блеском ее глаз. — Меня не напрягают ментальные разговоры. Поскольку они двухсторонние. А вот слияние — это тот процесс, который я ещё не скоро смогу контролировать.

— Ты уловила мои мысли, пока мы были соединены?

— Вообще-то нет. Я слишком увлеклась полётом...Боже, ну ты мастерски летаешь, Рафаэль, — Елена присвистнула. — Я знаю, что непросто сделать то, что ты вытворял.

Внутри зашевелилась гордость, зародившаяся ещё в сердце юноши, каким он был до Калианны. До Изис. До Дмитрия.

— Хотя я уловила одно имя, — робко произнесла она. — Ты думал о своем отце?

— Да, — ответил Рафаэль, наблюдая, как ветер разметал несколько прядей непокорных светлых волос по лицу Елены, рассматривая ее силуэт на фоне ночного неба, словно усеянного брильянтами, и сделал свой собственный выбор. — Я думал, что во многих смыслах безумие моего отца было гораздо хуже, чем кровавая жажда Урама.

Елена не перебивала, просто подошла и взяла его за руку. Рафаэль переплёл их пальцы, размышляя о фундаментальных изменениях, которые произошли в его жизни с того дня, как он впервые встретил Елену Деверо, Охотницу Гильдии. Она невероятно быстро обосновалась в его сердце, став самой важной частью существования.

— В случае с Урамом, — Совет, хотя и сомневался поначалу, в конце-концов решил, что он должен умереть. — Тогда Рафаэля больше всех тревожила Ли Дзюань...и так оставалось до сих пор. — Ли Дзюань гадала, стояла ли того сила, которою получил Урам, обернувшись порождённым кровью.

Елена задрожала:

— Нужно было показать ей ту комнату, где Урам хранил остатки своих жертв, — даже сейчас желудок Елены взбунтовался от простых воспоминаний. — Там была просто бойня. Одна вонь заставила бы большинство людей убежать, вопя от ужаса.

— Ты забываешь, Елена, — сказал Рафаэль, и его глаза стали почти чёрными. — Ли Дзюань играет с мёртвыми.

"Держи подвеску ровно, Элли".

"Я пытаюсь".

"Ш-ш-ш, мама услышит".

Вдохнув свежий аромат Рафаэля, Елена прогнала мучительный шепот воспоминаний и сосредоточилась на настоящем.

— Почему твой отец был хуже?

Волосы Рафаэля, чернее, чем ночная тьма, которая их окружала, разметал ночной бриз.

— Он не убивал без разбора. Долгое время все думали, что его обуревают жажда власти и новых владений.

— К нему присоединились другие, — догадалась она.

Рафаэль медленно кивнул.

— Он был императором, но хотел стать богом. Когда начались убийства — они носили скрытый характер, даже политический.

Елена потянулась к Рафаэлю и отбросила волосы с его лица, желая прикоснуться к

архангелу, который внезапно стал очень отстранённым.

— Что заставило людей поменять своё мнение?

Рафаэль поддался её прикосновениям, хотя выражение его лица осталось грустным и пустым.

— Когда он начал сжигать целые деревни не на своей территории.

Елена вспомнила то, что читала под руководством Джессами.

— Провозглашение войны?

— Мой отец видел это немного в другом свете. Он надеялся, что другие из Совета преклонятся перед ним... тогда он уже возомнил себя богом.

— Сколько тебе было лет, когда он умер?

— Сухая мелочь — несколько десятилетий.

Елена подумала, что он был всего лишь ребенком.

— Это значит... — она затихла, не в силах продолжать.

— Что он уже находился на пути безумия задолго до моего рождения.

Елена обняла себя руками и прижалась к груди Рафаэля, там, где билось его сердце.

— Вот откуда все волнения по поводу твоего рождения.

Его объятия, по сравнению с её, напоминали стальные обручи.

— Иногда я задаюсь вопросом: каково его наследие? И что передала мне моя мать.

В тот момент Елена поняла, что архангел Нью-Йорка разделил с ней что-то важное, то что не рассказывал никому другому. Откуда она это узнала, охотница не понимала. Но была твёрдо в этом уверена.

Так же, как и знала, что не сможет ответить на вопрос Рафаэля. Только время расставит всё по местам, но...

— Твоя жизнь изменила своё направление в сторону, которую, готова поспорить, даже Ли Дзюань не могла предвидеть. Ничто не предопределено.

Несколько бесконечных минут Рафаэль не отвечал. Они стояли под ночным небом, пока ветер играл свою музыку вокруг их тел, ласкал их крылья.

Её архангел не стал заморачиваться и одевать рубашку, так что Елена ощущала под своими пальцами и щекой его восхитительную кожу. И тут она поняла, что, на удивление, чувствует умиротворение, не взирая на тревожные события дня.

— Такая тихая ночь, — наконец произнес Рафаэль, — ветра почти нет. Видимость отличная во всех направлениях.

— Хорошее время для полета, — прошептала Елена.

— Да.

Рафаэль поднялся с ней в воздух. Елена переместила руки, обхватывая его за шею. От их взлёта поднялся ветер, который отбросил с лица Елены волосы, а затем разметал их вокруг неё и Рафаэля.

— Нужно их обстричь, — пробормотала она, вытаскивая пряди изо рта одной рукой, а другой продолжая держаться за шею Рафаэля.

— Почему ты этого не делала, даже работая охотницей? Я бы посчитал их уязвимостью.

Старая рана сегодня находилась слишком близко к поверхности, но Елена всё равно ответила.

— Мои волосы совсем как у мамы. Из четырёх детей лишь у меня одной сохранился этот цвет, даже когда я выросла.

Ари и Бель наследовали цвет волос Джеффри — золотистый, а вот Бет напоминала бабушку по отцовской линии своими роскошными светло-рыжими локонами.

— Значит мы оба — тени наших матерей.

Понимая, что то, чем дорожит она, Рафаэль может расценивать как проклятие, Елена провела по его подбородку в молчаливой попытке утешения.

— Лети быстрее.

Рафаэль падал камнем вниз и резко взмывал ввысь без предупреждений, заставляя Елену смеяться от искренней радости. Она обняла его ногами за талию, не замечая, что раскрыла собственные крылья, пока они не начали цеплять воздушные потоки.

— Рафаэль!

— Сложи их, — ответил он. — Иначе приземлиться будет трудно.

Тщательно всё обдумав, шаг за шагом, Елена сложила крылья — мышцы на спине немного занули из-за движения против ветра, но не настолько сильно, чтобы вызвать волнение.

— Они снова хотят раскрыться.

— Это инстинкт.

Опустившись ниже, Рафаэль раскрыл свои в полную ширину и мягко, аккуратно приземлился на небольшом плоскогорье, ниже которого располагалась долина, усыпанная снегом.

— Это место выглядит иначе, чем территории вблизи Убежища. — Время обтесало неровные края и, казалось, что предназначение долины не сокрушать, а убаюкивать.

— Снег здесь мягкий, — проговорил Рафаэль, — так что это хорошее место для тренировок полётов.

Сердце Елены пропустило удар.

— Сейчас? — она думала, что он взял её полетать всего лишь в его объятиях.

— Сейчас.

Радостное возбуждение заставляло сердце Елены неистово колотиться о рёбра, она подошла к краю равнины и посмотрела вниз.

А низ оказался очень далеко.

Высота никогда не вызывала у неё головокружения, но...

— Расстояние внезапно показалось намного больше теперь, когда я знаю, что буду туда падать.

— Ты боишься? — спросил он, прикасаясь к ее крыльям своими — Елена лишь краем глаза уловила золотистое сияние.

Елена улыбнулась кончиками губ:

— Осыпаешь меня своей пылью, архангел?

— Ангельская пыль выглядит невероятно красиво, когда сыплется с крыльев в темноте. — Рафаэль поцеловал её в щеку и переместился к ней за спину — возбуждающая пыль на вкус напоминала чистейший секс. — Пока будешь лететь, она проникнет тебе под кожу, готовя твоё тело к моим прикосновениям.

— Обещать ты мастер, — пробормотала Елена, ощущая, как он крепко обнял её за талию. — Итак, что мне теперь делать?

— Единственный способ научиться — это полететь, — ответил Рафаэль и столкнул её с утёса.

Страх уничтожил всё, кроме желания выжить. Крылья Елены раскрылись, и, противостоя потокам воздуха, замедлили её падение, в то же время, заставляя мышцы болезненно ныть от внезапного напряжения.

Рубашка Рафаэля перекрутилась вокруг тела Елены, обнажая кожу живота ночной прохладе. Но охотницу это не заботило. Её больше волновало, как заставить крылья работать. Но, было уже слишком поздно — земля приближалась со смертельной скоростью.

Никакой снег не смягчит падения — она всё равно ударится с такой силой, что переломает себе кости.

Внезапно её схватили под руки, поднимая вверх, без каких-либо усилий.

— Сложи крылья.

Елена послушалась, хотя адреналин, несущийся по венам, подмывал сделать обратное. Как только её ноги коснулись земли, она развернулась и толкнула Рафаэля в грудь — через её ладони прошёлся электрический разряд от соприкосновения с оголенной кожей.

— Это твой способ обучения? Да меня могло размазать по земле отсюда до Манхэттена!

— Опасность тебе никогда не грозила, — ответил он, его глаза искрились от смеха, что только ещё больше разозлило Елену. — Так молодые ангелы учатся летать — их сталкивают с различных возвышений до того, как у них появляется страх.

Ярость Елены резко поутихла, хотя сердце продолжало всё так же неистово колотиться в груди.

— Вы сталкиваете детей в пропасть?

— А как ты думаешь птицы учатся летать?

— Ха. — Елена скрестила руки на груди, рубашка прилипла к влажному от пота телу. — Ты забыл, я — взрослая и знаю, что такое страх.

— Вот поэтому я тебя и не предупредил. Инстинкт сделал свое дело.

Елена потёрла щеки, стараясь их немного остудить, глубоко вдохнула, завязала концы рубашки узлом и вернулась к утёсу.

— Ладно, столкни меня ещё раз.

— Ты и сама можешь прыгнуть.

Елена давно научилась держать свои страхи при себе, считая их слабостью, которую могут использовать против неё. Но в этот раз, не оставалось ничего другого, как признаться.

— Я так напугана, что у меня поджилки трясутся.

Рафаэль поцеловал её в затылок и положил ладони ей на талию.

— В этот раз, постарайся раскрыть крылья как можно быстрее.

Елена кивнула и едва успела принять нужное положение, как он столкнул ее вниз. Она раскрыла крылья примерно за три секунды — слишком медленно. Рафаэль поймал её снова. И снова. И снова.

— Ещё раз, — попросила Елена, изнемогая от усталости. — У меня должно получиться.

Лицо Рафаэля приняло суровое выражение, но он всё же согласно кивнул.

— Ещё раз.

Елена знала, что её тело не выдержит, даже если дух останется нерушимым, так что сделала несколько шагов назад от края.

— Может, получится лучше, если разбежаться.

— Помни, ты должна расправить крылья сразу же, как только поднимешься в воздух, или сила падения потянет вниз и остановиться ты не сможешь.

Елена кивнула, отбросив влажные пряди с лица. Затем, представив себя в полёте начала разбежаться по равнине.

Через несколько секунд она оказалась в воздухе и, только когда почувствовала напряжение в мышцах плеч, поняла, что крылья раскрылись. даже на какое-то мгновение Елена уловила движение вверх, но потом опять начала падать.

Правда, в этот раз, она чувствовала какое-то подобие контроля.

Её приземление даже близко не стояло с грациозными движениями Рафаэля. Елена с силой приземлилась на колено, и по инерции упала лицом вперед. Но поднимаясь из пыли, она улыбалась.

— У меня получилось.

Глаза архангела, присевшего напротив неё, загорелись невероятной гордостью.

— Я в тебе не сомневался, — сказал он, наблюдая, как она очищает лицо от пыли. — Завтра у тебя всё будет болеть так, словно тебя избили, но тренировки придётся продолжить.

— Я знаю. Здесь тот же принцип, что и при обычном обучении.

— И всё же, если почувствуешь сильную боль, дай мне знать, — потребовал Рафаэль, приподнимая её лицо за подбородок. — Лучше подождать, пока мелкие травмы заживут, чем превратить их в большие.

— Особенно, если учесть, что времени у нас в обрез. — Елена посмотрела Рафаэлю в

глаза, ярко сияющие даже в этой снежной тьме. — Думаешь Ли Дзюань использует мою неопытность в управлении новым телом против меня?

Рафаэль лишь коротко кивнул и отпустил её подбородок.

— Она будет использовать любое доступное оружие.

— Зачем?

— Чтобы развеять скуку, — ответил архангел, сжимая губы в тонкую линию. — Если её спросить, она ответит, что всё дело во власти, в политике, но на самом деле — она хочет развлечься. Ты — новая игрушка, которая её заинтересовала.

— И мы должны играть.

Елена поднялась на ноги, испытывая боль во всём теле.

Рафаэль поднялся с ней. Казалось, холод ему ни по чём, хотя он щеголял блистательной наготой.

— В другое время я бы отклонил приглашение на приём, — его слова прозвучали как невысказанное напоминание о том, что он тоже архангел, — но в этот раз мы должны присутствовать.

Елена кивнула.

— Тебе нужно увидеть, насколько эволюционировала Ли Дзюань.

Согласно слухам, самая древняя из архангелов больше не могла покидать свои земли, даже для собраний Совета.

— Если она выпустит своих перерождённых в мир — пути назад уже не будет.

Сама мысль о ходячих мертвецах с душами, заключёнными в жуткие оболочки, заставила Елену содрогнуться. Как только это произошло, тонкие золотые нити заблестели в воздухе.

— Ты летаешь для меня, Рафаэль? — спросила Елена, решив продлить чудеса этой ночи. — Хочу посмотреть, как с твоих крыльев сыплется ангельская пыль.

Рафаэль расправил крылья — и у Елены перехватило дыхание. Неповторимый рисунок был почти неразличим в ночной тьме, но она помнила яркое пятно с левой стороны до последнего пёрышка, до малейших очертаний.

Шрам, который оставило её оружие. В ту ночь Рафаэль был таким холодным.

— Ты ещё когда-нибудь погрузишься в Тишину? — спросила Елена.

В его ответе сквозили отголоски воспоминаний и понимания того, насколько он приблизился к пропасти зла.

— Потребность в этом должна быть просто огромной.

А затем он взмыл ввысь, поднимая облака пыли и снега, заставляя Елену упереться ногами в землю от созерцания такой силы. Через мгновение она ощутила на языке вкус блаженства и поняла, что Рафаэль осыпал её пылью сладострастия. Специальной смесью.

Всё её тело начало покалывать от желания. Она наблюдала, как Рафаэль поднимается всё выше и выше, превращаясь в размытый силуэт на фоне ночного неба. А когда он начал падение, то делал это медленными, почти ленивыми взмахами, словно парил в воздушных потоках.

За каждым его движением тянулся золотой след, словно волшебное световое шоу на чёрном бархате ночного неба.

И опять что-то кольнуло в сердце. Как может это невероятное, могущественное существо принадлежать ей? Но всё же, он был её.

А возможно, и нет, и никогда не будет ей принадлежать так же, как смертный мужчина,

но и она сама всегда плохо сходилась с обычными человеческими мужчинами. Они считали её врождённую силу охотницы обескураживающей, в лицо заявляли, что она совсем не женственна.

"Ты невероятен", — мысленно сказала она архангелу.

Он услышал её, поскольку следующее падение было слишком стремительным, а подъем — невероятно крутым. Показушник.

И вновь падение, настолько быстрое и стремительное, что у Елены перехватило дыхание. Она потянулась, будто хотела поймать его, когда он начал стремительно падать вниз. Её сердце билось со скоростью сто миль в час. Рафаэль начал тормозить, когда между ним и земной твердью оставалось не больше метра. Ветер от обратного взмаха крыльев чуть не сбил Елену с ног.

До того, как ощутила на вкус, Елена поняла, что Рафаэль осыпал её ещё большим количеством пыли. Каждая обнаженная частичка тела отреагировала...включая всю поверхность крыльев, которые она раскрыла, приготовившись к полёту. К сожалению, у неё не хватало опыта, чтобы совершить вертикальный подъем, как Рафаэль.

"Надеюсь, что осыпая меня всей этой пылью, ты не просто дразнишься, поскольку я могу оказаться в убийственном расположении духа".

Елена уже ощущала эротическую волну, накрывшую её тело, пульсацию между ног, увеличивающуюся от желания.

Запах моря окутал Елену, когда Рафаэль ответил.

"Твои мышцы расслабятся, и ты почувствуешь себя намного лучше после горячей ванны и массажа".

Этих слов было достаточно, чтобы воссоздать в её голове чувственную пытку, наполненную воспоминаниями того, как они в прошлый раз вместе проводили время в ванной. Его пальцы, проникающие в ее лоно, его обнаженное тело, открытое её голодному взгляду, его плоть, возбуждённая и готовая к действиям.

Охотница судорожно втянула воздух — её грудь натянула влажную ткань рубашки, и соски заныли даже от такого мимолётного контакта. Елена подняла руку, но опустила её до того, как успела себя коснуться.

Все чувства слишком заострились, желание стало невыносимым.

"Думаю, время идти домой", — слова, которые она мысленно произнесла, были наполнены вожделием, от которого кожа казалась слишком тесной и невероятно чувствительной.

Рафаэль приземлился сзади и повернул Елену к себе лицом, обняв за талию мертвой хваткой. Она изголодалась по нему, по его вкусу. Обвив руками за шею, Елена тесно прижала к себе крылья и приготовилась к полёту.

Они поднимались сквозь зависшие облака ангельской пыли. Мельчайшие частички подталкивали её к желанию столь сильному, что она сомневалась, сможет ли его пережить. Застонав, Елена прижалась губами к резко очерченному подбородку Рафаэля, прикасаясь языком к коже, пробуя его на вкус, пока они летели домой.

Животом она ощущала твёрдую выпуклость — это казалось невероятно соблазнительным. Ей хотелось обхватить губами его жаркую плоть, но довольствоваться приходилось лишь мелкими поцелуями вдоль подбородка.

Рафаэль не останавливал её, хотя к тому времени, как они приземлились на балконе их спальни, его тело невероятно напряглось, мышцы гудели и стали просто каменными.

Елена почувствовала, как он открыл двери, а затем запер их. А потом архангел потерял остатки самоконтроля. Он резко развернул Елену, не оставляя времени на возражения, и сорвал с неё рубашку с такой легкостью, словно та была из тумана.

Какие-то обрывки мыслей пронеслись у Елены в голове, но всё исчезло, как только Рафаэль, стоя у неё за спиной, обхватил её грудь, погрузив свои зубы в чувствительную точку на шее. Охотница вскрикнула от короткой, внезапной вспышки удовольствия.

Ладони, собственнически сжимающие её грудь, увеличивали удовольствие. Елена почувствовала, словно молния пронзила всё тело и сосредоточилась между бедер. Она стала влажной, изнывая от желания, готовая принять его.

Забрав руку с шеи Елены, Рафаэль зализал метку, которую поставил. Внутри него разгоралось пламя, грозившее сжечь дотла.

Когда она изогнулась, желая развернуться, Рафаэль опустил ладонь к низу её живота, удерживая её на месте без особых усилий. Другой рукой он продолжал ласкать её грудь и до боли возбуждённые соски.

— Твои губы, — хрипло прошептала она, — я хочу твои губы.

— Ещё нет.

Елена задрожала от неумолимости, с которой прозвучали его слова, от глубокого сексуального голоса. Рафаэль не просто потерял над собой контроль — он не собирался позволять ей вести. Она могла бы спорить, но слишком сильно его хотела — с момента своего пробуждения после комы. Сегодня она собиралась позволить архангелу овладеть ею так, как он хотел, любым видом и способом.

Елена завела руки за голову и обхватила шею Рафаэля, но он уже подталкивал её вперёд, к кровати.

Она поддалась и, в результате, оказалась на коленях на простынях. Рафаэль надавил рукой на нижнюю часть спины Елены. Охотница поняла молчаливое пожелание и опустила также и на ладони.

Такая позиция оказалась на удивление подчинительной. Хотя она ощущала как угодно, но только не покорной. Перебросив рукой волосы через плечо, Елена повернула голову и посмотрела на Рафаэля, желая подразнить его так, как женщина может дразнить мужчину у кровати.

— О Боже.

Архангел рычал. Внутри Елены за клубился страх, рождённый древним инстинктом.

— Я чувствую твой страх, Елена.

Сделав несколько судорожных вдохов и выдохов, она ответила:

— Это добавит изюминку в сам процесс.

Рафаэль медленно моргнул, задержавшись взглядом на изгибе её спины, и с неосознанной грациозностью расправил крылья — от чего у Елены потекли слюнки. Затем с затуманенными глазами он провел рукой по её попке.

— Раздвинь бедра.

Она воспротивилась.

Рафаэль посмотрел на неё, в глазах полыхало первобытное, дикое синее пламя.

Слегка улыбнувшись, чтобы он понял, что она дразнится, Елена поставила ноги немного шире. Рафаэль провел пальцем по шву её штанов, задевая самую горячую, изнывающую часть её тела.

— Рафаэль!

— Ты хотела поиграть.

Рафаэль ответил всё таким же глубоким, наполненным сексуальными обещаниями, голосом... но теперь в нём сквозили нотки чувственного удовольствия. Задрожав от такого интимного прикосновения, Елена выдохнула.

— Да, хотела.

Елена собиралась перевернуться на спину, но Рафаэль предугадал её намерения по движению мышц и не дал совершить задуманное. Он удерживал охотницу на месте, словив рукой за бедро.

— Так не честно, — пробормотала она, опустив голову. — Я не такая сильная.

— А кто говорил что-то о честных играх?

Елена рассмеялась, чувствуя, как ее кожа растягивается, чтобы вместить всю сексуальную энергию.

— Ты собираешься снимать с меня штаны, или нет? Я горю.

— Я чувствую, насколько ты влажная даже сквозь одежду, — ответил он, снова лаская её между бедер. Голос Рафаэля стал ниже, ещё более чувственным, когда он провел пальцами чуть выше. — Я оближу тебя здесь.

Такое откровенное заявление заставило Елену покраснеть.

— Румянец? — Елена почувствовала, как Рафаэль потянул сзади за штаны, открывая своему взору обнаженную кожу. — Везде цвет румянца, — добавил он, поглаживая пальцами волнистые края её трусиков. — Розовые, — пробормотал он, — с голубой ленточкой. Твои любимые.

Елене показалось, что она с головы до пят стала красной.

— Не знала, что ты так внимателен к моей одежде.

— Некоторые вещи пробуждают во мне интерес, — в его голосе опять появились нотки чувственности, пока он водил пальцами по ленточке вдоль ягодицы и по бедру. — Такой жар под твоей кожей. Конечно, теперь ты не такая стеснительная?

Елена не могла ответить, слишком сосредоточившись на его мужественном и сильном теле, от взгляда на которое текли слюнки. Все внимание занимали его прикосновения. Он касался её так, словно владел временем всего мира и совсем не сторал от нетерпения.

— Рафаэль.

— Мне нравится, как ты произносишь мое имя, — сказал он, сжимая её бедро и раздвигая ноги ещё шире. В этот раз Елена не сопротивлялась, даже в шутку. Она хотела, чтобы он двигался быстрее.

Когда он обхватил рукой ее сокровенное местечко, все, что она смогла сделать — это судорожно хватать ртом воздух. Перед глазами все поплыло, простыни показались размытым пятном, стоило Рафаэлю провести пальцами по трусикам, раскрывая её лепестки через влажную ткань, словно её и не существовало.

— Быстрее, — прошептал она.

Но он всё равно слышал.

"Нет".

Её плоть стала ещё более влажной, готовой для него. Между бедер стало совсем мокро, и Елена инстинктивно захотела сдвинуть ноги, но Рафаэль остановил её, встав одним коленом на кровать и упиравшись ей в ногу.

Елена почувствовала, как прогнулась кровать, когда Рафаэль полностью на неё взобрался, принимая такое же положение, как и она, только он стоял коленом между её ног,

левой рукой упирался позади неё, а правой тискал её грудь. Крылья Елены были зажаты между ними.

Она ожидала, что будет больно, но её крылья грациозно изогнулись, словно в каждой мышце её тела хранились знания о чувственных удовольствиях. А ощущения...

Каждое перышко, тончайшие нити отвечали на жар этого сильного мужского тела.

— Это слишком, — сказала она, пытаясь отстраниться.

Он удержал её на месте.

— Ты привыкнешь.

Сексуально неудовлетворенная, возбуждённая, Елена потерлась о его твёрдую плоть.

— Веди себя хорошо, Охотница, — приказал Рафаэль и ущипнул её за сосок с такой силой, что её желание разгорелось ярким пламенем внутри.

Елена вскрикнула и попыталась вырваться. Когда это не сработало, она поддалась инстинкту — упала на живот и перевернулась на спину до того, как он успел ее остановить.

Их ноги оказались переплетенными в неудобном положении. Елена взглянула на бессмертного, в глазах которого горело очень даже человеческое собственничество.

— Достаточно, — прошептала она.

Он переместился, чтобы она смогла освободить ноги, но покачал головой.

— Нет.

Рафаэль расправил крылья над Еленой, все его тело пылало. Это сбивало с толку и приводило чувства в замешательство. Но она не могла, не стала закрывать глаза, очарованная его неземной красотой.

Опасен, Рафаэль очень опасен. Но он принадлежит Елене. Подняв руки, она прижала их к груди архангела. Чистейший выброс адреналина.

Она заглянула в его глаза, где синяя радужка почти полностью затмила белок. Елена должна была испугаться, но слишком сильно нуждалась в нем, чтобы чувствовать хоть что-то отдаленно напоминающее страх.

— Рафаэль. — Елена произнесла лишь одно слово, но в нём звучали мольба и требование. Ее тело изогнулось в грешном приглашении.

Рафаэль наклонился и наконец-то прижался к её губам, целуя с медленным, почти первобытным напором, от чего Елена скользнула руками по его плечам, пытаясь притянуть поближе.

Но архангел продолжал удерживать себя над ней, прикусывая её губы каждый раз, когда Елена начинала настаивать.

Его поцелуй своей несдержанностью напоминал бурю — в нем ощущалась невероятная мощь, сдерживаемая за суровой внешностью. Желание закружилось внутри Елены требовательной, ненасытной потребностью.

Елена сжала плечи Рафаэля, обняла ногами за бедра и медленно провела рукой по изгибу его крыла.

Его сила сверкала так ярко, что Елена не смогла больше удерживать глаза открытыми. Спустя мгновение его губы снова слились с её, но в этот раз Рафаэль себя не сдерживал.

Архангел целиком и полностью отпустил контроль. Он прижался к Елене всем телом, напряженный член требовательно вжался в низ ее живота.

Она изменила положение, пытаясь разместить его между своих бедер. Но у Рафаэля были другие планы. Оторвавшись от ее губ, он прижал ее к кровати и начал осыпать поцелуями ее тело, спускаясь все ниже и ниже.

Сердце Елены замерло, а потом забилось с неистовой скоростью.

"Я обещал вылизать тебя там".

— Нет! — Елена взбрыкнула в попытке сбежать от удовольствия, которое, как она знала, взорвется в ней тысячами сверкающих осколков.

"Да. Ты уже достаточно оправилась".

Протянув руку, Елена попыталась удержать его, но шелковистые, прохладные волосы подобно черной воде выскользнули из ее пальцев, холодя кожу шелковистыми прохладными прядями. Она сжала простыни, оперлась пятками в кровать.

И все же, ничто не смогло подготовить ее к тому, как архангел попробовал ее сквозь почти прозрачную ткань трусиков. Для своего удовольствия, Рафаэль удерживал ее бедра широко разведенными.

Это была агония и экстаз, жидкая молния, заключенная в теле, которое внезапно оказалось слишком маленьким и хрупким, для того, что должно было вынести.

Словно понимая, что слишком напорист, Рафаэль приподнялся и поцеловал её в нижнюю часть живота.

"Моя Охотница".

Сердце Елены сжалось от любви, смешанной сексуальным желанием, и она протянула руку, дабы провести пальцами по губам архангела.

Рафаэль не улыбнулся — эмоции между ними слишком накалились, стали слишком сильными, делая смех неуместным — но и не остановил Елену. Когда он скользнул рукой по ее бедру, она задрожала.

Одно движение — и последний барьер, разделяющий его поцелуй и самую чувственную ее плоть, исчез. Затем Рафаэль прижался к её лепесткам губами — жестко, решительно, непреклонно и требовательно.

"Моя, ты моя".

Поцелуй Рафаэля оказался столь же искренним, как и его слова, наполненным мужского обладания и дикого, неутолимого голода.

Удовольствие наполнило тело Елены, пронеслось по венам, проникло под кожу, пока архангел ласкал ее, заставляя ощутить то, что она никогда раньше не испытывала, подводя до вершины удовольствия.

Оргазм стал для неё медленным подъемом и сокрушительным спуском. Цвета взрывались дикими волнами, но Елена не распалась на осколки от удовольствия, а плыла по этому течению, пока не вернулась домой, в надежные объятия Рафаэля.

Рафаэль сжимал в объятиях свою охотницу, ее тело блестело от пота, а сердце не спеша замедляло свой бег. Примитивное естество, часть его, что заставляла обладать Еленой полностью, без остатка, мурлыкала в спокойном удовлетворении.

Елена только его, и никогда не будет принадлежать никому другому.

Поглаживая рукой тело охотницы, Рафаэль наслаждался ее рваными вздохами, тихими стонами, слетающих с губ в ответ на эти прикосновения. Когда Елена потянулась, чтобы прикоснуться к его щеке, архангел потерся об ее ладонь, в то же время обводя кончиками пальцев ее покрасневшие от страсти губы.

Она посмотрела на него затуманенными глазами, ставшими серебряными от удовлетворения.

— Думаю, ты полностью измотал меня, Архангел.

— Я только начал, Охотница. — Поднявшись, Рафаэль спустил ноги с кровати. — Пришло время принять ванную.

Елена застонала.

— Ты мучаешь меня. И себя, — добавила она, посмотрев на его возбужденную плоть, выпирающую сквозь грубую, похожую на кожу ткань штанов. Рафаэль поднялся и повернулся к ней лицом.

Вид ее обнаженного тела, распростертого на измятой кровати, еще больше возбудил Рафаэля. — Я научился упиваться своими удовольствиями и намерен наслаждаться тобой... снова и снова.

Ее грудь покрылась румянцем, а тело сотрясла мелкая дрожь.

— Мне нравится, как ты разговариваешь в постели. — Гортанно промурлыкала она, садясь на кровати. Затем Елена встала на колени на самом краю кровати. — Иди сюда. — Чувственно потребовала она.

Он прожил больше тысячи лет, выработал железный контроль над первобытной стороной своей природы, но устоять перед сладостным приглашением, плескавшимся в глазах его охотницы, мог не больше, чем прекратить летать.

— И что ты со мной сделаешь, Елена?

Протянув руку, Елена расстегнула верхнюю пуговицу его штанов, затем женственно скользнула пальчиками вдоль черной ткани.

— Что-то очень порочное. — Она медленно погладила контур его члена.

Рафаэль резко выдохнул и зарылся пальцами в ее волосы. Но он не стал ее останавливать — женщину, которая играла с ним и доверяла ему.

— Будь нежной.

Елена напряженно взглянула на него своими серебристыми глазами. Затем медленно и довольно улыбнулась.

— Я не стану кусаться... в отличие от некоторых. — Продолжая поглаживать сквозь ткань, она чуть сильнее сжала его возбужденную плоть.

Живот Рафаэля напрягся.

— Ты натолкнула меня на мысль. — Рафаэль все еще чувствовал дикий мускус ее тела на своем языке, столь роскошный и естественный.

— В следующий раз, я могу использовать свои зубы на куда более чувственной плоти.

Вздвогнув, Елена расстегнула следующие две пуговицы... а потом наклонилась и прижалась в поцелуе к нижней части его живота. Рафаэль дернул бедрами и сжал руку в ее волосах.

— Я, — простонал он, — не могу сейчас себя контролировать. Отпустив ее, Рафаэль шагнул назад.

— Это не... — Елена затихла, когда Рафаэль снял то, что осталось от его одежды, не желая препятствий между своим телом и ее прикосновениями.

Елена перестала дышать. Его влияние было... неопишимо.

Рафаэль снова подошел к ней. Его эрекция казалась чистейшим соблазном. Елена обхватила пальчиками его возбужденный член и почувствовала, как Рафаэль вновь зарылся пальцами в ее волосы, накручивая их на кулак.

— Хватит игр. — Последовал нежный толчок. — Исполни свое обещание.

Кожа Елены стала горячей, натянулась от грубой сексуальности его приказа, но Елена ответила дразнящей улыбкой.

— Приказываешь даже в постели?

"Елена".

Уловив напряжение в этом единственном слове, Елена вдруг со всей ясностью осознала, сколь долго ее ждал архангел — тот факт, что этот мужчина ее любит, до сих пор останавливал ее сердце — она наклонила голову и провела языком по вене, которая пульсировала вдоль его члена.

Он издал невнятный звук, в котором боль смешалась с удовольствием, и слегка дернул рукой ее волосы. Не в силах устоять перед долгожданным вкусом, Елена стиснула бедра и, повторив свои действия, взяла член в рот.

"Елена!"

Елена не могла охватить его полностью. Член Рафаэля оказался слишком большим в длину и ширину. Но ведь впереди вечность, чтобы совершенствовать свою технику. Чувственная мысль взорвалась в пожаре желания пока Елена наслаждалась своим архангелом, облизывала его, пробовала на вкус и сосала.

Яркое белое пламя коснулось ее кожи, и Елена поняла что Рафаэль сияет — это смертоносное создание, с которым она посмела играть самым интимным способом.

Ответ Рафаэля, когда он наконец-то его озвучил, оказался безумно чувственным "Твой рот, — проскрежетал голос в ее разуме, — это маленький кусочек рая и ада".

Елена гортанно застонала, скользнула зыком вверх, обвела головку и снова скользнула ртом вдоль соблазнительной части его тела.

Ей нравился его вкус — контраст шелка и стали, и горячие обещания возмездия, которые он тихо бормотал.

Под руками Елены мышцы Рафаэля стали каменно — твердыми, а кожа засверкала жаром.

— Хватит, Елена. — Приказал он.

В ответ она позволила ему ощутить свои зубки.

Внутри ее разума образовалось цунами и дикий шторм.

"В следующий раз, — сказал Рафаэль, полностью потеряв образ цивилизованного мужчины, — я привяжу тебя к кровати".

Рафаэль понимал, что находился на краю, и что следующая ласка заставит прыгнуть с обрыва. Он скользнул рукой по чувствительному изгибу крыла Елены, и пока она отвлеклась, пребывая в шоке от наплыва ощущений, он выскользнул из сладостного горячего плена ее рта.

Но хотя в ее глазах сверкал тот же, голод, что одолевал Рафаэля, она не сдавалась. Поднеся палец к, опухшим от поцелуев, губам, она, дразня, втянула его в рот.

И лишь этого поощрения ждал голод, который пронесся по венам черным огнем и одолел Рафаэля.

Архангел вновь опустился на кровать, словно темная волна жара. Он перевернул Елену на живот, согнув ее ноги в коленях и широко их разведя.

Это самый грубый и примитивный способ взять женщину, но его охотница приподнялась на локтях и с вызовом бросила:

— Я жду.

Одним резким толчком, он оказался в ее теле. Крик Елены, в котором смешались требование и страсть, эхом отразился от стен.

Сжав ее бедра, он практически полностью вышел из нее и вновь толкнулся вперед. Больше Рафаэль не станет жалеть Елену, но она и не просила этого.

"Елена, быстрее учись летать, — прошептал он в ее голове, возводя их обоих на ослепительную вершину. — Тогда потанцуем в небесах".

Гораздо, гораздо позже, они оказались в ванне, где Рафаэль лениво водил мочалкой по крыльям Елены, голова которой покоилась на бортике.

— Эти ощущения такие сокровенные.

— Да. — Он оставил поцелуй на сверхчувствительном месте правой лопатки, откуда росли крылья. — Позволять кому-то ухаживать за крыльями считается действием, выходящим далеко за рамки простого секса.

Конечности Елены отяжелели от пресыщенности желания.

— Могу я помыть твои крылья? — спросила она, обдумав его слова. Это стало бы самой восхитительной привилегией и самым изысканным удовольствием.

— У тебя появилось это право, еще когда мы впервые принимали ванну вместе.

От неприкрытой правдивости его слов, сердце Елены болезненно сжалось.

— Но, — продолжил он, отложив мочалку на край ванны и устроившись у Елены за спиной, — сейчас ты не в состоянии сделать что-либо, кроме как расслабиться.

Она услышала намек на мужскую гордость и ощутила, как желание перерастает в чувственную привязанность.

— Архангел, секс с тобой просто удивительный.

Сжав рукой ее грудь, Рафаэль опустил ладонь ниже и проник двумя пальцами в ее тело. Втянув носом воздух, Елена обрела голос.

— Опять? — В животе разлилось тепло.

— Опять. — Вынув пальцы, Рафаэль оставил поцелуй на изгибе ее шеи, его возбужденная плоть упиралась ей в спину.

— Будь нежным.

Елена почувствовала, как Рафаэль улыбнулся, услышав, что она повторила его слова.

"Для тебя, Елена, все что угодно".

Плавным движением он проник в тело Елены. Ее внутренние мышцы растянулись, чтобы принять его, даря обоим несравнимый ни с чем экстаз.

Но в этот раз Рафаэль двигался медленно, проникая глубоко и даря столько нежности, что Елена была готова отдать архангелу сердце, если бы уже не подарила ему его в небесах над руинами Манхеттена.

Елена была уверена, что на следующий день ее мышцы будут словно желе, но, не взирая ни на что, все равно поплелась на тренировку с Галеном.

Как и обещал, Рафаэль сделал ей массаж перед сном. Кроме того, у нее не было ничего сломано или повреждено, значит придется работать, несмотря на боль в мышцах.

Окинув охотницу взглядом, Гален бросил ей что-то, больше похожее на десятитонную металлическую глыбу. Елена уставилась на клеймор — который выглядел в точности так, как и должно выглядеть тяжелое шотландское оружие, затем приняла стойку и подняла его. У нее задрожал бицепс, но она все же смогла поднять чертово лезвие вертикально, острием прямо в голубое небо.

Гален внимательно посмотрел на руки и плечи Елены.

— Ты сильнее обычного смертного.

— Я больше не смертная, — указала она, продолжая удерживать меч вертикально.

— Не существует записей о созданных ангелах, но если принцип такой же, как и при создании вампиров, то твоя сила в течение долгого периода времени не сможет сравниться с мощью бессмертного.

Пожав плечами, Елена оставила этот вопрос. Факт, что рожденные охотники сильнее обычных людей не то, чтобы тайна, но об этом не принято распространяться.

Может она и стала бессмертной, но все еще оставалась рожденной охотницей и членом Гильдии. И она никогда не предаст то, чему верна.

— Брось мне оружие.

Прищурившись, Елена прошла по припорошенной снегом земле к Галену и протянула ему клинок.

— Что? Хочешь доказать мою слабость? Ты ведь можешь сделать это одним ударом.

— Но тогда Рафаэль убьет меня. — Неминуемо последовал практичный ответ. Гален забрал клеймор и повернулся, чтобы взять что-то с небольшого столика в углу территории для тренировок.

Гален вновь был без рубашки, но все так же носил на левом предплечье тонкий металлический браслет из металла серого цвета, практически без блеска. По центру украшения висел какой-то небольшой амулет, но Елена так и не могла определить его

происхождение.

Скандинавский? Быть может.

Елена без труда могла представить украшение, как часть обмундирования кровожадного воина. Отведя взгляд от браслета, она наткнулась на двадцать пар любопытных глаз.

— У нас вновь появились зрители.

К ее удивлению, Гален нахмурился.

— Нам они ни к чему, не тогда, когда ты в таком состоянии. — Он резко махнул рукой вниз.

С неба обрушилась серебристо-синяя пуля, летящая на землю, словно молния. Иллиум приземлялся невероятно эффектно. Резкое и быстрое падение — и он оказался на одном колене с распростертыми крыльями, явно красуясь

— Как тщеславно, — обратилась Елена к нему, полагая, что сердце перестанет пытаться выпрыгнуть из горла.

Иллиум поднялся.

— Это не тщеславие, а правда, Элли.

Тряхнув головой, Елена посмотрела на Галена.

— И чему Колокольчик будет меня учить?

— Ничему. Иллиум будет порхать крылышками.

Елена не представляла, что имел в виду другой ангел, пока он не провел ее в огромное здание, которое возвышалось над участком земли, на котором они тренировались несколько недель.

Внутренний учебный зал, поняла Елена, когда Гален закрыл дверь, скрывая их от любопытных взглядов.

— Впечатляет. — Потолок возвышался, напоминая собой амфитеатр, демонтированный до самых основ.

— *Voles-tu, mon petit papillon.*

Иллиум рассмеялся от замечания Галена о "мотыльке" и показал средний палец другому ангелу, отвечая на языке, который Елена отнесла к греческому.

И поразились, увидев на лице Галена улыбку. Которая тут же исчезла, стоило ангелу повернуться к Елене.

— Хорошо, ты носишь наплечные ножны. — Подойдя ближе, он изучил их быстрыми и точными движениями специалиста по оружию. — Великолепное качество.

— Дикон лучший

Взгляд бледно-зеленых глаз не отрывался от нее.

— Ты лично знакома с Диконом?

Елена склонила голову на бок.

— Он женат на моей лучшей подруге.

Иллиум ахнул.

— Теперь Гален твой душой и телом. Он давно мечтал проникнуть к Дикону... в оружейный склад.

Вновь обмен ругательствами на греческом и французском. Гален говорил слишком быстро, чтобы Елена успевала понимать, но ясно, что эти двое подшучивали друг над другом.

Внезапно она осознала, что они друзья. Почему-то неунывающий и добросердечный Иллиум дружил с этим холодным ангелом, который, казалось, был высечен из камня.

— Я думала, — заговорила она, когда Гален повернулся к ней, — контактные бои под запретом.

— Ты не будешь близко. Иллиум.

Иллиум взмыл в воздух и поднялся под самый потолок, где казался синим пятном на фоне темного дерева.

— Попади в него.

Она отступила, качая головой.

— Кинжалы настоящие.

— А он бессмертный. Легкое ножевое ранение для него пустяк. Если у тебя получится попасть в него кинжалом, с пистолетом станешь непобедима.

— Может и бессмертный, но боль все же чувствует. — Иллиум уже страдал из-за нее.

— Элли, я справлюсь. — Выкрикнул он сверху. — Но ты не попадешь в меня.

— Серьезно? — Она играла кинжалом в руке.

— Да.

Но, тем не менее, Елена колебалась.

— Уверен?

— Попробуй.

Убежденная его игривым настроением, Елена следила за ленивыми движениями Иллиума... и когда он завис, бросила нож. Но Иллиум отлетел в сторону еще до того, как кинжал слетел с ее руки. Теперь она поняла, почему Гален назвал его мотыльком.

Иллиум мог передвигаться в замкнутом пространстве нереально быстро. Казалось, ему не нужно много места или времени, чтобы уйти в сторону.

По лицу Елены струился пот, когда она закончила кидать кинжалы, сначала свои, а затем те, что ей давал Гален. А Иллиум послал ей воздушный поцелуй со стропила, на котором сидел.

— Бедняжка Элли. Хочешь передохнуть?

— Заткнись. — Утерев лицо, она повернулась к Галену. — Как ему, блин, удастся так двигаться?

— Его мать называли Колибри. — Гален поймал кинжал, который Иллиум сбросил сверху, один из нескольких, раскиданных по залу. — У тебя есть навык, благодаря которому ты дойдешь до точки, когда сможешь раз за разом попадать ему в шею.

Елена потеряла свое горло.

— Самое уязвимое место?

Гален кивнул.

— Но потребуется время. Пока же, если ты сможешь подстрелить или пронзить кинжалом ангела, напавшего на тебя, отвлечешь его как раз на достаточное для побега время.

Молчание, и Елена поняла, что Гален ждет ответа.

— Я не так горда, чтобы кичится побегом. Мои ноги не раз спасали мне жизнь.

Казалось, в ледяных глубинах зеленых глаз мелькнуло одобрение, Но со стороны Елены было бы глупо выдавать желаемое за действительное.

— Но если ты окажешься в ситуации, где единственным выбором будет драка, хороший прицел даст тебе небольшое преимущество.

— Акцент на "небольшое".

Гален выдернул из стены кинжал.

— Ты ведешь игры с архангелами. Даже небольшое преимущество может спасти от верной смерти.

Ясон стоял напротив Рафаэля, на балконе его кабинета. Внизу простирались здания Убежища.

— Что ты узнал? — спросил архангел у своего главного разведчика.

Татуировка на лице Ясона казалась целой, но Рафаэль знал, что хоть часть плоти, которую вырвал один из перерождённых Ли Дзюань, восстановилась — рисунки на коже были временными. И, дабы не выдавать свою слабость, Ясон, через боль, шаг за шагом заново наносил чернила.

— У неё есть секрет.

Рафаэль ждал. У всех архангелов свои секреты, но раз уж Ясон заговорил об этом, то неспроста.

— Кажется, что эту тайну она не доверила никому. Но, думаю, Шейд в курсе, — ответил Ясон, ссылаясь на слова Филипа — вампира, который находился рядом с Ли Дзюань дольше, чем прожил Рафаэль. — Он для неё словно питомец, поэтому может попасть в запертую комнату, куда воспрещен вход всем остальным.

— Как думаешь, сможешь ли ты, или кто-то другой заглянуть внутрь той комнаты?

Ясон покачал головой.

— Вокруг неё днём и ночью дежурят перерождённые. — Он прикоснулся к своему лицу и продолжил: — Уверен, они разорвут на части любого нарушителя.

Полное расчленение — один из немногих способов, которые могли привести к смерти ангела такого же возраста, как и Ясон. Но, если голова оставалась нетронутой, то существовал шанс регенерации.

— Ты смог удостовериться, сколько из перерожденных Ли Дзюань питаются плотью?

— Теперь это делают не только старые. Я видел группу совсем недавно перерожденных, которые пожирали мертвеца, — ответил ангел. — И они совсем не прятались.

— Значит, она пересекла очередную грань. — Ещё одно доказательство того, что разум Ли Дзюань функционировал не так, как положено. — Расскажи мне об этой запертой комнате.

— Она в её укрытии среди гор, спрятанная глубоко внутри. По коридорам везде бродят перерожденные с сияющими глазами — те, которые питаются плотью.

— У тебя есть какие-либо предположения, что она может там прятать?

Хотя ничего хорошего там не могло находиться, в этом Рафаэль был уверен.

— Пока нет. Но я узнаю. — Ясон поправил крылья. — Я сделал всё так, как ты просил. Майя пробралась на территорию Дахаризэля. Там что-то происходит, но имеет ли это отношение к событиям в Убежище сказать невозможно. Ходят слухи, что недавно Дахаризэль убил некоторых своих вампиров, но это могло быть законным наказанием.

— Пусть Майя там остается. Я также внедрил людей в дома Назараха и Анушки.

— А если окажется, что Назарах виновен?

— Я его казню. — Назарах правил Атлантой только с позволения Рафаэля. — Самый сильный из них — это Дахприэль. — Он также обладает самым расчётливым умом. Отрубленная голова, оставленная в постели Анушки — это хорошо просчитанная угроза, которая как раз в стиле Дахаризэля.

— Если это он, — сказал Ясон, — то он начал действовать близко к дому — одну из

любимых наложниц Астаада вчера нашли выпотрошенной и заклеянной изнутри. Все указывает на то, что она была жива во время пытки.

— Итак... — похоже, ничто, кроме смерти — жестокой и безжалостной, не удовлетворит несостоявшегося архангела. — Астаад не проинформировал Совет.

Ясон никак не прокомментировал, сказал лишь одно:

— Гордость.

— Да. — Архангел, правящий островами в Тихом океане, наверное, пришел в ярость от того, что кто-то посмел пробраться за стены его гарема. — Ещё один архангел сражен. — Причём, самым трусливым способом. Но, опьяненный порочным удовольствием, ангел, стоящий за убийствами, видит всё в другом свете. Он, или она, станет рассматривать произошедшее, как истинную победу — в этом Рафаэль был уверен.

— Господин, есть ещё кое-что.

— Да?

— В её грудной клетке был найден ещё один кинжал Гильдии.

* * *

— Маленькая охотница, маленькая охотница, гдеее ты? — звучал игривый, монотонный, пугающий голос. Обняв согнутые в ногах колени, девочка пригнула голову, пытаясь стать ещё меньше. Шкаф пах кровью. Кровью Ари и Бэль. Она пропитала ее волосы и одежду, окрасила ноги. "Уходи, — думала она. — Пожалуйста, уходи прочь. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста..."

Она повторяла в голове эти слова, словно литанию. Её голос стал слабым и тихим. Где папочка? Почему он не приходит? И почему мамочки не было на кухне, как каждое утро? Зачем здесь этот монстр?

— Где ты прячешься, маленькая охотница? — жуткие шаги на мгновение остановились. Через мгновение раздался ещё более ужасающий звук — причмокивание губ.

— Твои сестры — самые вкусные. Прошу меня извинить — отлучусь, чтобы перекусить.

Она не верила ему. Снедаемая ужасом и тщетной яростью, не могла сдвинуться с места.

Спустя три секунды она услышала смех:

— Умная маленькая охотница

Он сделал глубокий вдох, словно дышал сбежавшим воздухом. Ее же ноздри горели от едкого запаха какой-то пряности, названия которой она не знала, имбиря и...золотого, ясного света. Ей было противно от того, что это мерзкое создание пахло, как летний день и теплые объятия матери. От него должно нести гнилью и удобрениями. Это стало ещё одним унижением, очередной болью, пополнившей список мучений, высеченных у нее на сердце. Ари и Бэль больше нет. Она подавила рыдания, прижав кулак ко рту, понимая, что ее сестры больше никогда не станцуют с ней на кухонном полу. Ноги Бэль, такие длинные и красивые, были сломаны и вывернуты под неестественным углом. А Ари...чудовище зарылось лицом в кровавое месиво, в которое превратилась ее шея — только тогда Елена нашла в себе смелость последовать приказу умирающей сестры и бежать. Но кровь, кровавые следы её выдадут. Она затаилась и ждала. Он ходил где-то рядом.

Ей показалось, что он поднялся на второй этаж, но биение её сердца было таким

сильным, что заглушало все остальные звуки. Она не могла верить тому, что слышала, не могла бежать. Ведь он мог стоять в холле, поджидая её. А потом стало слишком поздно, и она услышала его шаги в комнате.

— У меня для тебя сюрприиииииз.

Раздался тихий скрип, а затем он выкрутил ручку шкафа, где пряталась Елена. Она вжалась спиной в деревянную стенку, но спрятаться было негде и отступать некуда.

— Попалась! — Сквозь отверстие от пропавшей ручки на неё смотрел идеального карего цвета хитро прищуренный глаз.

— Вот ты где.

Елена ткнула в отверстие вязальной спицей, которую взяла из маминой корзинки, стоящей в гостиной, и пронзила его глаз точно по центру. Жидкость расплескалась Елене на руку, но ей было наплевать. Что привлекло ее внимание, так это его крик — резкий, душераздирающий, полный боли. На ее губах появилась дикая полуулыбка. Когда монстр пошатнулся, Елена вылезла из шкафа и побежала мимо него наверх. Ей следовало выбраться наружу, звать на помощь, но она хотела увидеть маму, убедиться, что она жива, что она дышит. Елена вошла в спальню родителей, захлопнула за собой двери и закрыла их на замок.

— Мама! — позвала она, но ответа не было. Когда она осмотрелась, облегчение накрыло её с головой. Потому что мама просто спала.

Она побежала к матери, оставляя на ковре кровавые следы, которые становились всё меньше, и потрясла ее за плечо. И тогда увидела кляп у неё во рту и кинжалы, воткнутые в ее запястья и лодыжки.

— Мама, — нижняя губа Елены задрожала, но она потянулась, чтобы вынуть кляп. — Я помогу тебе, Помогу.

Ужас, который вдруг отобразился в глазах ее матери, стал для Елены предупреждением и заставил обернуться.

— Плохая маленькая охотница.

Монстр потряс перед ней ключами от спальни, вытащил спицу и уставился на нее с любопытством, горевшем в единственном оставшемся глазе — второй кровавым месивом стекал по щеке.

— Как думаешь, мамочке понравится подарок?

— Елена, проснись!

Елена быстро встала на колени и потянулась за кинжалом, который, по привычке, прятала под подушкой. Рафаэль увидел, как она уставилась на него сверху вниз, замахнувшись ножом, готовая перерезать ему горло.

Перед глазами стояла красная пелена, сухожилия дрожали от напряжения "Елена. — Она почувствовала запах моря и ветра. — Ты в безопасности".

— Я никогда не буду в безопасности, — проговорила она, сдерживая крик. Ее слова были такими напряженными и наполнены такой болью, что Рафаэль едва их расслышал. — Он преследует меня во снах.

— Кто?

— Ты знаешь, — она хотела опустить нож, но мышцы её не слушались.

— Скажи вслух. Пусть он станет реальным, а не призраком.

Во рту Елена ощутила горьковатый привкус ярости.

— Слейтер Паталис. — Самый известный вампир-убийца за последние десятилетия. — Мы стали его последней закуской.

— В отчётах говорится, что охотники смогли его поймать благодаря тому, что ты его обездвигила.

— Я помню, как проткнула ему глаз, но это бы его не остановило. — Она, наконец, разжала пальцы, уронив нож. Если бы Рафаэль не поймал его в воздухе, то тот порезал бы ей ногу.

Архангел положил оружие на столик у кровати и спросил:

— Твои воспоминания неполные?

— Они возвращаются, часть за частью. — Елена уставилась на стену, но видела перед собой лишь кровь. — Я всегда помнила лишь урывки, но теперь думаю, что это смешавшиеся части одного целого. То, что я увидела сегодня...

Глаза начало щипать, руки сжались в кулаки.

— Это чудовище сломало моей матери ноги и руки, пригвоздило к кровати, заставляя слушать, как он убивал Ари и Бель.

Рафаэль раскрыл объятия:

— Иди сюда, охотница.

Елена покачала головой, не желая проявлять слабость.

— Даже у бессмертных бывают кошмары, — тихо проговорил Рафаэль.

Она знала, что он говорит не о ней. Почему-то, от этого стало легче. Елена бросилась в объятия Рафаэля и уткнулась лицом ему в шею — чистый, выразительный, присущий только ему запал, наполнил её лёгкие.

— Позже я увидела разводы на ковре и поняла, что она пыталась добраться до нас, невзирая на ужасные раны. Но он вернулся наверх и снова положил её в ту кровать.

— Твоя мать боролась за вас.

— Вскоре после того, как я её нашла, она потеряла сознание. Я тогда так испугалась, боялась остаться с ним наедине. Но теперь её обморок мне кажется благодатью.

Внутри у неё всё перевернулось, поскольку в самых потаенных уголках сознания она знала: Слейтер надругался над её матерью и заставил Елену смотреть.

— Я была в сознании, потому что вскоре должна была вернуться Бет из своей ночевки у подруги. Я не могла позволить этому монстру добраться и до неё. Но он исчез раньше.

— Значит, твоя младшая сестра избежала кошмара.

— Не знаю, — ответила Елена, вспоминая отсутствие понимания на маленьком личике Бет на похоронах Ари и Бель. — Это была её первая ночёвка. Не думаю, что после этого она провела хоть одну ночь вне дома. Глубоко внутри она боится того, что может застать, когда вернется.

— Ты тоже прячешь страх, — пробормотал Рафаэль. — О чём же ты так боишься говорить?

— Думаю, он что-то сделал со мной, — проговорила она сквозь слёзы, которым не давала пролиться. Тогда он оставил её и Маргарэт в живых, в то время, как Ари и Бель лежали мертвые на кухонном полу.

— Расскажи мне, — голос Рафаэля напоминал ледяной бриз.

Елена обрадовалась прохладе, окутавшей ее подобно защитному одеялу.

— Я пока ещё не вспомнила ту часть. — Ее сердце сжалось, забившись в панике только от одной мысли об этом, но она прижалась к крепкому телу Рафаэля и встретила свои страхи с высоко поднятой головой. — Что бы тогда не произошло, это было настолько ужасно, что я все это время блокировала события того дня.

— Возможно, твое перерождение воскресило воспоминания. — Объятия Рафаэля были крепкими, словно гранит, собственническими, оберегающими, надежными. — Кома, в которой ты находилась, разблокировала ту же часть твоего разума, что открывается для бессмертных во время аншары.

Он погружался в долгий исцеляющий сон после охоты на Урама, возвращался во времена своего детства, вспоминал невероятно прекрасное лицо матери, когда она смотрела на сына, истекающего кровью на лугу.

— Это может пробудить воспоминания, которые потускнели со временем настолько, что мы считаем их давно исчезнувшими.

— Ничто не исчезает навсегда. — Рафаэль почувствовал теплое дыхание у своей шеи и ладони, и прижатые к груди ладони. — Мы обманываем себя, что забываем, но воспоминания никуда не деваются.

Рафаэль погладил блестящие, почти белые волосы Елены. Когда они падали на руины Манхэттена, эти пряди свисали с его руки, словно знамя. Память о некоторых событиях высечена на камне.

— Что тебе снилось во время аншары?

— Об этом не рассказывают. У каждого ангела свое путешествие.

Елена положила ладонь ему на сердце.

— Думаю, там каждый встречается со своими демонами.

— Да. — А потом он принял решение, на которое не думал, что способен с того самого дня, как Калианна ступала легкими шагами по траве, покрытой росой, и чистым голосом напевала старую колыбельную. — Мне снилась моя мать.

Елена замерла.

— Не отец?

— Мой отец был монстром, о котором все знали. — Его мать же стала ночным кошмаром, непостижимым, никому не ведомым — Калианна поцеловала меня на прощание, когда я лежал, истекая кровью, после сражения, которое выиграть мне было не по силам.

Но он должен был попытаться остановить то безумие, что тёмным пятном заволакивало глаза его матери.

— Тогда я видел ее в последний раз.

— Её убил Совет?

— Никто не знает, что с ней стало.

Эта тайна не давала ему покоя на протяжении сотен лет и, скорее всего, будет преследовать еще несколько тысячелетий.

— Она просто исчезла. После того дня, как Калианна ушла, о ней больше не было никаких известий. — Рафаэля также не могли найти... долгое время. Такой юный и искалеченный, он не мог позвать на помощь, а лежал там, словно птица с перебитыми крыльями.

— Думаешь, она знала? — спросила Елена печальным голосом, — что пожертвовала своей жизнью, чтобы облегчить тебе задачу.

— Некоторые так говорят. — Рафаэль провел пальцами по крыльям Елены, как и всегда очарованный цветами, которые делали его охотницу уникальной даже среди ангелов.

— А ты?

— Когда у ангелов впереди тысячелетия жизни, иногда они выбирают длительный сон до тех пор, пока не пожелают проснуться.

Тайные, никому не известные места — вот где находят покой ангелы, когда вечность становится бременем.

— Думаешь, Калианна спит?

— Пока я не увижу ее тело и место, где она покоится... да, я считаю, что моя мать спит.

"Шшш, тихо, мой милый, шшш".

Следующие шесть недель пролетели в яростных тренировках и уроках полета — с Рафаэлем, когда он находился в Убежище, или с Галеном, если архангел возвращался в Башню.

В свободное время Елена поглощала столько информации, сколько могла, или же навещала Сэма. К счастью, мальчик исцелялся намного быстрее, чем кто-то мог предположить. Ноэль также находился на пути к выздоровлению.

В Убежище больше не было открытых проявлений насилия... если не считать окровавленные кинжалы Гильдии, которые оказывались в местах, где появлялась Елена.

Оказалось, что кровь принадлежала Ноэлю, так что все сомнения о происхождении угрозы исчезли. К сожалению, на кинжалах не было запаха вампира. Да и способности Елены по отслеживанию ангелов оставались неустойчивыми.

Разочарованная отсутствием конкретных зацепок, но преисполнена решимости не стать легкой мишенью, одним холодным утром, Елена как раз занесла очередной кинжал в экспертно-криминалистический центр и столкнулась с дочерью Нехи.

— Намасте.

Приветствие слетело с губ невероятно красивой женщины с величественным взглядом тёмных миндалевидных глаз... если не замечать расчетливости, скрытой за этой внешностью.

Елена ответила спокойно и вежливо. Пока ничто не указывало на то, что Анушка — та, кого они ищут, а как дочь Нехи, она была силой, которую Елене не стоило злить без причин.

— Намасте.

Анушка оглядела ее с ног до головы, не пытаясь скрыть свой оценивающий взгляд.

— Мне было любопытно на тебя взглянуть. — Легко заявила она, грациозно проходя вперед в белом сари, украшенным вышивкой бирюзового и розового цвета.

— Ты выглядишь как человек, но имеешь крылья, — пробормотала Анушка. — Должно быть, твоя кожа сохраняет каждый синяк, каждую рану. — Такие небрежные слова, а в них тайная угроза.

Елена ответила правдой.

— Твоя кожа безупречна.

Ангел моргнула, словно от удивления. Затем Анушка лишь слегка наклонила голову.

— Думаю, что не слышала комплимента от другой женщины-ангела, по крайней мере, уже несколько столетий.

Её улыбка должна была казаться очаровательной, и все же...

— Пройдешься со мной?

— Боюсь, мне нужно идти на тренировку. — Елена краем глаза заметила Галена и понадеялась, что он не станет приближаться. В данный момент, Анушка выглядела просто любознательной, но малейший признак агрессии мог все испортить.

— Конечно, — продолжила Анушка, небрежно махнув рукой, — Рафаэлю, должно быть, приносит беспокойство наличие столь слабой пары.

У Елены возникало ощущение, что по коже ползают насекомые, когда она, уходя, повернулась к ангелу спиной. Охотница почти обрадовалась, что догнала Галена — сейчас попытки защититься от выпадов оружейного мастера казались куда предпочтительнее

словесного фехтования с женщиной, которая вполне могла оказаться настоящей змеей. Если верить слухам, Анушка росла, поглощая яд вместе с молоком матери.

Дрожь пробежала по телу Елены, она была более чем готова целиком посвятить себя изнурительным физическим тренировкам. Но другое порождение Нехи — Вэном — прервал только начавшийся урок рукопашного боя.

Вампир остался верен своим предпочтениям в выборе одежды, одев чёрный костюм и такого же цвета рубашку. Но, в этот раз, в его улыбке не было и намека на насмешку.

— Пойдем. Сара ждет тебя на линии.

Елена быстрым шагом шла рядом с ним.

— Что-то случилось с Зои? — От страха за крестницу ее горло сжалось.

— Тебе стоит самой с ней поговорить.

По дороге в офис Рафаэля, поднимаясь по лестнице, Елена зацепила крыльями ступеньки. Она инстинктивно приподняла их — сейчас это действие стало второй натурой, и все благодаря Галену, который не единожды укладывал ее на лопатки. Он не давал ей спуску. Любая ошибка — и Елена падала. Она была благодарна, ведь от возрожденных Ли Дзюань вряд ли стоило ждать пощады, если старейшая из архангелов решит натравить своих любимцев на гостей.

Вэном привел ее в коридор возле офиса и встал на страже у двери. Даже не спрашивая, Елена знала, что Иллиум находится где-то неподалеку — если Рафаэль находился вдали от Убежища, с ней оставалось как минимум двое из его Семерки.

Это раздражало ее, даже злило. Но факт оставался фактом. Елена вновь обрела свою силу, оттачивала мастерство, но архангелом не была, и если отложить в сторону угрозы с кинжалами, в Убежище все еще находилась Микаэлла. Какую бы слабость не питала архангел к детям, Елену она ненавидела.

В последний раз, когда Елена беседовала с Рэнсомом, он рассказал ей, что вампиры делают ставки на то, доживет ли она до бала Ли Дзюань, не говоря уж о том, чтобы его пережить.

— Ты знаешь, что за твою голову назначена награда?

Вообще, тому, кто принесет Микаэлле не только твою голову, но и обе руки, награда будет в три раза больше.

Как только Елена вошла в офис, она схватила телефонную трубку и воскликнула:

— Сара?

— Елли. — Голос Сары звучал странно, со смесью беспокойства и злости. — Твой отец ждет на другой линии.

Елена сжала трубку. При их последней встрече Джеффри Дэверо назвал ее шлюхой.

— Что ему надо?

— Кое-что произошло. — Пауза. — Я могла тебе сказать, но в этот раз, это его право.

Нахмурившись, Елена кивнула, хоть Сара и не могла ее видеть.

— Переведи звонок. Давай покончим с этим. — Она поклялась себе, что не позволит ему причинить ей еще больше боли. Мужчина, который боролся за ее право в последний раз взглянуть на сестер и попрощаться с ними, давно ушел, а ублюдок, занявший его место, слишком часто ранил ее чувства.

Сара не стала попусту тратить время. Раздалось шипение воздуха, а затем — тишина.

— Да? — Промолвила Елена, не в силах назвать его отцом.

— Ты должна вернуться в Нью-Йорк. Это связано с твоей работой. — Последнее слов

было наполнено той же неприязнью, которая проскальзывала в речах ее отца, каждый раз при упоминании ее способностей рожденного охотника, с тех пор, как Елена себя помнила.

И теперь он считал ее вампиром. Даже удивительно, что он вообще соизволил с ней поговорить. Елена еще сильнее сжала трубку.

— Что?

Возникла пауза, наполненная неловкостью давно невысказанных слов.

— Прошлым вечером кто-то осквернил могилу твоей матери.

Ли Дзюань. Леденящая ярость заклубилась внутри Елены.

— Они забрали ее?

— Нет, — коротко ответил Джеффри. — Преступника спугнул вампир, который, как выяснилось, принадлежит Рафаэлю.

У Елены от облегчения подогнулись колени. Конечно же Рафаэль оставил охранников на могилах ее семьи, после подарка, присланного Ли Дзюань. Елена оперлась о стол, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос не выдал волнения.

— Наверное, пришло время последовать желаниям мамы, кремировать ее тело и развеять пепел по ветру.

"Чтобы я смогла летать, *chérie*"

Так ответила Маргарита Елене, когда та спросила ее о подслушанном разговоре. Мама и Джеффри обсуждали, что она хотела бы сделать, если умрет раньше мужа.

— В этом не будет нужды, если ты сможешь держать своих друзей подальше от нее. — Каждое слово было намеренно грубым, предназначенным ранить посильнее.

Поморщившись, Елена ответила:

— Нужда есть, но с другой стороны, ты никогда не умел держать свои обещания. — Не дожидаясь ответа, она положила трубку и прижала дрожащую руку ко рту.

В следующее мгновение, дверь позади нее открылась. Даже не оборачиваясь Елена поняла, что Рафаэль вернулся домой ради нее.

— Они ее не тронули?

— Они даже близко не смогли подобраться к надгробию. — Сильные руки обхватили ее плечи и притянули к теплой мужской груди.

— Отец выставил все в таком свете, будто они ее выкопали. — Елена положила свои ладони поверх его. — Почему ты мне не сказал?

— Я узнал по пути. — Рафаэль поцеловал ее в щеку. — Хотел рассказать тебе лично, я не думал, что Джеффри все так быстро узнает.

— Мой отец знает всех, кого только можно. — Как законопослушных граждан, так и преступников, хотя Джеффри ударил бы ее, если бы она упомянула о последних. — Тот, кто пытался добраться до могилы моей матери. Твои люди его поймали?

— Да. — От тихого признания, волоски на шее Елены приподнялись. — Он был возрожденным.

Она резко вдохнула.

— Ему хватало ума, чтобы самому выполнять приказы?

— Похоже, он возродился совсем недавно. — Рафаэль скользнул руками вдоль ее плеч, а потом отошел, чтобы открыть балконную дверь. — Они не разговаривают, но Дмитрий клянется, что видел в глазах возрожденного мольбу о милосердии, когда его поймали.

— Он хотел жить?

— Нет. — Рафаэль протянул руку.

Елена приняла ее, позволяя Рафаэлю вывести себя под прохладный ветерок на балконе. Они стояли бок о бок, соприкасаясь крыльями. Подобной близости Елена не позволяла никому, кроме него.

— Почему он не сбежал и не совершил самоубийство, если была возможность?

— Ли Дзюань контролирует свои куклы. Хотя, я не верю, что ее контроля хватает на такие расстояния, и это заставляет задуматься, не упустили ли люди Дмитрия кого-то еще.

— Кого-то, за кем должен был следовать возрожденный. — Елена выдохнула, задаваясь вопросом какое же зло смогло испугать мертвеца. — Что Дмитрий с ним сделал?

— Дал то, чего он желал.

Елена сжала перила.

— Хорошо. — Она хотела бы такой же милости, если когда-нибудь превратится в страшного пробужденного мертвеца Ли Дзюань.

— Ее игры, — вновь заговорил Рафаэль, — накаляются. Действие у могилы твоей матери произошло на моей территории и нарушило нашу договоренность не появляться на землях других архангелов без разрешения.

— Правдоподобное отрицание. Она всегда сможет сказать, что ничего не знала о действиях своих подчиненных.

— Мы все будем знать, что это ложь, но да, Ли Дзюань достаточно далеко, чтобы удостовериться. — Рафаэль расправил крылья и в легкой ласке провел одним из них по спине Елены. — Пришло время сделать ответный шаг.

Она взглянула на него, увидела безжалостный изгиб его челюсти и вспомнила, что перед ней Архангел, который уже казнил одного из себе подобных.

— Ты уже его сделал.

Губы Рафаэля изогнулись в улыбке, которую не пожелал бы увидеть ни один смертный.

— Ли Дзюань считает, что статус старейшей из нас делает ее неприкосновенной.

— Ты сможешь ее убить, если возникнет необходимость?

— Я не уверен, что Ли Дзюань может по настоящему умереть. — Ужасающие слова он проговорил с тихой мощью. — Существует возможность, что она прожила слишком долго, стала истинно бессмертной и находится между жизнью и смертью.

— Вот только, — ответила Елена, чувствуя, как ее кожа покрылась мурашками, — выглядит так, будто живым она предпочитает мертвых.

— Да.

— Блять! — Иллиум уклонился от кинжала, развернулся и обнаружил, что одно его крыло пришили к стене. — Два ножа — это жульничество!

Что-то дикое заставило Елену удовлетворенно улыбнуться — бедный Иллиум стал жертвой её несдержанности, спровоцированной вчерашним звонком Джеффри.

— Один ноль в пользу охотницы.

Синекрылый ангел потянулся и вытащил кинжал. Опустившись на землю, он протянул нож Елене рукояткой вперед.

— Тебе просто повезло.

— А ты не умеешь проигрывать.

— Мне уже стало жалко смотреть, как ты всё время промазываешь.

— Ах, вы только взгляните, — сказала она, театрально вздохнув, — кажется, я вырвала несколько перьев. Бедный, бедный Колокольчик.

Он улыбнулся, золотые глаза сверкнули озорством и способностью веселиться, которая, казалось бы, отсутствовала у всех бессмертных.

— В следующий раз, — сказал Иллиум, — я заставлю тебя побегать так, что твое бессознательное тело придется отсюда уносить.

Почистив клинок, Елена спрятала его в ножны на запястье и приподняла руку, чтобы прикрыть наигранный зевок.

— Если вы двое закончили, — прервал их Гален в своей хмурой манере, — у нас остался еще час.

Елена посмотрела на крыло Иллиума и увидела, что оно уже почти полностью исцелилось. — Думаю, самое время проделать в тебе еще несколько дырок.

— Знаешь что, — ответил Иллиум, — если сумеешь три раза подряд в меня попасть, я подарю тебе бриллиантовое кольцо.

— Лучше инкрустированные диамантами декоративные ножны — и мы договорились.

Иллиум приподнял бровь.

— Не очень практично.

— Практично, если планируешь их носить вместе с бальным платьем.

— Ах, понятно. — Глаза Иллиума заблестели от интереса. — Ладно. Но если не сумеешь попасть трижды подряд, то придется взять меня с собой на охоту.

— Зачем? — недоуменно спросила Елена. — Это жаркое, потное и зачастую изнурительное занятие.

— Хочу посмотреть, как ты охотишься.

Внезапно Елена вспомнила, что Иллиум очарован смертными. Может поэтому он так сильно ей нравился. Он рассматривал ее прежнюю жизнь не как слабость, а как дар.

— Хорошо.

Иллиум протянул ладонь.

— Тогда по рукам.

Елена пожала ее в ответ.

— Теперь делай свою работу, мотылёк.

Порывом ветра Иллиум поднялся с земли, и одно синее перо опустилось Елене на руку. Она спрятала его в карман, приберегла для Зои. К этому времени, у нее уже было несколько

перьев от Рафаэля с золотистыми кончиками, два от Иллиума и парочка своих собственных.

— Давай!

Сосредоточившись на цели, Елена сбалансировала в ладони метательный кинжал и стала в стойку. Ее зрение стало острее, чем у обычного человека, но не намного... пока что. В конце концов, она еще дважды задела Иллиума и промахнулась в третий. Ей не хватило чуть-чуть — нож почти что задел перо. Иллиум опустил вниз.

— Я собираюсь на охоту.

— Посмотрим, будешь ли ты улыбаться, когда мы окажемся в каком-нибудь комарином болоте.

— Я не боюсь кома...

Не успел Иллиум договорить, как Елена развернулась на каблуках, учуяв запах трех незнакомых вампиров. Но в дверях она увидела ангела, его экзотические скулы и почти черные глаза не шли ни в какое сравнение с удивительными крыльями, которые Елена успела заметить, прежде чем он сложил их. Темно-серые с прожилками насыщенного, яркого красного цвета. Потрясающие крылья. Но вместо восхищения, Елена ощутила страх, первобытный и глубокий, от него все внутри сжалось, чувства и рефлексы обострились.

— Кто он? — Елена ощущала давление его силы, сокрушающую тяжесть.

Раздался скользкий звук металла, покидающего ножны.

— Кси принадлежит Ли Дзюань. — Иллиум оставался возле Елены, когда Гален направился к другому ангелу, чтобы поприветствовать его. — Ему девять сотен лет.

— Почему он не архангел? — своей мощью он мог сравнивать с землей целые города, уничтожать тысячи.

— Пока жива Ли Дзюань, Кси будет становиться сильнее. Но без нее его тело не сможет удерживать эту мощь.

— Все архангелы могут так делать? — спросила она, чувствуя, как покалывает кожу, когда глаза Кси скользнули вдоль видимой части ее крыльев. — Делиться силой?

— Только Ли Дзюань.

Гален о чем-то спорил с Кси и наконец, несколько минут спустя, китайский ангел пристукнул стопами в почти военном жесте и передал ему блестящую деревянную коробку. Но его глаза задержались на Елене на долгую, пробирающую до костей секунду. Как только Кси ушел, Елена направилась к Галену. Рыжеволосый ангел стоял к ней спиной и смотрел на вход. — Будет лучше, — очень четко заговорил он, — если ты подождешь возвращения Рафаэля, прежде чем откроешь коробку.

— Рафаэль ушел на встречу с Микаэлой и Илией. Это может занять несколько часов.

— Я сообщу господину...

— Нет. — Елена положила руку на коробку и почти вздрогнула от нечеловеческого холода. — Эта встреча важна — она имеет какое-то отношение к Титусу и Кэрзмону.

Иллиум с угрюмым выражением лица коснулся ее плеча. — Ли Дзюань играет в свои игры, Елена. Не открывай коробку без Рафаэля. Елена понимала, что в физическом плане она слабее, хоть это и раздражало, но охотница больше не могла терпеть.

— Назови мне причину.

— Я не знаю что там внутри, — ответил Иллиум, его глаза затуманились, превращая золото в нечто бритвенно острое, напоминая, что, несмотря на всю игривость, внутри него скрывалась такая же безжалостность, как и в человеке, которого он называл господином, — но знаю, что это должно ослабить Рафаэля.

— Считаешь, она навредит мне? — Елена взглянула на резные фигурки на коробке и смотрела, пока сложные узоры не сложились в тот ужас, которым и изначально являлись. — Трупы. Это все трупы.

— Думаю, — заговорил Иллиум, положив обе руки ей на плечи и поглаживая ее затылок пальцами, — существует много способов навредить человеку. И не все они физические.

Елена поиграла с защелкой и глубоко вдохнула, наполняя легкие.

— Я чувствую их запах. Свежая трава, смятая льдом; теплый шерстяной плед, усыпанный лепестками роз; шелк, пропитанный кровью.

Ее сердце заколотилось в груди, готовое к охоте, к погоне. Коробка под пальцами Елены нагрелась, будто высасывала ее жизненные силы. Отбросив прочь тревожные мысли, Елена сглотнула.

— Здесь куски вампира. Органы. Они всегда пахнут сильнее.

"Пришло время сделать ответный шаг".

Елена убрала руку от защелки.

— Мне не нужно открывать это. Я знаю что внутри. — Ли Дзюань просто вернула то, что отправил ей Рафаэль. И если одна часть Елены ужаснулась подобной форме предупреждения, то вторая — дикая, первобытная часть ее натуры, рожденная в пропитанной кровью комнате почти двадцать лет назад — злорадствовала. — Делай с этим, что хочешь. — Повернувшись на каблуках, Елена выбралась из объятий Иллиума и вышла на колючий мороз послеполуденных гор. Веном ждал ее возле каменистой скалы, которую оставили нетронутой ангельские руки. Казалось, настолько дикий фон не соответствует вампиру, который выглядел так, будто сошел со страниц какого-то высококлассного мужского журнала.

В черных линзах солнцезащитных очков отражалось потное, напряженное лицо охотницы, его же оставалось как всегда бесстрастным.

— Сколько нужно воска, чтобы сохранять волосы в таком идеальном порядке? — пробормотала Елена, попытавшись пройти мимо.

Он блокировал ее одним плавным движением.

— Это врожденный дар.

— Я сегодня не в настроении. — Она не собиралась попадаться в ловушку, расставленную Ли Дзюань, не хотела видеть в Рафаэле монстра, но... каждый раз, когда он делал нечто, что испытывало ее границы, новая реальность давала ей пощечину. Реальность, в которой архангелы играли с бессмертными, а смертные жили, словно являлись просто шахматными фигурами одноразового использования.

Венوم улыбнулся. Это зрелище многих женщин поставило бы на колени, исполненное эротическими обещаниями, и говорящее о том, что даже смерть в его руках могла быть прекрасной.

— Я пытался понять, что он в тебе нашел.

Елена ударила кинжалом, который держала в правой ладони, и лишь немного промахнулась, что спасло руку Венома от ранения. Уклонялся он донельзя быстро. Движения вампира напомнили Елене о животном, которое Неха избрала своим божеством, словно он никогда не был человеком. Но сегодня, даже этого не хватило, дабы пробудить ее любопытство. Елена продолжила идти. Мгновение спустя, вампир вновь возник рядом с ней.

— И Дмитрий, — бормотал Веном, — я понимаю, почему ему хочется с тобой поиграть.

Он любит кинжалы и боль.

— А ты нет? — Слишком хорошо Елене запомнилась сцена в гараже. Как Веном с невероятной грацией подходит к ошеломленной женщине, пораженной его безумной, граничащей с опасностью, сексуальностью. На его лице мелькнула мужская заинтересованность... но в глазах сверкал первобытный голод куда более холодного создания. — Ведь именно ты выделяешь яд.

— Как и ты.

Она остановилась, моргнула и оперлась ладонями о колени.

— Дерьмо. — Как могла она это упустить? Почему не спросила Рафаэля о последствиях превращения в ангела?

Откровенная и хладнокровная часть ее ответила одним словом. Страх. Она была напугана. Ей было страшно признавать неопровержимую истину о своей новой жизни. Елена боялась узнать, что в один прекрасный день посмотрит в глаза, столь же фанатически преданные, как у Джеральдин, и поймет — слишком поздно, она создала жертву. Добычу, вокруг которой бессмертные кружат, подобно стае акул. Чувствуя, как щеки запылали от румянца, она спросила:

— Когда?

Веном медленно усмехнулся.

— Когда придет время.

— Знаешь, — заметила Елена выпрямляясь, не смотря на внезапно сжавшиеся внутренности, — вся эта загадочность пропадает, когда ты так самодовольно ухмыляешься.

Ответ Венома был прерван коротким звуковым сигналом. Приподняв палец, вампир вытащил тонкий черный телефон и что-то прочитал на экране.

— Какая жалость, у нас нет времени для разговора. Ты должна подготовиться к встрече.

Елена не потрудилась спросить, с кем эта встреча — вампир просто использует эту возможность, чтобы ее позлить. Вместо этого, она быстро преодолела оставшееся до крепости расстояние, захлопнула дверь частного крыла прямо перед лицом Венома и разделась, пытаясь не думать о коробке, которую держала в руках и о том, что находилось под жуткой резьбой. Пятнадцать минут спустя в парадную дверь постучали. Елена вышла из душа, открыла и увидела старого вампира с мерцающими глазами. На шее у него висела измерительная лента, а из карманов торчали булавки. Его ассистент держал портновский мелок и чехол с тысячами образцами разнообразных тканей. Кажется, с нее сейчас будут снимать мерки для пошива платьев к балу Ли Дзюань. И все в голубых тонах.

* * *

Когда Рафаэль вернулся со встречи с Илией и Микаэлкой, его уже ждал Ясон. Чернокрылый ангел молчал, пока они не оказались в офисе Рафаэля.

— Майя обнаружила кое-что тревожное о Дахариеле. — доложил он и протянул файл.

Открыв папку, Рафаэль обнаружил там фотографию молодого человека, который только переступил порог, отделяющий мальчика от взрослого мужчины.

— Смертный?

— Нет. Ясон обхватил ладонью запястье второй руки так сильно, что Рафаэль заметил,

как кровь перестала поступать к тканям. — Его обратили пол тысячелетие назад.

Ещё до того, как Совет решил, что ни один смертный не может быть обращен до двадцатипятилетнего возраста без летальных последствий для своего создателя. Сегодня, смертные назвали бы обращение этого мальчика преступлением, но пятьсот лет назад, люди проживали короткую жизнь. В этом возрасте, парень уже мог быть отцом, и почти наверняка избрал свой путь в жизни.

— Три года назад он подписал контракт с Дахариелем и обязался служить ему пять десятилетий, — сказал Ясон, сильнее сжимая свое запястье.

Рафаэль закрыл файл.

— Чего ты мне не договариваешь, Ясон?

— Парня не видели с прошлого года.

Рафаэль ощутил темную волну гнева. Обращенные находились во власти своих создателей, а после истечения срока первоначального договора, если они сами не могли о себе позаботиться — на милости тех, кому отдали свою верность. Слишком многие делали неверный выбор.

— Убийство не является преступлением, если вампир подписал контракт.

Нечеловеческий закон, но ведь и вампиры людьми не были. Во многих случаях, они оставались едва сдерживаемыми хищниками. Но ангелы тоже были хищниками. И этот мальчишка сам отдал себя в руки одного из них.

— Парень не мертв, — сказал Ясон, чем удивил архангела. — Похоже, Дахариель держит его в клетке для личных... развлечений.

Невыразительный тон произнесенных слов рассказал Рафаэлю о развлечениях Дахариеля больше, чем что-либо еще.

— А поскольку он сам подписал контракт на службу Дахариелю, никто не может ничего сделать, чтобы ему помочь.

— Что же Дахариель пообещал взамен на преданность этого вампира? — Убийство не было преступлением, но существовали определенные не писанные законы, следование которым защищало структуру их мира от самоуничтожения. Один из таких законов требовал, чтобы подписанный контракт исправно исполняли — с обеих сторон.

— Защиту от других ангелов. — Ясон невесело засмеялся. — Кажется, парень все еще слаб, после стольких лет существования. Он выживал, привязывая себя к тем, кто сильнее.

— Он сам избрал свою вечность, Ясон. — Жестоко, но верно. Нет никого, кто за пятьсот лет жизни не понял бы жестокости, порожденной возрастом; тьмы, что жила в сердцах многих бессмертных. Если парень подписал соглашение с Дахариелем, не изучив предварительно наклонности этого ангела, то ему придется жить с этой ошибкой — если он выживет. — Мы ничего не можем для него сделать. — Потому что Дахариель пообещал лишь защиту от других ангелов.

Ясон взглянул в глаза своего архангела, его черные зрачки почти сливались с радужками почти такого же оттенка.

— Согласно его разговорчивым домочадцам, Дахариель получает особенное удовольствие, мучая парня столь медленно, что часть ран успевает заживать для новых издевательств. Они говорят, что вампир уже безумен. — Рафаэль видел, что Ясон борется со своей яростью, но последующие слова он произнес с ледяной рассудительностью: — То, как изувечили Ноэля, подходит под методы Дахариеля.

— Астаад не пойдет против него только из-за этого. — Поскольку так он признает, что

пригрел змею среди своих.

— Майя продолжит наблюдение. Я также получил информацию из окружения Анушки.

— Что-нибудь важное?

— Она стремится превзойти мать, но перестала накапливать силы.

— Значит, она знает, что никогда не станет архангелом. — Этого может хватить, дабы толкнуть уже изломанную личность за грань. — Она узнала об этом недавно?

— Нет. Десятилетие назад. И она не выказывает никаких признаков деградации.

Принятие или маска — сказать никто не сможет.

— Директор Гильдии смогла отследить перемещение краденой партии кинжалов Гильдии на склад в Европе, через два дня после пробуждения Елены. — Рафаэля злило, что Елену преследовали, но его охотница, по мнению архангела, могла о себе позаботиться.

Итак, Ноэль пойдёт на поправку так же, как исцелился Рафаэль. То, что всех их изводило — это жестокое нападение, пережитое Сэмом.

— В то время Назарах ввязался в охоту на одного из своих вампиров — женщина сумела сбежать на территорию Илии.

Ясон кивнул.

— Его отвлекли. Не думаю, что кражу организовали именно в это время по случайности.

К такому же выводу пришел и Рафаэль.

— Посмотри, сможешь ли отследить передвижения Анушки и Дахариеля.

— Господин.

— Ясон, — позвал Рафаэль, когда его ангел повернулся, чтобы уйти, — ты не можешь спасти парня, но я могу выкупить его контракт. — Дахариель не откажет архангелу, особенно если он именно тот, кто причастен к убийству вампира, голову которого оставили на подушке Анушки с меткой секхема на лбу.

— Дахариель найдет другую жертву. — Глаза Ясона потускнели.

— Но не этого парня.

После того как, коротко кивнув, Ясон ушел, Рафаэль задался вопросом, исцелятся ли когда-нибудь шрамы на душе этого ангела. Многие сошли бы с ума после нескольких лет из "детства" Ясона. Но чернокрылый ангел выжил. И когда пришло время, он отдал свою верность Рафаэлю, используя свои навыки на службе у архангела. Если спасение этого парня подарит ему капельку спокойствия, то Рафаэль разберется с Дахариелем. А если окажется, что ангел именно тот, кто навредил Сэму, то Рафаэль получит еще больше удовольствия, медленно разрывая его на мелкие части, удерживая его на грани жизни, чтобы он почувствовал каждый ожог, каждый перелом и каждый порез. Потому, что хоть ангелы и являлись хищниками, вершину пищевой цепочки занимали архангелы.

— Ты наконец-то пришла поиграть? — произнес вампир с алеющей от крови улыбкой.

— Ты опоздала.

— Беги, — прохрипел надломленный голос. — Беги, Элли.

— Она не побежит, — засмеялся монстр и удовлетворенно улыбнулся, склонив голову к горлу Ари. — Видишь, ей это нравится.

Что-то окутало её тело, невидимая рука прижалась к самому чувственному месту. Она хотела закричать. Но не смогла отрыть рта, из горла не вырвалось ни звука... потому что ее телу это нравилось. Ужаснувшись, она впиалась ногтями в свою кожу, пытаясь содрать ее в отчаянной попытке остановить коварное, пугающее удовольствие. Тепло расцветало между ее ног, и юный ум не мог этого воспринять. Всклипнув, она начала царапать сильнее. Под ногтями появились потеки крови, руки покрылись рубцами. Ласка, запах — исчезли.

— Как жаль, что ты слишком юна для этого. Мы бы хорошо провели время. — Он вытер каплю крови со рта и протянул ей палец.

— Попробуй. Тебе понравится. Всё понравится.

***

Когда с наступлением ночи Рафаэль вернулся домой, то обнаружил Елену стоящей на краю скалы возле его крепости. Она смотрела на крошечные огни, сияющие у каждой пещеры вдоль всего ущелья. Елена обернулась, чтобы посмотреть, как он приземлился позади неё вспышкой раскалённого золота под серебром луны, а когда вновь повернулась к ущелью, ветер растрепал ее распущенные волосы.

— Гален рассказал тебе о том, что прислала мне Ли Дзюань? — спросила Елена, когда он подошел и встал рядом с ней.

— Конечно. — Гален доложил ему о реакции Елены, но сейчас он сам всматривался в ее лицо. Разглядывал строгие черты, среди которых только губы хранили намек на мягкость — его воительница, подумал архангел, протягивая руку, чтобы убрать с ее лица прядь волос.

Елена прикрыла глаза и выдохнула.

— Я понимаю, что на кону. Часть меня отчаянно радуется тому, что ты сделал.

— Но?

— Вторая часть меня желает ничего не знать об этом мире.

Он расправил крылья, защищая ее от сменившего направление ветра, и молчал, пока Елена разглядывала реку, струящуюся далеко внизу.

— Всё было неизбежно, да? — наконец спросила она. — В тот миг, когда я родилась охотницей, мне суждено было узнать кровь и смерть?

— Есть те, кого такое не коснется. — Их крылья соприкоснулись. — Но в твоём случае, да.

Лунный свет осветил ее щеки и архангел понял, что его охотница плачет.

— Елена. — Окружив ее своими крыльями, Рафаэль притянул Елену в свои объятия, путая пальцы в ее волосах. Что довело ее до слез?

— Тебя обидел твой отец? — Если бы Рафаэль мог убить этого мужчину, не уничтожив при этом Елену, то сделал бы так давным давно.

Она покачала головой.

— Он пришел за мной. — Вымученно прошептала она. — Слейтер Пэталис пришел к моей семье из-за меня.

— Ты не можешь этого знать.

— Знаю. Помню. — Когда она взглянула вверх, глаза ее казались сверкающими на дожде бриллиантами. — "Красивая охотница", — Произнесла Елена нараспев жутким голосом. — Красивая, красивая охотница. Я пришел с тобой поиграть.

Вскрикнув, Елена упала на колени. Рафаэль упал вместе с ней, укрывая ее теплом своих крыльев, и сжал напряженное тело в своих объятьях.

— Воспоминания приходят к тебе, когда ты бодрствуешь?

— Я читала один из текстов Джессами, ждала твоего возвращения и лишь на секунду прикрыла глаза. Теперь мне кажется, что воспоминания появляются при любой возможности.

Тело Елены сотрясало от рыданий.

— Все это время я ненавидела своего отца за то, что не стал слушать, когда я говорила о приближающемся монстре. А Слейтер пришел за мной. За мной! Я привела его к моей семье.

— Нельзя осуждать ребенка за действия зла. — Рафаэль не привык чувствовать себя беспомощным, но сейчас глядя на то, как прямо перед ним разбивается сердце Елены, сделать не мог ничего. Прижимая охотницу к себе, он шептал ей на ухо бессвязные утешения и боролся с желанием стереть ей память, чтобы подарить покой, в котором она так отчаянно нуждалась.

Это была одна из сложнейших битв в его жизни.

— Ты не виновата, — повторял Рафаэль. Его тело пылало гневом, который некуда было девать. Елена молчала и плакала так сильно, что дрожало все ее тело.

Прижавшись губами к ее виску, Рафаэль качал ее, пока звезды становились пронзительно яркими, пока гасли огни на уступах под ними, а в порывах ветра не начала ощущаться леденящая свежесть снега. Он держал ее пока не высохли слезы, а луна поцеловала ее крылья, как давно отвергнутый любовник. Затем архангел поднялся вместе с ней в небеса.

"Полетай со мной, Елена".

Она промолчала, но расправила крылья. Приглядывая за ней, Рафаэль поманил ее в дикий, волнующий полет через горные хребты и перевалы, сквозь леденящий встречный ветер.

Елена с мрачной решимостью последовала за ним, отыскивая способы обойти препоны, если не могла двигаться достаточно быстро и проскальзывать в те небольшие промежутки, где пролетал Рафаэль. Все это требовало концентрации — чего и добивался архангел. К тому времени как они приземлились, Елена еле держалась на ногах. Рафаэль внес ее внутрь и положил на кровать, легким ментальным толчком отправляя в сон без сновидений. Она разозлится на него, но ей нужно отдохнуть. Потому что их время на исходе.

Через неделю бал Ли Дзюань.

На следующее утро Елена лежала в кровати и наблюдала, как Рафаэль надевает одну из рубашек специального покроя, которая свободно ниспадала с обеих сторон крыльев. Охотница чувствовала себя слабой и обессиленной. Рафаэль обнимал ее всю ночь, не позволяя кошмарам завладеть ею. Ради него, Елена нашла в себе силы побороть вину, которая чуть ее не сокрушила. Сев на кровати, Елена пригубила кофе, чашка с которым стояла возле Розы Судьбы.

— Как края твоих рубашек держатся вместе снизу? — Она никогда не видела никаких пуговиц под вырезами для крыльев. Казалось, все из самых могущественных ангелов предпочитали маленькие и незаметные застёжки — практически невидимые. В отличие от них, молодым ангелам нравились более затейливые дизайнерские решения, столь же уникальные, как и их владельцы.

Рафаэль приподнял бровь.

— Я — архангел, и ты спрашиваешь у меня, как держатся вместе края моих рубашек?

— Мне любопытно. — Концентрируясь на этой теме, дабы отвлечься и уберечь свой разум от воспоминаний о прошлом, Елена отложила в сторону чашку и поманила его пальцем. Очевидно, архангел находился в хорошем расположении духа, поскольку, оставив рубашку не застегнутой, послушно пересек комнату. Затем оперся руками на кровать по обе стороны от Елены и склонился к ее лицу. Она не сомневалась ни на секунду, что его поцелуй — собственническое заявление прав. Долгий, медленный и глубокий, от него подгибались пальцы на ногах, он пробуждал каждую нервную клеточку, заставляя Елену гортанно стонать.

— Ты только дразнишься, — мягко упрекнула она, когда Рафаэль оторвался от ее губ.

— Должен же я как-то поддерживать твой интерес.

— Даже если мне суждено прожить миллион лет, — ответила она, попав в омуты бесконечной синевы, — не думаю, что когда-нибудь встречу мужчину, более пленительного, чем ты. — Спустя мгновение Елена ощутила себя невероятно уязвимой. Она прикоснулась ладонью к его горячей груди и попросила:

— Покажи рубашку.

Архангел приподнял ее лицо за подбородок и запечатлел на губах поцелуй — такое поведение только подтверждало, что он в хорошем расположении духа.

— Повинуюсь приказам моей леди, — ответил Рафаэль и повернулся к ней спиной.

Отбросив простыни, Елена села на колени.

— Здесь нет шва, — пробормотала она, рассматривая края прорезей, — ни пуговиц, ни молнии. Отчасти я ждала увидеть липучки.

Рафаэль кашлянул:

— Если бы ты не принадлежала мне, охотница, то я бы наказал тебя за такое оскорбление, — поддразнил её архангел. Осознание этого странным образом облегчило груз, лежащий у Елены на сердце.

— Ладно, сдаюсь. Как края держатся вместе?

Рафаэль повернулся к охотнице лицом и протянул руку.

— Смотри.

Ей понадобилась вся сила воли, чтобы перестать пялиться на его великолепную грудь и

повернуть голову. Елена подумала, что если не будет осторожной, то архангел сможет превратить её в свою рабыню. Но стоило Елене увидеть его ладонь, как её глаза внезапно распахнулись от удивления.

— Это то, о чём я подумала?

Синий огонёк плясал на его руке, и от этой картины сердце Елены забилося сильнее.

— Это не ангельское пламя, — ответил Рафаэль и сжал ладонь в кулак, прекращая огненное шоу, — а физическое выражение моей силы.

— Ты используешь его, чтобы соединять края? — спросила она вздохнув.

— Вообще-то они не совсем соединены. Присмотришься повнимательней.

Елена и так была очень сосредоточена, но сейчас подняла рубашку почти к глазам. И вот тогда увидела, как белую ткань рубашки пересекают огненные нити бледно-голубого цвета, такие тонкие, что их почти не видно. "Сколько же нужно силы, чтобы делать такое, даже не задумываясь?" — удивленно подумала Елена. Да, этот мужчина никогда не скажет ей, что она слишком сильная, или слишком быстрая, или выносливая.

— Почему мне кажется, что нам, простолюдинам, такое не под силу?

— Для того чтобы повернуть такое, нужно уметь удерживать свою силу за пределами своего тела. — Рафаэль повернулся к Елене и провел пальцем по ее нижней губе. — Пока у тебя недостаточно сил, так что вопрос бессмысленный.

Елена схватила Рафаэля за руку, посмотрела ему в глаза и спросила:

— Мне придётся создавать вампиров?

— Ты — не рожденный ангел, а обращенный, — ответил он, вновь лаская её губы. — Даже Кейр не знает ответа на этот вопрос.

Елене не нужно было спрашивать, чтобы понять, что Кейр — древний.

— Но если придётся...

— То нескоро. — Уверенно ответил он. — В твоей крови не нашли токсина, когда ты очнулась. И теперь тебя станут проверять несколько раз на год.

— Это тяжело? Обращать людей?

Рафаэль кивнул:

— Трудно выбрать. Совет заинтересован, чтобы исключать слабых или тех, кто с легкостью может сломаться, но случаются и ошибки.

Услышав то, о чём раньше он не стал бы распространяться, Елена поцеловала его ладонь.

— Правда, само действие может быть настолько интимным, насколько ты пожелаешь, — добавил он упавшим голосом. — Для многих это просто клиническая процедура, что-то похожее на переливание крови. Человека погружают в сон при помощи медицинских препаратов на время всего процесса.

Елена вздрогнула от облегчения.

— Я думала, всё будет так же, как когда ты меня поцеловал.

Интимность происходящего потрясла её тогда до глубины души. Глаза Рафаэля полыхнули кобальтовой синевой.

— Ничто не сравнится с нашим поцелуем.

С колотящимся сердцем Елена встала на кровати и положила руки ему на плечи. Архангел окинул взглядом её обнаженное тело.

— Елена.

Она поцеловала его, и он ответил с испепеляющей страстью, под которой всё же

чувствовалось напряжение.

— Скоро нам придётся выдвигаться в путь, я права?

— Да, — ответил архангел, медленно и нежно лаская её ягодицы. — Чтобы попасть в Пекин мы будем использовать транспорт, которым пользуются люди.

— Разве полет не более впечатляющий способ заявить о себе?

— Длительный полет требует мышечной силы, которой ты пока не обладаешь, — честно ответил он, в то время как его ладони опускались всё ниже...и ниже. — Нам на руку, если Ли Дзюань сочтёт нас слабыми — это сделает её беспечной. Мы должны использовать любое преимущество, если она и вправду пересекла грань и окончательно сошла с ума.

— Рафаэль... — Елена задрожала и запустила пальцы в его волосы. — Гален прав. Я делаю тебя слабым. И она знает мои уязвимые места.

— Я тоже знаю, но ты всё же владеешь моим сердцем.

* * *

Двумя часами позже Елена оказалась на вытоптанной земле тренировочного ринга, ставшего для неё таким же родным, как и собственное лицо. Возможно потому, что видела она его так же часто.

— Похоже, — начала она, уставившись в нечеловеческие, с вертикальными зрачками глаза партнёра по спаррингу, — время от времени ты всё же снимаешь костюм.

Вэном улыбнулся, обнажая клыки, на которых Елена однажды видела капельки яда. Его лицо преобразилось, вдруг стало невероятно привлекательным, оставаясь при этом всё таким же неизменно неземным. Вампир не просто снял костюм, а сменил его на свободные чёрные штаны (больше на нем ничего не было), ткань которых мягко струилась при каждом движении гибкого, как у змеи, тела. И это тело... точно заслуживало ещё одного взгляда. Но Елену больше беспокоила непринуждённость, с которой он играл с тридцатисантиметровыми изогнутыми клинками. Они напомнили ей короткие мечи, но их лезвия были слегка короче и более выгнутыми — не так сильно, как у серпа, а чуть плавнее и мягче. Эти клинки олицетворяли смертельную красоту. Конечно, их происхождение не имело никакого значения. Важно было лишь то, что Вэном мог ними сделать. Елена ответила на ухмылку вампира такой же самоуверенной улыбкой.

— Ты не поймал нож, который я в тебя швырнула в Нью-Йорке.

Он пожал плечами, его мышцы плавно перекачивались под загорелой кожей.

— Поймал.

— За кончик острия. — Елена проверила лезвия длинных тонких клинков, полученных от Галена. Они оказались короче, чем те рапиры, с которых она начинала своё обучение, и сбалансированы таким образом, чтобы их можно было метать, как ножи. Если мечи Вэнома создавались для красоты, то её — для мощи и возможности нанести максимальный урон. И при необходимости, этими обоюдоострыми лезвиями Елена с легкостью могла вспороть кого угодно с хирургической точностью. — Слишком небрежно.

— Значит, сегодня мне придётся навестить. — Немного пригнувшись к земле, Вэном начал очень медленно обходить Елену вокруг.

Она двигалась в противоположном направлении, стараясь понять, в чём его секрет.

Большинство людей, так или иначе, выдавало свои намерения. Елена, например, положением ступней. Ей понадобились годы тренировок, чтобы избавиться от привычки поворачивать их в том направлении, куда она собиралась двигаться. Ноги Вэнома не выдавали ноги. Елена переключила свое внимание на следующую по выразительности часть тела — глаза. Когда же она встретилась с Вэном взглядом, то воздух покинул её легкие. Её мозг с трудом воспринимал увиденное. Вдруг вертикальные зрачки сузились, и Елена перепугано шагнула назад. Вэном мягко засмеялся. Ублюдок играл с ней. Стиснув зубы, Елена не сводила с вампира глаз, продолжая кружить вокруг него. На втором круге она моргнула и слегка покачнулась. Вот чёрт! Она метнула один из клинков без предупреждения. Вэном отступил в сторону с молниеносностью змеи, но все же оказался на земле с ужасной раной на руке. В то же мгновение позади них оказался Гален.

— Что это было? — резко спросил он. — Если будешь разбрасываться оружием до начала поединка, то вряд ли останешься живой.

Елена не отводила взгляда от Вэнома. Вампир прижимал рукой кровоточащую рану, но улыбался. Медленно. Вызывающе. Провоцируя выдать его, пожаловаться. Опустив голову, Елена бросилась вперед... и вонзила второй клинок в землю прямо между его ног.

— Блядь! — он отполз назад и вскочил на ноги просто в нечеловеческой манере. Нормальные люди не могут двигаться с такой плавностью и грациозностью.

Теперь Гален смотрел на Вэнома:

— Ты пытался её загипнотизировать?

— Она должна быть готова к неожиданностям, — глаза Вэнома заблестели ярким зеленым огнём, когда он взглянул на Елену. — Ещё немного — и я бы преуспел.

— А прицелься я повыше — и тебе бы отрезало яйца, — ответила охотница, возвращая себе оружие. — Хочешь ещё поиграть, или займёмся делом? У нас нет на это времени.

— Мне нужно несколько минут, чтобы исцелится, — сказал он и убрал ладонь, демонстрируя всё ещё кровоточащую рану. — Теперь мы с Дмитрием можем обменяться впечатлениями.

Проигнорировав лукавые слова вампира, Елена начала отрабатывать движения мечом, которые вбивал в неё Гален, когда она не была занята метанием ножей в Иллиума. Ангел молчаливо наблюдал за ней, пока она не выполнила все упражнения и коротко кивнул. Елена ощутила необъяснимое удовлетворение и направила меч на Вэнома.

— Готов?

Он завертел обоими клинками и ответил:

— Мне еще не выпадала возможность попробовать твоей крови.

"Подойди поближе, маленькая охотница. Попробуй".

Вокруг все стихло и замерло. Елена больше не ощущала дразнящего жара, пылающего в глазах Вэнома, не видела тонкого слоя снега, припорошившего землю, не обращала внимания на присутствие наблюдающего за ними Галена. Все, что её интересовало — это охота.

Вэном атаковал без предупреждения, двигаясь с молниеносной скоростью — это ещё больше делало его похожим на змею, чем глаза с вертикальными зрачками. Но Елена тоже не стояла на месте. Она ринулась вперед, скрестив перед собой мечи. Взмах рукой — и по груди вампира потекла тонкая струйка крови. Вэном произнес что-то, когда удар достиг цели. Но Елена ничего не слышала. Её разумом завладела лишь одна мысль — убивать. На этот раз монстру не удастся попасть в дом, он не убьет Ари и Бель, не разобьет сердце ее матери,

причинив столько горя, что она больше никогда не покинет ту кухню, наполненную криками ее детей. Елена уловила минутное напряжение мышц бедра вампира и среагировала быстрее него. В этот раз он увернулся от ее мечей, но не от ноги, которой она сделала подсечку. Но Елена допустила ошибку, и её бок словно опалило огнем. Дура. Она забыла, что теперь должна думать о крыльях. Бросив быстрый взгляд, чтобы убедиться, что крыло не сильно пострадало, Елена провернула в руке меч, заставляя сталь петь на холодном горном воздухе, и вновь вернула свое внимание к тем жутким глазам. Лиши его зрения — и он падет. Такая вот мысль, полностью лишённая эмоций, посетила Елену.

Зрачки Вэнома сузились. Он поднял мечи и принял защитную стойку, блокируя попытки охотницы нанести ему смертельный ущерб. Но Елена уже находилась за пределами здравомыслия и двигалась со скоростью и силой рожденной охотницы. Вэном что-то кричал ей, но она слышала лишь холодное шипение. И пыталась выколоть ему глаза. В голове что-то взорвалось, и всё заволокло черной пеленой. А потом её накрыла пустота.

Рафаэль, кипя от ярости, приземлился рядом с лежащей Еленой.

— Ты её спровоцировал? — спросил он, очень бережно поднимая её на руки.

Вэном вытер с лица кровь.

— Ничего такого, чего бы не говорил раньше. — Глаза вампира задержались на Елене. — Разве что пошутил, что ещё не пробовал её крови.

— Ты знаешь, что я убью тебя лишь за попытку совершить подобное.

— Наша задача — оберегать тебя от угроз, особенно тех, которых ты не осознаешь. — Вэном посмотрел ему в глаза и продолжил: — Микаэлла, Астаад, Кэризмнон — все они, рано или поздно, попытаются её убить, поскольку знают, что это тебя сокрушит. Лучше сейчас избавиться от проблемы.

Рафаэль раскрыл крылья, готовясь к битве.

— Она для меня важнее, чем все вы вместе взятые. Никогда не забывай об этом.

— А ты архангел. Если падешь — погибнут миллионы.

"Лучше, если вместо тебя погибнет молодой, пока ещё смертный ангел". — Эти слова остались невысказанными, но вполне понятными. Но Рафаэль никогда не пойдёт на такой обмен.

— Определись, кому принадлежит твоя верность, Вэном.

— Я сделал свой выбор два столетия назад, — ответил он и бросил взгляд на Елену. — Но если она ищет смерти, то найдёт её.

Хорошо понимая, о чём говорит вампир, Рафаэль взмыл в небеса, крепко прижимая Елену к своему сердцу. И неизбежно нахлынули воспоминания, как он так же держал её обмякшее тело в своих руках. Бессмертие не сделало её жизнь безопаснее, но дало шанс пережить грядущие невзгоды. Но Рафаэль ничего не мог поделать с воспоминаниями, которые не давали ей покоя.

Мысленный зов Галена достиг Рафаэля как раз вовремя. Если бы Елене удалось задеть глаза Вэнома, то хладнокровное создание, скрывающееся внутри него, вырвалось бы наружу и вонзило бы свои клыки в незащищенную плоть охотницы. Парализовав ее и оставляя биться в агонии. И вполне возможно, что, поддавшись голоду кобры, Вэном бы обезглавил Елену, а Гален даже не успел бы вмешаться. Тогда для Елены наступила бы истинная смерть.

Рафаэль положил Елену на кровать и ментально позвал её. Она застонала и замотала головой из стороны в сторону, словно сражаясь в жестокой внутренней битве. Его обещание — держать в рамках вмешательство в ее разум — боролось с инстинктами защитника,

терзающими его душу. Сегодня желание сделать по-своему было даже сильнее, чем вчера. Ведь влезть к ней в голову и стереть всё то, что доставляет ей боль так легко.

"Я лучше умру, будучи собой, чем останусь жить как тень".

Отбросив спутанные пряди с ее лица, Рафаэль позвал ее уже вслух.

— Елена.

Она распахнула глаза, и на какое-то мгновение их цвет — серебристо-серый, который привык видеть Рафаэль, изменился. Её радужки стали тёмными, как небо в полночь, преисполненные отголосками тысяч кошмаров. Но вот Елена моргнула, и всё вернулось в норму. Изумлённо уставившись на Рафаэля, она потёрла ладонью лоб.

— У меня такое ощущение, словно меня огрели дубинкой. Что произошло?

— Мне пришлось вмешаться, когда ты решила превратить тренировочный спарринг в смертельную схватку.

Рука соскользнула с её лица.

— Я помню, — прошептала Елена. — С Вэном всё в порядке?

— Да, — ответил Рафаэль, хотя переживал он за неё. — Воспоминания начинают проявлять себя, даже когда ты бодрствуешь.

Елена села в кровати.

— Я словно была другим человеком. Даже не так. Роботом, зацикленном только на одной мысли. — Похоже на Тишину.

Елена задрожала, вспомнив, каким был Рафаэль в Тишине — бездушным существом, с такой же легкостью размениваясь человеческими жизнями, как другие тушат спичку.

— Думаешь дело в изменениях... в бессмертии?

— Отчасти, — кивнул он. — Но, может быть, просто пришло время всё вспомнить.

Вспомнить то, что Елена хотела забыть навсегда.

— Я хочу поговорить с отцом.

— У него нет права на твои извинения.

Елена резко подняла голову.

— Как ты узнал?

— Чувство вины — это состояние твоей души. — Рафаэль провел ладонью по её лицу и, опустив руку ниже, обхватил пальцами шею. Затем наклонился к ней так близко, что их губы почти соприкасались и добавил: — Ты не станешь перед ним пресмыкаться.

Елена скривилась.

— Но ведь из-за меня Слейтер выбрал нашу семью.

И этого уже никак не изменить.

— А из-за твоего отца то, что осталось от вашей семьи распалось надвое.

Елена ничего не смогла ответить, поскольку Рафаэль был прав. Джеффри расколол их семью в тот день, когда выгнал ее из дома и оставил её вещи, словно какой-то мусор на ухоженном газоне Большого Дома. Соседи, живущие на этой модной улице, были слишком хорошо воспитаны, чтобы пялиться в открытую, но Елена ощущала их наблюдающие взгляды. Хотя её это не волновало. Её беспокоило лишь то, что он уничтожил отношения, которые и так держались на волоске, когда хотел сломать её окончательно. "Встань на колени и умоляй. Возможно, тогда я передумаю".

— Между нами зияющая рана, — ответила она, положив ладонь Рафаэлю на грудь, туда, где билось его сердце. — Я знаю: он ненавидит меня из-за того, что я привлекла Слейтера.

Он, как и Дмитрий, мог гипнотизировать охотников своим запахом. Но эта способность оказалась не единственным его талантом.

— А Дмитрий может меня выследить? — спросила Елена, и что-то внутри будто встало на свое место.

— Да.

Она подумала, что ни смертные, ни охотники об этом не догадывались.

— Это то, что сделал Слейтер. Он где-то учуял мой запах, изменил свой маршрут и пришел в наши окрестности.

Слейтер не должен был обладать такой способностью, поскольку был слишком молод. Но этого вампира ни в коей мере и никоим образом нельзя было назвать нормальным.

— Я чувствую, как он подбирается ближе. Ветер доносит его запах. — отчаянно пыталась убедить отца Елена. Она умоляла, просила и даже, в конце концов, устраивала истерики.

— Хватит, Элеонора, — сказал он, а затем со злостью приказал: — Маргарет, тебе пора прекратить рассказывать ей сказки.

— Но отец...

— Ты — Деверо, — сурово посмотрел на неё Джеффри. — Никто в этой семье никогда не был простым охотником. Ты не станешь первой. И сочинение всяких небылиц тебе не поможет.

Позже мама укачивала ее на коленях и успокаивала, шепча, что поговорит с отцом.

— Дай ему время, azeeztee. Традиции у твоего отца в крови и ему требуется время, чтобы принять что-то новое.

— Мама, но монстр...

— Может ты их и чувствуешь, но они просто живут своими жизнями, — мягко поучала её мать. — Быть вампиром совсем не значит быть злом.

В десять лет Елена не смогла объяснить, что она знает разницу и ощущает зло от того, кто приближается. К тому времени, как она нашла подходящие слова, стало слишком поздно.

* * *

Оставшиеся дни слетели незаметно. Большинство из них Елена проводила в тренировках с Рафаэлем, а в свободное время бродила Убежищем, прислушиваясь и приглядываясь ко всему вокруг. Согласно с информацией, полученной от Ясона, местонахождение Анушки и Дахариеля во время кражи кинжалов Гильдии оставалось неизвестным, но и связать это происшествие с ними напрямую не получалось. Что касается хороших новостей — то украденные ножи перестали появляться и ходили слухи, что Анушка и Дахариель, вместе с Назарахом, убрались на свои земли. Всё же, Елена не расслаблялась. Состояние постоянной напряженности, вместе с изнурительными тренировками очень изматывало, но ей это нравилось. Поскольку так не нужно было думать и принимать правду о той роли, которую она сыграла в смертях своих сестер и, в результате, матери. Так что Елена сосредоточилась на охоте, предстоящем бале и регулярных посещениях Сэма. И вот однажды, когда она шла по коридору лазарета после одного из таких визитов, всё полетело к чертям.

— Микаэлла.

Её глаза округлились от увиденного. Позади женщины-архангела валялись разбросанные тела, по крайней мере, одно из них принадлежало ангельской версии медбрата, его волосы спутались от чего-то мокрого, а стену, под которой лежало обмякшее тело, покрывали красные пятна.

— Охотница.

Архангел двинулась вперед. Платье багрового цвета тесно облегалo пышную грудь, ткань юбки свободно развивалась, а разрез на левом бедре открывал стройные ноги. Микаэлла выглядела ослепительно. Но сегодня... Елена сглотнула. Её платье было не багряным, а белым. Кровь пропитала его, и в некоторых местах мокрая ткань липла к телу. Лицо Микаэллы было чистым, прямые волосы блестели, но ногти покрывал слой засохшей крови. Архангел несла с собой смерть.

— Я пришла увидеть ребенка.

Елена не стала заблуждаться на счет Микаэллы, думая, что она оправдывается. Нет, она заявляла о своей воле. И охотнице стоило пропустить ее, но, помимо безобразия в одежде, во всем облике Микаэллы было что-то невообразимо жестокое. Что-то, что не должно находиться рядом с незащищенным ребенком.

— Ты получила разрешение на посещение? — спросила Елена, сжимая рукоятку пистолета, лежащего в кармане штанов.

Микаэлла махнула рукой в сторону Елены, как уже делала однажды. Но в этот раз Рафаэля не было рядом, чтобы ее остановить. Щека охотницы окрасилась кровью, на коже появился разрез, словно сделанный бритвой.

— Мне не нужно ничье разрешение, — архангел медленно улыбнулась и добавила: —

Ты знаешь, что даже на теле бессмертного можно оставить шрамы?

Елене показалось, что на секунду в глазах Микаэлле мелькнуло что-то странное — вспышка красного. Но, посмотрев вновь, она увидела лишь ослепляющие ярко-зеленые радужки.

— Возможно, ты и не причастна к ранениям Сэма, — ответила Елена, вытягивая пистолет, — но он находится под защитой Рафаэля. Если ты появишься в таком виде, то перепугаешь мальчика.

Микаэлла проигнорировала вторую часть заявления Елены.

— Ты ждешь, что Рафаэль тебя спасет? — звонко рассмеялась она. — Они с Илией полетели проверить противоположную часть Убежища. Похоже, появился слушок, что там нашли тело ангела.

— Да неужели?

Елена послала гордость к чертям собачьим и мысленно позвала на помощь, надеясь, что ее архангел в пределах слышимости. "Рафаэль!"

Микаэлла передернула плечами.

— Я сейчас же увижу ребенка.

В ту же секунду Елена оказалась прижатой к стене. Её голову отбросило назад. Она прикусила губу от удара, а перед глазами все поплыло. Охотница сопротивлялась невидимой силе, прижимающей ее к каменной стене, и моргала, пытаясь прояснить зрение. С глухим стуком ее пистолет упал на пол.

— Ах, у тебя кровь, — Микаэлла мягко коснулась губ Елены в жутком поцелуе с привкусом жестокости...и чего-то ещё. Она ощутила аромат мускуса, орхидей...а поверх всего резкий запах кислоты. Внутри Елены ужас раскрыл свои уродливые крылья. Ведь именно этот запах — кислота с примесью солнечного света — не принадлежал Микаэлле. Так пах архангел, казненный в чернильно-черном небе над Манхэттеном. И Урам удерживал Микаэлле достаточно долго, чтобы успеть вынуть сердце. Вот тут возникал вопрос: что же он в нее вложил?

— Я могу убить тебя прямо сейчас, — промурлыкала архангельша прямо Елене в губы, — но, думаю, будет намного увлекательней наблюдать, как Рафаэль от тебя устанет.

Елена ощутила ещё один порез, уже на второй щеке. Запах железа наполнил воздух, пока Микаэлла своими словами заставляла кровоточить сердце Елены:

— Тогда ты станешь просто мясом — легкой добычей для любого, кто пожелает испробовать, каков на вкус обращенный ангел. У нас будет много времени, чтобы поиграть.

Мгновение спустя архангел ушла. Она пронеслась по коридору алым водоворотом, а ее слова все еще отдавались эхом в голове Елены. Но сейчас значение имел лишь Сэм. Микаэлла находилась в таком состоянии, что могла причинить физический вред мальчику. Казалось, здравый смысл совсем её покинул, и ею овладело желание садистских удовольствий.

Чувствуя неистовый страх за жизнь мальчика, Елена тщетно боролась с удерживающими её невидимыми цепями. Мимо нее со сверхъестественной скоростью промчались Гален и Вэнном.

— Твою ж... — совсем не женственно вскрикнула она, когда сила, прижимающая её к стене, исчезла почти в то же мгновение. Елена поднялась на ноги, схватила пистолет и понеслась вслед за нами... а затем резко остановилась за несколько метров от Микаэлле. Гален стоял напротив архангельши, из нескольких порезов на лице и теле текла кровь.

Вэном поднимался на ноги, в углу на стене обсыпался камень и остался отпечаток от его тела. Кровь капала с его лица, но глаза превратились в гипнотизирующие золотисто-зеленые щели — кобра выбиралась наружу.

Микаэлла уставилась на Галена и спросила:

— Думаешь, я причиню ребенку вред?

— Ты уже совершила насилие в месте исцеления.

Елена резко втянула воздух — вокруг крыльев Микаэллы появилось слабое свечение. Господи Иисусе.

— Если высвободишь эту силу здесь, — проговорила охотница сквозь начинающие припухать губы, — то всё здание рухнет и убьет не только Сэма, но и остальных детей, которые находятся внутри.

Микаэлла развернулась к Елене и впиалась в неё взглядом из чистого света, глазами без радужек, которые никак нельзя было назвать человеческими. Конечно, Микаэлла никогда им и не была. Но сегодня разница между ангелом и архангелом заключалась в жаре, из-за которого Елена с трудом могла смотреть на неё сквозь слезы, застилающие глаза. У неё просто руки чесались выстрелить. Но если пуля пройдет сквозь тело Микаэллы, то существует возможность, что она отрикошетит и разобьет стекло в палате поблизости. Елена спрятала пистолет и вложила в руку нож, не сводя глаз с горла Микаэллы.

— Я не причиню ребенку вреда, — ответила она голосом, настолько переполненным силой, что он звенел от ярости, гремел тысячью других голосов.

Елена подавила желание сделать шаг назад. Она хорошо осознавала, что и в подмётки не годится Микаэлле, но также понимала, что должна задержать её до прибытия подкрепления.

— Причинишь, если не умеришь свою силу.

Микаэлла продолжала смотреть на Елену, склонив голову в жуткой нечеловеческой манере. Охотница почувствовала, словно в ее разум пытаются пробраться, исследуя невидимыми пальцами. На нее начала накатывать тошнота, но она себя сдержала, осознав, что находится под защитой Рафаэля — ведь Микаэлла все еще искала путь внутрь ее сознания. Елена была достаточно умной, чтобы не отказываться от такой защиты.

— Такая слабая, — Микаэлла произнесла эти слова таким обыденным тоном, почти беззлобно, словно Елена была недостойна ее внимания. И это пугало ещё больше. Поскольку, что бы ни происходило, Микаэлла оставалась очень эмоциональной, совсем как человек. Вероятно, сейчас она перебивалась в Тишине.

Архангел повернулась к Галену и подняла руку. Он зашатался, словно то удара, но удержался на ногах. Микаэлла рассмеялась и резким движением рассекла воздух ладонью. В этот раз тучный, мускулистый ангел впечатался в стену, едва успев спасти крылья — он развернул корпус таким образом, что удар пришелся на лицо. Кровь залила камень, но внимание Елены занимал Вэном. Вампир напал, пока Микаэлла была занята Галеном, и вонзил в её шею клыки, когда его друг ударился о стену.

В то же мгновение Елена воспользовалась кинжалом. Лезвие вошло в плоть с другой стороны шеи Микаэллы. Закричав от ярости, она оторвала от себя Вэнома и отбросила его с такой силой, что вампир отлетел в другой конец коридора, а его тело превратилось в исковерканную бессознательную массу. Затем она потянулась к кинжалу и вытащила его без особых усилий, словно это была простая зубочистка. Её артерии затягивались прямо у Елены перед глазами. Кинжал с глухим металлическим стуком упал на пол, Микаэлла подняла палец

и указала на Елену:

— Какой конечности желаешь лишиться в первую очередь?

Святой Боженька. Елена понимала, что у нее нет шансов остановить Микаэлла, раз двое бессмертных, намного старше ее, попытались и потерпели поражение — архангел просто раздавит ее сердце до того, как она успеет дотянуться до пистолета, не говоря уже о том, чтобы нажать на курок. "Где же ты, Рафаэль?"

Морские волны ворвались в ее разум бурным штормом. "Я уже в пути. Постарайся ее успокоить. Если она освободит силу, то уничтожит все Убежище".

Приняв молниеносное решение, Елена вытерла рот тыльной стороной ладони — порезы на губах все ещё кровоточили.

— Я отведу тебя к Сэму.

Архангел ждала.

Волосы на затылке охотницы стали дыбом в инстинктивном предупреждении. Елена пошла вперед, слыша за собой шуршание платья Микаэллы. Гален и Вэном лежали не двигаясь.

За последние несколько секунд глаза Галена несколько раз открывались, а вот Вэном выглядел плохо, очень плохо. "Похоже, она сломала его позвоночник, возможно шею". А вампир мог умереть, если его шея сломана и нанесено множество других повреждений. "Он еще жив".

Последнее слово прозвучало в её голове отрывисто, резко. У Елены похолодело на сердце. Она никогда не думала, что будет оплакивать смерть Вэнома, но он оказался способным пожертвовать своей жизнью ради спасения ребенка, и это сделало его в ее глазах лучше. Намного лучше архангельши, способной сровнять Убежище с землей в приливе ярости. Это напомнило Елене другого архангела — утонувшего в собственном яде. Сколько же в Микаэлле было от Урама?

Елена остановилась перед стеклянной палатой, в которой спокойно спал Сэм. Краем глаза она увидела, как прибыл Кейр, и быстрыми движениями руки попыталась показать ему, чтобы он возвращался назад. Но тот лишь покачал головой.

— Сэм отдыхает, — спокойным тоном сказал он, словно рядом не стояла архангельша, способная в любой момент взорваться. — Исцеление продвигается невероятно успешно.

— У него не останется шрамов?

Елена посчитала вопрос Микаэллы странным и лишь потом сообразила, что она спрашивала не о телесных повреждениях.

— Нет, не останется никаких последствий, — Кейр положил руку на ладонь Микаэллы, не испугавшись жара, исходящего от ее кожи. — Он будет расти так, как ему и положено.

Елена видела, как Микаэлла прижала ладонь к стеклу.

— Он такой хрупкий, — сияние стало медленно угасать. — Его так легко ранить.

— Как и любого ребенка, — мягко ответил Кейр, на его юном лице только глаза казались древними. и- Мы осознанно идем на этот риск.

— Он огромный, — прошептала Микаэлла. — Риск слишком огромный.

Елена навсегда запомнит эту картину: женщину-архангела, невероятной красоты в кровавых одеждах, прижимающую к стеклу ладонь с трясущимися пальцами от эмоций, которые заставляли горло охотницы сжиматься от рыданий. Она гадала, какой бы стала Микаэлла, если бы не потеряла ребенка. Возможно эгоизм, сквозящий в каждом ее движении, перерос бы в что-то другое, лучшее? Или может она стала бы такой же, как Неха,

превратившая ребенка в ядоносное подобие себя самой.

— Лучше ломать им шеи при рождении.

Елена вытасила оружие. Если Микаэлла сделает хоть шаг, то Елена всадит всю обойму в её крылья до того, как архангел успеет развернуться, использовать свою силу и обезоружить охотницу. Потому что, если выбирать между возможным рикошетом и однозначной смертью Сэма, то она выберет первое.

— Ты так не думаешь? — спросила архангел Кейра голосом, неприятно режущим слух своей серьезностью.

— Мы не убиваем свое потомство.

Между ними овисла тишина. Когда Микаэлла отстранилась от стекла, ее лицо было таким, каким его привыкла видеть Елена — совершенство, не знающее пощады. Она кивнула Кейру, развернулась и исчезла в вихре из бронзовых крыльев и белого шелка, пропитанного кровью. Её красота оставляла после себя впечатление, забыть которое было просто невозможно.

Елена судорожно вздохнула. "Она ушла. Отведи Кейра к Вэному".

Охотницв уже двигалась в том направлении вместе с Кейром. Они нашли Галена, лицо которого представляло собой месиво из крови и ошметков кожи, стоящим на коленях рядом с бессознательным вампиром.

— У него серьезные ранения. Поврежден позвоночник, раздроблен череп и разорвано легкое. Сломанное ребро могло проткнуть сердце.

— Он укусил Микаэлла, — сказала Елена, не уверенная, имеет ли это какое-то значение.

— Тогда, вероятнее всего, в его клыках не осталось яда, — Кейр начал легкими движениями пальцев осматривать тело Вэнома. — Так с ним будет проще справиться.

— Его яд может навредить ангелу?

— Ненадолго, — ответил Гален. — Хотя в большинстве случаев он вызывает невероятно сильную боль.

— Он умирает. — Лицо Кейра побелело от напряжения. Присев, он кивнул Галену: — Отнесешь его в процедурную?

Гален поднял тело Вэнома на руки. Елена подавила желание возразить, которое возникло из человеческих знаний о травмах позвоночниках, при которых категорически запрещено двигать пациента. Конечно же, Кейр намного больше неё знал, как лечить такие травмы у вампиров. Как только они вошли в палату, Елена ощутила у себя в голове запах моря и ветра. Облегчение с такой силой обрушилось на неё, что ей показалось, будто её под ребра лягнула лошадь.

— Рафаэль здесь.

Но под силу ли архангелу спасти вампира, получившего такие серьезные повреждения? Что станет с Рафаэлем, если он потеряет одного из своей Семерки?

Елена вытирала кровь со щек, когда Рафаэль вышел из палаты Вэнома.

— Я нуждаюсь в твоих талантах, охотница.

Она отложила влажное полотенце, которое нашла в одной из незанятых процедурных. Ее лицо все еще саднило, но не так сильно, как болело бы, будь она все ещё человеком, процесс исцеления уже начался. Елена кивнула.

— Вэном, он...

— Его не так легко убить.

Больше они не разговаривали. Молчание длилось и во время всего полета к месту, где нашли ангела. Его тело лежало между огромными отвесными скалами. Елена быстро осмотрелась, оценивая опасную, неровную поверхность, и поняла, что приземлиться будет проблематично.

Из-за гордости она бы все равно попыталась сделать это самостоятельно, но сейчас особенно остро осознавала, что нужна Рафаэлю в хорошем физическом состоянии для работы, с которой не справится никто, кроме нее. "Немного помощи не помешает". Рафаэль изменил положение, чтобы лететь над Еленой, и приказал ей сложить крылья. К ее удивлению, сделать это оказалось непросто из-за новых, недавно выработанных рефлексов, но все же у нее получилось. Рафаэль поймал ее до того, как она начала падать и безупречно приземлился вместе с ней на ближайшем устойчивом участке скалы.

— Спасибо.

Елена подошла ближе к телу, полностью поглощенная мыслями об убийстве. С высоты все выглядело так, будто ангела бросили на камни — на это указывали раздробленные кости и конечности, изувеченные до такой степени, что от некоторых остались только части. Теперь же она увидела, что его голову отсекли от тела, а в груди зияла огромная дыра — отсутствовало не только сердце, но и все внутренние органы.

— Кто-то хотел удостовериться, что он не сможет восстановиться. — Грудная клетка ангела поблескивала в лучах горного солнца, его кровь затвердела, покрывшись сверкающей коркой. Это заставило Елену наклониться ближе и сосредоточенно нахмуриться. — Выглядит так, словно тело превращается в камень.

И этот панцирь темно-красного цвета выглядел на удивление красиво.

— Это иллюзия, — ответил Рафаэль. — Его клетки пытаются восстановиться.

Елена отскочила назад.

— Он все еще жив?

— Нет. Но для того, чтобы бессмертного постигла истинная смерть, требуется много времени.

— Тогда это не бессмертие, если можно умереть. Разве нет?

— Бессмертие. Если сравнивать с человеческой жизнью.

— Значит, для истинной смерти нужно отсечь голову и для особенной уверенности вынуть органы.

— Его мозг также извлекли.

Елена посмотрела на голову ангела:

— Выглядит целой. — Она потянулась рукой, но затем отдернула ее назад. — Я правда ничего не подцеплю? — спросила охотница и сжала пальцы в кулаки, почти коснувшись

окровавленных волос, которые когда-то были золотистыми.

— Нет, — ответил Рафаэль, но сам присел с другой стороны тела и поднял рукой то, что осталось от головы ангела.

Задняя ее часть отсутствовала. Осталась пустая оболочка. Елена глазам своим не поверила. Почувствовав, как ее лицо краснеет, она кивнула головой, чтобы Рафаэль вернул голову на место.

— Тщательная работа.

Архангел положил череп на камень, лицом вверх.

— Его звали Алоизиус. Ему четыреста десять лет.

Когда знаешь имя, работать становится труднее. Глубоко вдохнув, Елена начала сортировать запахи. Их было так много.

— Здесь побывало много ангелов. — Похоже, сегодня её новообретенное чутье на ангелов работало отлично.

— Еще теплилась надежда, что он выживет, пока не обнаружили, что отсутствует мозг.

— Жертва действительно могла пережить остальное? — спросила Елена, уставившись на Рафаэля поверх тела, которое теперь стало пустой оболочкой. Хоть он и сказал, что такое возможно, верилось все же с трудом.

— У бессмертия не все стороны красивы, — ответил Рафаэль безо всякого скрытого смысла. — Скорее всего, он находился в сознании, пока вытаскивали его органы.

Елена сглотнула и покачала головой.

— Я еще слишком юная для такого, правда? Если кто-то решит меня выпотрошить, я ведь потеряю сознание?

— Да.

— Отлично. — Елена относилась к тому типу людей, которые не привыкли сдаваться, но она так же не желала знать, что станет с человеком, если он переживет такие мучения. — Если судить по брызгам крови, то получается, что его сбросили с довольно-таки внушительной высоты.

Елена старалась не слишком задумываться, что могло прилипнуть к подошвам ее ботинок. Судмедэксперт засадил бы ее за решетку за такое пренебрежение к месту преступления, но она успокаивала себя мыслями, что его до нее так затоптали, что оно стало бесполезным для всех, кроме рожденных охотников.

— И все же, — продолжала Елена. — Не с такой огромной высоты, раз его тело не разорвало на куски полностью. У тебя есть предположения, оставались ли его органы еще при нем до падения? — По оставшимся ошметкам невозможно было утверждать что-то наверняка.

— Да, — Рафаэль указал на раскрытую грудную клетку. — От некоторых остались кусочки. — Он потянулся и достал что-то, напоминающее твердый розовый камушек с неровными краями. Камень сиял на солнце, словно темно-розовый кварц. — Часть печени.

Кожа Елены покрылась мурашками.

— Ты уверен, что он этого не чувствует?

— Он мертв. То, что делает его тело — сродни тому, как бегают курица, которой отрубили голову.

— Реакция спинного мозга.

Логично, что угасание жизни бессмертного занимает дольше времени.

Рафаэль вернул камень обратно и указал на голову:

— Частички мозга тоже нашли на камнях.

Она выбросит эти ботинки, как только придет домой.

— Удар такой силы превратил бы его внутренности в пюре. Разве извлекать их не стало бы трудней? — спросила Елена.

— Нет, если "хирург" подождал, чтобы жертва достаточно исцелилась, и органы обрели целостность.

Елена нормально переносила вид крови и растерзанной плоти, но у нее кровь стыла в жилах от зверской жестокости этого преступления.

— Боже правый.

— Используй свое чутье, охотница, — мягко напомнил Рафаэль. — Ветер держится, но он может без предупреждения изменить свое направление.

Сбросив с себя оковы ужаса, она начала отсеивать запахи, которые уже знала — отделить плохи парней от хороших можно и потом. Она находилась в середине процесса, когда её чутье на ангелов внезапно исчезло, оставив отчетливый одинокий след. — Здесь был вампир.

— Не с командой спасателей, — ответил Рафаэль, напряжение читалось на его лице.

— Значит, он был здесь раньше. — Елена подавила рвоту, подступившую к горлу из-за приторного запаха тела перед ней, совсем не присущего смерти, и сосредоточила чувства на следе вампира. Аромат кедра и льда — очень необычный, невероятно изящный. Она резко распахнула глаза. Райкер. Райкер был здесь.

Рафаэль нашел Микаэлле несколько часов спустя в ночном небе над её домом. На ней был надет кэтсют, в котором она выглядела словно грациозное, опасное животное. Архангел не заметил на тени намек на безумие, о котором говорили Гален и Елена — ее тело с прекрасными пышными изгибами обтягивала чистая одежда.

— Рафаэль, — позвала она, зависнув в воздухе позади него, — ты здесь для того, чтобы снова напомнить, чтобы я не приближалась к твоей охотнице?

Елена узнала об утрате Микаэлле и могла посчитать, что она стала такой озлобленной из-за пережитой боли, но Рафаэль знал ее ещё в юности. Ради своих амбиций она была готова что угодно принести в жертву.

— Ты пришла в Лазарет с намерением причинить вред.

Женщина-архангел изогнула губы в истинно злобной улыбке.

— Я не собиралась никому вредить, пока твоя ручная зверушка вместе со своими друзьями не встали у меня на пути.

— Ты ранила нескольких врачей, как только вошла и ждала, пока не убедишься, что Елена внутри.

— Разве тебе не внушает отвращение её слабость? — спросила Микаэлла изменившимся голосом. Она больше не брызгала ядом, а эротично нашептывала.

— Сила, использованная без угрызений совести, оскверняет душу, — ответил Рафаэль. Он заметил, как её глаза ожесточились, хотя на губах застыла улыбка, обещающая осуществить темнейшие пороки и самые мучительные наслаждения. И вспомнил Урама, попавшего в ловушку этой улыбки и эгоистичную красоту ума — но, с другой стороны, почивший архангел избрал свой путь задолго до рождения Микаэлле.

— Почему ты убила Алоизиуса?

— Молодец, Рафаэль. — Она чуть склонила голову в поклоне, а её глаза зажглись неподдельным восхищением. — Он принадлежал мне. Стал моим, когда мне перешла часть

территорий Урама.

— Чем он заслужил такую казнь? — Так как Микаэлла правила территориями Урама, она была в праве убить Алоизиуса, но то, что это сделал Обращённый (которому, скорее всего, позволили питаться от умирающего ангела) было ритуальным унижением.

Зеленые глаза Микаэллы превратились в узкие щели света.

— Он помогал похитить Сэма.

Вся жалость, которую начал испытывать Рафаэль к Алоизиусу испарилась мгновенно и безвозвратно.

— Ты заглянула в его воспоминания?

— Не было нужды, — Микаэлла резко взмахнула рукой и продолжила: — Он оказался всего лишь мелкой сошкой, доверчивым ягненком в безликой армии ангела, метящего в архангелы.

— Ты смогла выяснить что-то, что бы помогло узнать, кто за всем стоит?

— Нет. Алоизис был всего лишь пешкой.

Рафаэль разглядел правду в полуулыбке, заигравшей на её губах, холодной, безжалостной и довольной.

— Ты вышла из себя и убила его до того, как успела заглянуть в воспоминания.

— Он смеялся, когда сажал Сэма в тот ящик, — ответила она и вокруг её радужек появилась тонкая красная линия. — Я увидела это, когда проникла в его разум.

— И тогда ты его бросила?

— Да. — Она передернула плечами и добавила: — Его крылья я переломала ещё до того, а Райкер позаботился об остальном.

Рафаэль сдерживал свое разочарование.

— Как ты узнала о его причастности?

— Он боялся, что стал для хозяина ненужным и поделился страхами с любовницей, — на её губах опять появилась улыбка, подобная змее, затаившейся в траве. — Ах, верность такая редкая ценность, когда вовлечены материальные блага.

На следующий день Елена чувствовала себя просто запредельно спокойно, поднимаясь на борт самолета. Они летели в Пекин, и должны были прибыть за две сутки до самого приема и на день раньше остальных архангелов.

— Как Вэном? — спросила она у Рафаэля.

— Его жизни ничто не угрожает. Я перенес всех троих — Сэма, Ноэля и Вэнома в другое место. С ними Гален.

— Хорошо, — ответила Елена, ухватившись за подлокотники. — Я сочувствую Микаэлле, правда.

Потерять ребенка... Елена даже представить себе не могла эту боль. А из-за неё отец лишился двух дочерей. Страхнув с себя болезненное ощущение вины, которое камнем лежало на груди, Елена развернулась и взглянула на своего архангела.

— Но в больнице она была явно не в себе. Одного разговора с тобой хватило бы, чтобы избежать насилия.

— Елена, ты ожидаешь от нее человеческих поступков, — ответил Рафаэль холодным тоном. — Архангелы не привыкли спрашивать разрешения.

Елена уже не была той самой женщиной, которая очнулась после комы, да и их отношения казались теперь полнейшей загадкой. Но все же она часть за частью узнавала Рафаэля, и теперь знала достаточно, чтобы спросить:

— Что случилось?

Архангел посмотрел на нее, и в синеве его глаз появилась сталь, которая не предвещала ничего хорошего.

— То, что Микаэлла сделала с Алоизиусом... Я бы не был так милосерден.

Ладони Елены стали влажными.

— Ты называешь это милосердием?

— Его смерть была быстрой. Я бы оставил его в живых, и многие дни терзал его разум. — Взгляд Рафаэля стал ледяным, он напомнил пробирающую до костей бесконечную зиму.

Елена нервно вздохнула.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ты должна понимать, кто я такой.

Она обдумала его слова и ответила:

— Если бы Слейтер Петалис стоял передо мной, я бы сделала то же самое.

Рафаэль провел по её щеке тыльной стороной ладони:

— Нет, Елена, твоя ярость пылает намного жарче.

Охотница потянулась к его руке и переплела их пальцы.

— Если подобное случится, я попытаюсь тебя остановить.

— Почему? Ты испытываешь жалость к тем, кто причиняет невинным боль?

— Нет, — она поднесла сплетенные ладони к губам и добавила: — Я забочусь о тебе.

Рафаэль почувствовал, как холод внутри отступил, и внутри все потеплело.

— Значит, попытаешься меня спасти?

— Думаю, это можно отнести к нам обоим. — Голос Елены звучал хрипло от воспоминаний. Сегодня она вновь проснулась, крича во сне, её сознание стало пленником жутких воспоминаний практически двадцатилетней давности.

Повторив её действия, Рафаэль поднес её руку к губам.

— Мы спасём друг друга.

У Елены больше не нашлось слов, она молча покачала головой.

— Что если этот ангел, желающий стать архангелом, провернёт что-то во время нашего отсутствия?

— Назараха, Дахаризэля и Анушку, а также многих других равных им по силе пригласили на прием.

Елена замерла.

— Вот там они и начнут действовать. Я права? Идеальное место, особенно если учесть заседание Совета десяти перед балом.

— Да. — Рафаэль посмотрел на Елену. На её шее слабо, еле заметно пульсировала вена. — Не подпускай их близко. Ты по-прежнему остаешься главной целью этого соискателя власти.

— Не волнуйся. Они не совсем те люди, с которыми я бы хотела проводить время. — Она содрогнулась, и Рафаэль без слов понял, что эта дрожь совсем не связана с угрозой для её жизни. — Ли Дзюаннь... есть какие-то новости?

— Она привела своих возрожденных в Запретный Город. Мы увидим ходячих мертвецов.

От вида Запретного Города у Елены перехватило дыхание. Запутанные лабиринты изысканных строений и спрятанных тропинок выглядели, словно отдельный городок внутри столицы. Это место было наполнено чудесами. Мосты из белого мрамора со спящими драконами на конечных стойках; мощеные дворики, изобилующие деревьями, на которых вместо фруктов висели мерцающие шелковые фонарики; придворные, одетые в платья всевозможных оттенков драгоценных камней. Все это напоминало сон.

— Как бабочки, — прошептала Елена, находясь на балконе их личной резиденции в одной многоэтажке. — Они напоминают бабочек.

Рафэль стоял позади Елены, уперев руки о перила по обе стороны от неё, создавая своим телом теплый надежный тыл. Она нежилась исходящим от него жаром, крыльями ощущала вибрацию его груди, когда он разговаривал.

— У Нехи и некоторых других множество придворных, но Ли Дзюант в этом плане переплюнула всех.

— Она и вправду королева. — Елена наблюдала за тем, как женщины обмениваются кокетливыми улыбками, пряча лица за иллюзорными краями раскрытых вееров. Все они носили платья в пол, больше элегантные, нежели сексуальные.

— Как думаешь, они знают о возрождённых?

— Да, — ответил Рафаэль, накрыв её ладони своими. Его голос темным шепотом раздавался в ушах. — Люди Ясона доложили, что Ли Дзюань начала демонстрировать возрожденных самым приближенным из своего круга в качестве развлечения.

Почувствовав ладонями силу, исходящую от Рафаэля, Елена сильнее схватилась за поручни. Она ощущала гладкость камня, которую тот обрел за многие века.

— Зачем ей так их унижать? Я думала, она считает их своими созданиями.

— Похоже, к некоторым она более благосклонна, нежели к другим. — Рафаэль провел ладонями по её плечам и прижал к себе. — Завтра утром встреча с Советом. Будь осторожна, гуляя здесь — Ли Дзюань может решить поиграть и натравить одного из них на тебя.

— Кто будет моим телохранителем?

— Эйдан, — она ничего не ответила и Рафаэль продолжил: — Ты недовольна.

— Мне не нравится тот факт, что ко мне всё ещё приставляют няньку.

— Это необходимо.

— Только пока.

Последовало злое молчание, и Елена поняла, что снова придётся спорить. Но ей не привыкать, да и Рафаэлю тоже.

— Ты выбрал себе в пару воительницу, не забыл?

Он поцеловал её чувствительную кожу за ухом.

— А ты выбрала архангела.

Она всегда знала, что поладить с ним будет трудно. Впрочем, как и с ней.

— Я никогда не тренировалась с тобой. У тебя есть ножи? — игриво спросила Елена.

Она ощутила, как его губы тронула слабая улыбка, когда он прикоснулся к тому месту, которое поцеловал ранее.

— Устроим танец с кинжалами после приема.

Мысли Елены путались от близости Рафаэля, красоты Запретного Города, мерцающего

внизу.

— Ты взял с собой только несколько человек. — Ясон, полетевший с ними самолетом и Эйдан — Только двое из Семерки сопровождали архангела в Запретный Город.

— Если придётся драться, то будет уже слишком поздно.

Елена закончила укладывать волосы в аккуратный французский твист, делать которой её научила Сара — приглаженные пряди удерживало, казалось, больше пяти ста шпилек — и осмотрела себя в зеркале. Бледно-голубое платье с цельнокроеным рукавом и обнаженной спиной не доходило даже до середины бедра и имело разрезы с обеих сторон. Невзирая на то, что вся поверхность была полностью усыпана камушками, оно идеально облегалo фигуру. Когда портной впервые принес его, Елена просто уставилась на мужчину, но он оказался не промах. Вместе с черными чулками и такого же цвета ботфортами этот наряд превращал Елену из привлекательной спутницы на вечер в грациозную убийцу, оставляя при необходимости большую свободу движений.

Теплые мужские ладони оказались на ее талии.

— Идеально. — Неприкрытая страсть, прозвучавшая в единственном слове, прокатилась по её телу трепетной, ленивой лаской. Её соски сразу же затвердели под тонкой тканью.

— Макияж, — ахнула она.

Рафаэль слегка ослабил хватку, чтобы Елена смогла нанести немного румян на скулы и подкрасить тушью глаза. Открыв ящик с одеждой, она нашла помаду насыщенного красного цвета.

— Совсем не мой стиль.

— Считай это маскировкой, — ответил Рафаэль и прижал Елену к своему полуодетому телу. Она отчетливо ощущала спиной его возбуждение, а её крылья словно горели. — Это позволит тебе влиться в окружение врага.

— Я не очень похожа на вампиров и ангелов, которых видела. — Её платье-туника было далеко нескромным. Плюс ножи. Не говоря уже о пистолете. Сегодня всё оружие пришлось скрыть — акт вежливости с её стороны, который Ли Дзюань никак не заслуживала после своих игр. Но Елена училась расставлять приоритеты. — Я не смогу правильно раскрыть веер, даже если ты заставишь меня его использовать.

— Это да, в тебе слишком много от охотницы, — сказал Рафаэль и бросил на неё взгляд столь жаркий, что Елена почти ожидала, что зеркало расплавится. В итоге ей пришлось сжать бедра, чтобы не набросится на него, не повалить на пол и, оседлав, подарить восхитительное блаженство.

— Но она увидит тебя не такой, — пробормотал Рафаэль. — А слабым и юным ангелом, интересным ей лишь своим превращением, и недостойным внимания по другим причинам.

— Вот и отлично. — Это позволит ей свободно наблюдать за ничего не подозревающей Ли Дзюань. Елена не строила иллюзий на счет того, что сможет остановить старейшую из архангелов с помощью физической силы, но, возможно, ей удастся разгадать её способ мышления и хоть такой мелочью поддержать Рафаэля.

Отпустив её, Рафаэль подошел к маленькому столику.

— Иллиум попросил разрешения преподнести тебе подарок.

Заинтересовавшись, Елена развернулась...и увидела, как лазурь в его глазах заволокли штормовые облака.

— Чем он взбесил тебя на этот раз?

На его губах появилась улыбка, означающая, что архангел находится в опасном

расположении духа.

— Клинки и ножны, — пробормотал он.

Елена коснулась верхней части правого сапога:

— Мой при мне...

— Хм. — Он вынул что-то из отполированной деревянной коробки и подошел к Елене. — Но у тебя нет моего.

Притянув её к себе за шею, Рафаэль впился в её губы поцелуем. Его страсть и выражение собственнических чувств заставляли Елену желать также заявить на него свои права.

— Если не прекратишь, то мы не успеем на ужин, — сказала Елена, положив ладонь ему на грудь и уставившись в его красивые и одновременно жестокие глаза.

Рафаэль провел ладонью вдоль её ягодиц, задев чувствительную кожу между ног. Елена резко вдохнула.

— Дразнишься, Архангел?

Он слегка прикусил её губы и ответил:

— Слушай и запоминай, Елена. Ты никогда не станешь носить нож другого мужчины.

Она недоуменно моргнула:

— Он хотел подарить мне нож? Ну и что в этом такого?

— Клинки и ножны, — прошептал он, — всегда в паре. И в твоих ножнах может находиться только мой клинок.

Чтобы понять смысл его слов ей понадобилось несколько минут — желание заволочло её разум, а лицо покрылось румянцем.

— Рафаэль... — она не могла подобрать нужные слова и только покачала головой. — В драке нет ничего сексуального.

— Да неужели? — бескрайняя синь его глаз превратилась в штормовое море, бурное, необузданное, шальное.

Внутри нее тлеющие угольки жара начали разгораться сильнее, и осознание того, что этот опасный и красивый мужчина принадлежит ей, только подливало масла в огонь.

— Обладать должны оба, Архангел.

— Согласен, охотница, — отступив назад, он раскрыл ладонь.

Глаза Елены засверкали, увиденное её просто заворожило.

— Эти камни настоящие? — спросила она, забирая подарок из рук Рафаэля и на ходу вытягивая прекрасный, невероятно красивый клинок из ножен, созданных специально для него. Острая, словно бритва сталь своим сиянием могла соперничать с блеском драгоценных камней на рукоятке и ножнах.

— Конечно.

Да, точно. Елена повертела нож в руке, проверяя его тяжесть и сбалансированность. В своей ладони она держала совершенство.

— Боже, он великолепен. — От красоты драгоценных камней перехватывало дыхание, но всё же именно само лезвие — тонкое, но в то же время прочное — привлекло внимание Елены. — Брось мне шаль.

Рафаэль взял кусок прозрачной, воздушной ткани и подбросил вверх. Она мягким облачком упала на лезвие и, с легкостью разрезанная пополам, опустилась по обе стороны от него.

— О, мой Бог. — Такое острое, просто восхитительно. — Ты заказал его специально для

меня?

Она подошла к нему и поцеловала, не дожидаясь ответа. А когда отстранилась, то увидела, что глаза Рафаэля сияют ярче, чем брильянты и синие сапфиры на рукояти и ножнах.

— Твой голос звучит так, будто ты занимаешься сексом.

— Такой великолепный нож так же хорош, как и секс, — ответила Елена, рассматривая ножны, восхищаясь. Она не была собственницей по натуре. Разве что дело касалось квартиры, тогда она вела себя по-другому. Воспоминание об утерянном доме отозвалось острой болью. Но этот клинок взывал именно к меркантильной части ее сущности. "Мой", — думала Елена.

— Мне нужно...

Рафаэль уже доставал крепление для ножен из коробки. Сделанное из мягкой, гладкой чёрной кожи, оно состояло из пояска, который пропускаться через прорези на обеих сторонах ножен, а затем плотно крепился к верхней части плеча.

— Идеально. — Сказала Елена, вставив оружие на место. — Клинок и ножны настолько легкие, что не упадут и настолько красивые, что сойдут за украшение.

Рафаэль наблюдал, как его охотница играет со своим клинком и удивлялся, сколько удовольствия он получает от её радости. Этот подарок имел для нее особое значение. Значит, он сделал правильный выбор. Вот только он чуть не прикончил Иллиума, ведь тот осмелился посягнуть на то, что принадлежит Рафаэлю.

— Думаешь, у меня нет такого подарка для моей любимой?

— Господин, я не хотел вас оскорбить.

— Уходи Иллиум, пока я не забыл, что она тебя любит.

Такая нелогичная реакция на действия ангела, который давным-давно доказал свою верность и чуть не умер ради Елены. Рафаэль не привык терять контроль над собой, никто раньше не заставлял его так себя чувствовать.

"Однажды она тебя погубит. Сделает смертным".

Тогда он подумал, что речь идет о физическом состоянии. Но может Ли Дзюань предупреждала о том, как его сердце медленно оттаит и станет затмевать голос разума, на который он полагался на протяжении своего длительного правления.

— Холодный расчет или эмоции? — спросил он у Елены, когда она, закончив серию сложных движений, вернула клинок в ножны. — Что бы ты выбрала?

На её губах появилась странная полуулыбка:

— Всё не так просто. Рациональность, не подкрепленная эмоциями очень часто не что иное, как замаскированная жестокость. А излишняя эмоциональность без здравого смысла позволит прощать людям различные проступки и крайности.

— Да, — согласился Рафаэль и вспомнил безжалостного монстра, в которого он превратился, погрузившись в Тишину.

Елена развернулась и подошла к нему, виляя бедрами в очень провокационной манере. Высокие каблуки прибавили ей роста, и теперь её макушка была чуть-чуть выше его подбородка.

— Помнишь, что я сказала? О собственнических замашках у нас обоих?

— Я не стану изменять тебе, Елена. — То, что она могла усомниться в нем, заставило Рафаэля вспыхнуть от гнева.

— Ой, умерь свой пыл, Архангел. — Она прошла мимо него, открыла боковой карман

сумки, в которой хранилось её оружие, и достала маленькую коробку. — У меня тоже есть для тебя подарок.

Внезапно он почувствовал, как внутри радость распахнула свои крылья. Ему преподносили множество, неисчислимое количество подарков на протяжении столетий. Но большинство из них ничего не значили, и люди и бессмертные пытались таким образом завоевать его расположение ради власти, положения в обществе и других корыстных целей, большой или мелкой наживы.

— Ты купила его в Убежище?

— Нет.

— Тогда как ты смогла его достать?

— У меня свои методы. — Елена встала напротив, открыла маленькую коробочку и достала кольцо. С янтарем.

— Ну вот, — сказала она, надевая перстень ему на соответствующий палец левой руки, — теперь ты по-настоящему окольцован.

Сердце Рафаэля сжалось от чувств, которых он раньше не испытывал. Он стал внимательно рассматривать подарок. В широкую и толстую оправу из платины был вставлен квадратный камень отшлифованного янтаря, тёмный, намного темнее всех тех, что когда-либо попадались ему на глаза... а в его середине словно полыхало белое пламя. Заинтригованный, Рафаэль снял кольцо и поднес к свету. Цвета камня постоянно сменяли друг друга от тёмного к светлому. А затем он увидел надпись на внутренней стороне. Knebek Какое-то время он жил в Магрибе, путешествовал по Марокко, ещё до того, как стал архангелом и слышал, как это слово нашептывают молодые, полные жизни молодые люди краснеющим темноглазым красавицам.

Я люблю тебя. Его грудь сдавило ещё сильнее. Вернув кольцо на палец, он произнес:

— Shokran.

На её лице засияла радостная улыбка.

— Пожалуйста.

— Ты разговариваешь на языке своей бабушки? — Рафаэль сжал руку в кулак, впервые за многие века ощутив желание обладать вещью.

— Знаю только несколько слов, которые повторяла моя мама. — На Елену нахлынули счастливые воспоминания, и это отразилось в ее улыбке. — Она всё время мешала слова из английского, французского и арабского языков. Но мы выросли рядом с ней, так что всё понимали.

Даже Джеффри. Тогда он смеялся — вспомнила Елена. Её отец смеялся над маминой неразборчивой речью, смеялся над собой, а не над ней.

— Сжался надо мной, — говорил он, опустив голову и прикрыв лицо ладонями. — Я бедный деревенский парень и не знаю таких изысканных языков.

— Девочки, — отвечала она с искрящимся озорством в бледно-серых глазах. — Не верьте ни слову из того, о чём говорит ваш отец. Для него французский — словно родной.

— Ma chérie, ты меня ранила до глубины души. — Добавлял он, наигранно прижимая руки к сердцу.

— Куда завели тебя твои воспоминания, Елена? — Рафаэль приподнял её подбородок пальцами, и она встретилась со взглядом столь синих глаз, что могла бы тонуть в них целую вечность.

— В родной дом, — прошептала она. — До того, как у нас всё отобрали.

— Мы построим свой собственный дом.

Обещание Рафаэля укутало Елену, согрело сердце яркими солнечными лучами.

— В Манхэттене.

— Конечно. — Ленивая улыбка сопровождала эти слова. — Какой ты хочешь дом?

Чёрт, архангел опять с ней играл. Солнечный свет в её душе становился всё ярче, струился по венам.

— Вообще-то, мне как бы и твой нравится, — Елена обняла Рафаэля за шею. — Я хочу его. Можно? О, и Дживса я тоже хочу. Всегда мечтала о дворцеком.

— Да.

Елена моргнула.

— Что, вот так просто?

— Это всего лишь место.

— Мы превратим его в нечто большее, — пообещала она, шепча ему в губы. — Сделаем его только нашим.

Но, когда раздался стук в дверь, Елена подумала, что сперва им надо пережить безумие Ли Дзюань.

Когда Елена увидела Рафаэля в костюме, у неё потекли слюни. Его профиль с идеальной чёткостью вырисовался на фоне ночного неба, когда они шли по извивающимся дорожкам Запретного Города, следуя за сопровождающим на ужин эскортом.

Одетый лишь в чёрные брюки и белую рубашку, Рафаэль распространял кругом ауру, кричащую, что перед ними Архангел Нью-Йорка. Правда его рубашка была произведением искусства — прорези с обеих сторон от крыльев украшала замысловатая вышивка, что чёрными нитями извивалась на белом полотне.

"Сексуальный" — слишком поверхностное слово, чтобы описать этого мужчину.

И, очевидно, красавицы-вампириши с шелковыми волосами думали так же. Елена уставилась на одну, рискнувшую махнуть своим веером в сторону Рафаэля. Веер сразу выпал из её рук.

Довольная результатом, Елена повернулась к своему архангелу и спросила:

— Где Ясон и Эйден?

— У них свое задание.

"Она не знает, что Ясон здесь?"

"Именно".

Их ввели через причудливо выкрашенные двери в комнату, которая, казалось, поглотила весь свет, воздух и сдавила грудь Елены, вжав ребра во внутренние органы.

Рафаэль слегка сместился, попав в поле её зрения, позволив таким образом сфокусировать на нём свой взгляд, чтобы у неё появилась возможность побороть удушье. Елене казалось, словно прошло несколько часов, хотя на самом деле, не более двух секунд.

Когда она снова посмотрела на комнату, пока ее трепещущее сердце восстанавливало свой ритм, ее внимание привлекла группа стульев, стоящих под стеной с бабочками. Навечно раскрытые крылья с каждой стороны пронизывали острые булавки.

— Рафаэль. — Тихое приветствие Ли Дзюань пронеслось через всю комнату. Весь её облик приводил в замешательство — глаза, странного перламутрового оттенка; платье, из множества слоев воздушной кисеи, делающее её похожей на девочку и парящее вокруг нее призрачной туманной дымкой серо-белого цвета; волосы, развевающиеся от ветра. Ветра, которого Елена не ощущала и который не касался ни тяжелых парчовых занавесок, ни изысканных гобеленов на стенах.

Кожу Елены начало покалывать — первобытный инстинкт предупреждения, выработанный за миллионы лет эволюции, подсказывал, что ей никогда, ни в коем случае не стоит привлекать внимание создания напротив. Поскольку это не комната поглощала свет. А сама Ли Дзюань. Вспышка паники возникла в заднем мозгу Елены, когда она осталась стоять на месте, и пронеслась по всему телу, подсказывая, что нужно бежать, прятаться.

Но, конечно, было уже слишком поздно.

Елена смотрела, как Рафаэль взял ладони Ли Дзюань в свои, наклонил голову и прикоснулся губами к бледной безупречной коже. Ли Дзюань бросила взгляд поверх его плеча и встретилась с Еленой глазами, в которых даже отдаленно не было ничего человеческого, и рассмотреть в них что-либо также было невозможно.

Отстранившись, хрупкая девушка-ангел обратила взор своих сверхъестественных глаз на Рафаэля:

— Ты изменился.

— А ты всё та же.

Елена ощущала, как звенящий смех Ли Дзюань врезался в кожу, словно обломки бритвы, смешанные с осколками стекла.

— Почему я не встретила тебя, когда была моложе?

— Тогда я бы тебя не заинтересовал, — ответил Рафаэль, положив руку Елене на талию. — Это Елена.

— Твоя охотница. — Когда Ли Дзюань впиалась в неё взглядом своих бледных глаз, Елене понадобилась вся сила воли, чтобы не отступить назад, не спрятаться.

Поскольку Ли Дзюань была монстром. Таким, как те чудовища, что прячутся под кроватями и которыми матери пугают своих детей. И которых никто и никогда не должен видеть.

— Леди Ли Дзюань. — Официальное обращение, выученное благодаря Джессами Елена произнесла нормальным тоном, хотя и не поняла, как это у нее получилось.

Ли Дзюань посмотрела на шею Елены:

— Ты не надела ожерелье.

Охотница не отвела глаз, даже не смотря на то, что внутри пылала от ярости.

— Мне больше пришелся по вкусу подарок Рафаэля.

— Клинок — такое украшение было модным в другие века. — Предмет внимания Ли Дзюань изменился, словно ожерелье, принесшее Елене столько боли уже её не интересовало. — Такие прекрасные крылья. Покажешь их мне?

Елена не хотела ничего показывать этому созданию, но её просьба была вежливой. Охотница не собиралась устраивать политический инцидент из-за того, что Ли Дзюань выглядела настолько не от мира сего, что это не поддавалось пониманию.

Она передвинулась, освободив себе побольше пространства, и раскрыла крылья, которые подарил ей её архангел вместе с новой жизнью. Но, когда Ли Дзюань протянула руку, чтобы прикоснуться к ним, Елена сложила их обратно.

В то же время Рафаэль сказал:

— Нарушать правила поведения — совсем на тебя не похоже.

— Примите мои извинения, — ответил Ли Дзюань и опустила руку, продолжая следить, не отрывая взгляда, за теми частями крыльев, что выглядывали из-за тела Елены. — Мое единственное оправдание это то, что твои крылья действительно уникальны.

— Спасибо, — ответила Елена, мечтая спрятать свои крылья подальше.

Ли Дзюань приняла благодарность так должное.

— Как ты видишь, мои совсем обычные.

Она расправила свои крылья.

Они оказались светло сизого цвета. Нежными и единственными в своем роде благодаря невероятной бархатистости.

— Возможно и обычного цвета, но из-за этого они не менее прекрасны, — произнесла Елена.

Ли Дзюань сложила крылья.

— Такая честная. Этим она тебя и зацепила?

Рафаэль не ответил прямо.

— Тебя мало интересуют такие земные эмоции.

— Ты меня заинтересовал. — Коснувшись его ладони, Ли Дзюань указала рукой по

левую сторону от себя. — Я подумала, мы сможем поужинать в неформальной обстановке.

Елена еле сдержалась, чтобы что-то не сказать в ответ. Хотя эта комната и не была столовой, но её убранство и богатство не возможно было описать словами. Задняя стена состояла из зеркальных панелей в витиеватых рамах из золота, справа висели гобелены, которые явно стоили сотни тысяч, на передней стене находилось множество окон, через которые открывался вид на сияющую, всегда элегантную, праздную толпу придворных внизу.

Стену слева, под которой они должны были сидеть, украшали бабочки.

Елена неохотно подошла к креслу с обивкой великолепного нефритового цвета. Она просто не смогла отвести взгляда от созданий, застывших в состоянии вечного сна.

— Здесь нет стекла, — пробормотала охотница себе под нос. — Как вы сохраняете их от разложения?

Ли Дзюань в очередной раз звонко рассмеялась. Сердце Елены сковало льдом, как только до неё дошло, что она сказала.

— Ты не раскрыл ей мой секрет, Рафаэль? — спросила архангел, и её глаза зажглись девичьим озорством.

Жуть.

Рафаэль слегка коснулся ладонью спины Елены.

— Это больше не секрет. Фаваши вчера говорила со мной об этом.

— Но ты знал раньше всех. — Ли Дзюань опустила в кресло, сделанное так, чтобы вместить крылья, с узкой, как колонна, спинкой для удобства по центру и боковушками, которые плавными изгибами сходили на нет. — Как поживает твой чернокрылый ангел?

Рафаэль сначала усадил Елену и лишь, затем занял место рядом с ней.

— Ясон с нетерпением ожидает бала.

Под культурным разговором скрывалось завуалированное ощущение опасности, которое, словно живое пламя, обжигало лодыжки Елены. Рафаэль рассказал ей, что Ясона ранил один из перерожденных, и теперь она гадала, а не было ли это нападение спланировано. Предупреждение?

Ли Дзюань подняла руку, и ярко-синяя бабочка со стены оказалась у неё в ладони, а булавка беззвучно упала на ковер.

— А тот красавчик-юнец?

— Я решил, что Иллиуму лучше здесь не появляться, — тут же ответил Рафаэль. — Он мог стать слишком большим искушением.

Бросив бабочку на стол, Ли Дзюань рассмеялась, и этот раз её смех был мрачнее, преисполненный — если так можно выразиться — настоящим юмором.

— Хм, да, его крылья воистину прекрасны, — она перевела взгляд на Елену. — Так же необычны, как и твои.

— К сожалению, я тоже не коллекционный экземпляр. — Ответила Елена, прекрасно понимая, что должна постоять за себя, даже если эта женщина — архангел может стереть её в порошок одной только мыслью.

— О, я не хочу отбирать твои крылья, чтобы они весели на стене, — сказала Ли Дзюань, мягко двигаясь вместе с потоками жуткого ветерка, который не касался ничего кроме неё. — Ты намного интереснее живой.

— Вот мне повезло.

Правда, она совсем так не считала. Откинувшись на спинку стула, Елена позволила

архангелам вести беседу. Пока они говорили, она смотрела и слушала... и пыталась понять, почему Ли Дзюань со стороны казалась какой-то неправильной.

Да, от её силы мурашки бежали по коже, но Рафаэль тоже однажды сломал каждую кость в теле вампира и оставил его на виду, как предупреждение всем остальным.

Да и их разговор на борту самолета дал понять, что и сейчас он способен на такую же жестокость, как в день их первой встречи.

И всё же, она ночь за ночью проводила с ним в одной постели, прячась в его объятиях от ночных кошмаров, когда они становились слишком невыносимыми. Доверие. Между ними было доверие.

Но даже до того, когда он был просто архангелом Нью-Йорка — резким, жестоким, не знающим пощады — Елена никогда не ощущала подобного. Будто она находится рядом с чем-то, что не должно существовать.

— Ах, вот и еда.

Ещё до её слов Елена повернула голову к двери, ощутив запах приближающихся вампиров.

Аромат жасмина и мёда.

Сладость бальзамового дерева, припорошенная корицей.

Краска, которой коснулся солнечный поцелуй.

Несочетающаяся комбинация, странные запахи, но для вампиров это нормально. Как-то она спросила у Дмитрия, как они пахнут друг для друга. Он насмешливо ухмыльнулся — как улыбался только ей — и ответил:

— Никак. Мы храним наши чувства для смертных — для еды.

Трое вошедших были мужчинами, но только один с гладкими, как шелк, чёрными волосами и раскосыми глазами, оказался с родины Ли Дзюань. Он пах бальзамическим деревом.

Рядом с ним стоял мужчина-евразиец с огромными, как у боксера, плечами и голубыми глазами парнишки из Канзаса. У его лица были какие-то неправильные черты, но в то же время из-за этого, или именно благодаря такой необычности, он притягивал внимание. Его аромат — жасмин.

А солнечный свет... Внутренности Елены скрутило от воспоминаний, порожденных этим запахом, воспоминаний о крови и смерти, валяющихся везде кусках разлагающейся плоти, пока Урам сжимал её сломанную лодыжку.

Человек, от которого пахло солнечным светом, начал расставлять на низком, резном столе набор хрупкого, раскрашенного вручную фарфора, который стал единственной вещью, разделяющей Елену, Рафаэля и Ли Дзюань.

Кожа его рук оказалась тёмной и блестящей, как сердцевина гренадилового дерева, такого насыщенного и чисто чёрного цвета, что изготовленная из него мебель стоила бы тысячи долларов.

Её красота напоминала ей о месяцах, проведённых в Африке, и была настолько пленительной, что Елене понадобилось несколько мгновений, чтобы оторвать взгляд и посмотреть ему в глаза. Тогда она поняла, что он мертв.

Рафаэль сразу же уловил тот момент, когда Елена поняла, что вампир, стоящий рядом и наливающий медового цвета чай оолонг в крошечную чашку, один из перерожденных. Она вся напряглась,

Он мог бы поговорить с ней мысленно, предупредить, не показывать страха, но

учитывая возросшие способности Ли Дзюань, возможно, она услышит предупреждение, а Рафаэль не хотел чтобы она посчитала Елену слабой. Он доверился своей охотнице, и она его не подвела.

— Спасибо, — сказала она вежливо, когда возродившийся закончил наливать.

Вампир кивнул. Выглядел он необычайно хорошо и свежо, а значит, возродился совсем недавно. Его глаза... да, в них что-то мелькало — осознание того, кем он был, и кем сейчас стал.

Но в них отсутствовала тревога. Возможно, мужчина пока еще не понял, в кого превратился. Рафаэль дождался, пока возродившийся подойдет, чтобы налить для него чай, в то же время голубоглазый вампир обслуживал Ли Дзюань.

— Тост, — сказала Ли Дзюань, поднимая чашку, когда мужчины начали подавать еду на столик с сервировочной тележки, изготовленной из дерева и покрытой позолотой. — За новые начинания. — Она смотрела на Елену.

Рафаэль боролся с первобытным инстинктом встать между ними и защитить Елену от угрозы, которую она не сможет пережить... но тут же подумал, что его охотница смогла остаться в живых даже после всего, что перенесла рядом с ним, и добавил:

— За перемены.

Взгляд Ли Дзюань переместился к нему, но она не стала оспаривать незначительное отличие его тоста.

— Подойдет, — Она махнула рукой троим мужчинам, и они ушли так же бесшумно, как и появились.

— Никаких зрителей? — спросил Рафаэль, подав Елене небольшое блюдо с красным сладким тортом из фасоли, который, как он знал, ей понравится.

— Не сегодня. — Она смотрела, как Елена ест торт, который он дал ей. — Еда продолжает приносить тебе удовольствие, Рафаэль?

— Да. — Это был простой ответ. Рафаэль по-прежнему оставался, привязан к этой земле, к миру. — Ты больше не ешь. — Это была догадка, он не ожидал, что она кивнет.

— Это стало ненужным — Она отпила из чашки, — С друзьями, я пытаюсь, но...

Он понял, о чем она говорит. Ни один архангел не умрет с голоду, даже если он или она вообще перестанет есть. Однако отсутствие питания в конечном итоге начинает истощать силы.

Это могло занять годы, возможно десятилетия, но потерю уже не возместить. Архангелы не могли позволить себе рисковать.

Ли Дзюань говорила ему, что вышла за эти рамки. И тогда возникал вопрос, как она сейчас набирает силу.

— Кровь и плоть? — спросил он, чувствуя, что Елена непривычно молчалива. Некоторые бы сказали, она молчит от страха. Он очень хорошо знал, что она слушала, оттачивая свои знания, принимая к сведению любые возможные слабости.

— Такой способ приводит к регрессу, — ответила Ли Дзюань, ее волосы взметнулись, как — будто кто-то провел по ним призрачными пальцами, — а я эволюционирую.

Елена подождала, пока они не оказались за закрытыми дверями своей спальни, прежде чем позволить себе задрожать.

— Она... что она такое?

— Сила в чистом виде. — Рафаэль подошел к окрашенным деревянным дверям, которые вели к их личному внутреннему двору и балкону, и открыл их. — Иди сюда. Воздух очистит.

Елена взяла его за руку и позволила вывести себя на свежий зимний воздух. Запретный Город раскинулся перед ней, как море разноцветных звезд. Танцоры по-прежнему изящно кружились в главном внутреннем дворе, пока играла музыка, навязчивая, вызывающая воспоминания, достаточно красивая, чтобы вызвать слезы.

Стоя в объятиях Рафаэля, прижимаясь головой к его плечу, обнимая его, она впервые по-настоящему вздохнула. Ее легкие втягивали воздух, как будто пересохли, горло, казалось, разжалось с дрожью облегчения.

— Что это за музыка?

— Эрху.

Довольно долго, они просто стояли, впитывая музыку. Елена заговорила первой.

— Ты не думаешь, что она крадет силу у других?

— Нет. — Рафаэль провел ладонью по крыльям Елены. Охотница задрожала, приветствуя эти ощущения, ведь они подтверждали, что она земное создание в отличие от существа, которое сидело напротив них в той комнате, наполненной тишиной. — Если бы она могла это делать, то её придворные не выглядели бы так хорошо. Ли Дзюань всегда сначала играет на своей территории.

— Как в случае с возрождёнными. — Елена опять содрогнулась и тогда забралась ладонью ему под рубашку, чтобы прикоснуться к, несомненно, мужскому жару его кожи.

— Тот вампир... он пах солнечным светом и краской. И он был нововозрождённым... совсем свежим.

— Он думает, что ему дали второй шанс, — сказал Рафаэль, вспоминая, что увидел преданность в тех тёмных глазах, смотрящих на Ли Дзюань.

— Когда они начнут гнить? — заставила себя спросить Елена.

— Ясон почти здесь. — Рафаэль чувствовал приближение своего разведчика. — Ему известна самая свежая информация. Но, исходя из того, что мы знаем, всё зависит не только от количества силы, затраченного Ли Дзюань, но и от вида питания.

— Плоть, — прошептала она, — людей?

— Или вампиров. Кажется, это не имеет особого значения. — Не было ни одного сообщения о том, что ангелов приносят в жертву для питомцев Ли Дзюань, но Рафаэль не исключал подобную моральную безнравственность старейшей из архангелов.

В этот момент Елена подняла голову.

— Гроза, — прошептала она, — Ясон пахнет, как неистовый ливень с молнией и дым от костра.

— Новая грань твоих способностей стабилизировалась?

— Нет. — Она следила за спуском Ясона с неба, хотя чернокрылый ангел был, как тень. — Она включается и выключается. В основном выключается. — Елена прижалась губами к подбородку Рафаэля. — Но ты, ты всегда пах дождем и ветром, внутри моего разума. Я чувствую тебя, когда сплю, когда просыпаюсь, когда дышу.

Если бы Ясон не приземлился тогда, Рафаэль бы увлек Елену внутрь, чтобы наполниться ее неповторимым ароматом. Он провел рукой по ее затылку, коснулся губами сладкого изгиба ее уха.

Я попробую тебя на вкус сегодня вечером, Елена. Будь готова для меня... я не остановлюсь, пока ты не закричишь от удовольствия.

Он слышал, как ее сердце пропустило удар, дыхание перехватило. Но его охотница всегда принимала вызов.

В любое время, ангел.

— Господин. — Ясон сложил крылья и ждал разрешения говорить.

Подняв голову, Рафаэль кивнул в знак приветствия.

— Пойдем, поговорим внутри. — Из-за своего странного понятия о чести Ли Дзюань гарантировала своим гостям свободу от шпионов — реальных и технических. Она считала, что нельзя нарушать уединение гостей.

Внутри, Елена прислонилась к комоду, Рафаэль и Ясон стоял перед ней. Татуировка ангела была почти полностью набита заново, пример живого искусства, которое закрывало левую сторону лица и говорило о происхождении с земель далеких друг от друга. История родителей Ясона считалась одним из величайших любовных романов среди ангелов. И какое-то время так оно и было.

— Твои люди смогли узнать что-нибудь еще? — спросил он своего разведчика.

— Чтобы она не хранила в комнате своей крепости, — сказал чернокрылый ангел, его голос был кристально чистым, идеального тембра, — это перенесли сюда.

— Один из возродившихся?

— Да, но особенный, были приняты крайние меры, чтобы защитить его по пути сюда. — Прекрасный голос изменился, передавая отвращение Ясона. — Есть доклады об исчезнувших молодых женщинах на дорогах Великого шелкового пути.

— Она кормит возродившегося живыми? — Убийства людей не были нарушением табу, но для такой цели и таким способом... это вызвало бы отвращение даже у Кэризмнона.

— Мы не смогли найти никаких останков, чтобы подтвердить свои догадки, — сказал Ясон. — Но исчезновения совпали с маршрутом каравана, и если они хотели получить мертвых, то могли найти тела недавно преданных земле во всех деревнях.

— Ли Дзюань считается богиней, — сказал Рафаэль, вспоминая другое время и другого ангела, ставшего богом, — сельские жители не стали бы жаловаться.

— Нет. — Распущенные, черные как смоль волосы Ясона заблестели от солнца, когда он склонил голову и сделал глубокий вдох. — Это еще не самое худшее.

— Еще что-то? — потрясенно переспросила Елена.

Ясон поднял голову.

— Ходят слухи, серьезные слухи, что те смертные придворные, которых не выбрали, чтобы стать избранными...

— Господи! — прошептала Елена. — Они просят о возрождении?

— Похоже, их соблазнили новые возрожденные, — подтвердил Ясон. — Те, кого длительное время держат в физическом состоянии, похожем на жизнь, кормя плотью.

— Молодые или старые? — спросил Рафаэль.

— Старые... но я не думаю, что это надолго. — Ясон покачал головой.

— Почему? — Елена непонимающе взглянула на Рафаэля. — Они должны знать или догадаться, что, вероятно, будут иметь гораздо более короткую продолжительность жизни, чем если бы они позволили природе взять свое.

Ясон ответил за Рафаэля.

— Это обещание бессмертия, надежда, что Ли Дзюань найдет способ, чтобы поддерживать их жизнь вечность. Некоторые отдали бы все за это.

Елена что-то услышала в этом заявлении, подтекст, полный смысла.

Она посмотрела на ангела, который всегда был в тени, его красивое экзотическое лицо всегда оставалось непроницаемым, а угольно-черные крылья позволяли органично вписаться в ночь.

— За обещание? — Елена покачала головой. — Я просто не могу понять, ведь, по сути, их положение хуже, чем у рабов.

— Ты никогда не гонялась за бессмертием, — ответил Рафаэль. — Тебе не понять их жажду.

Она задумалась.

— Может быть, я понимаю, — сказала она, и пожалела. — Мой зять любит мою сестру... но он не стал ждать, пока ее примут в качестве кандидата. Он желал вечности больше, чем хотел, чтобы моя сестра была рядом с ним. И теперь Бет будет стареть, в то время как Гарри останется вечно молодым.

Гарри поклялся оставаться рядом с Бет, и почему-то Елена ему верила. Но задумалась, захочет ли Бет принять его самоотверженность.

Будет ли сестра продолжать любить его, зная, что проиграла бессмертию, что однажды она умрет, оставив Гарри, чтобы он встретился с кем-то еще, полюбил кого-то?

Она встретила взглядом с Рафаэлем, ее сердце болезненно сжалось в груди. Потому что ей тоже придется смотреть, как ее сестра умирает.

"Я не извинюсь, Елена. Это было бы ложью, я не могу позволить тебе оставить меня".

Грубая честность ответа, его эмоции, потрясли ее. "Я забываю, а потом вспоминаю, и становится еще больше".

Бет превратится в пыль, когда придет ее время, но она умрет, зная, что за ее детьми будет присматривать ангел.

Елена отрывисто кивнула, встретив взгляд Ясона, впервые заметив, что его глаза были черными, настолько черными, что почти невозможно отличить зрачок от радужки.

— Придворные обернутся против Ли Дзюань, если мы докажем им, что в возрождении нет бессмертия?

Ясон зашуршал крыльями, но даже здесь, в этой комнате, полной света, ему удавалось найти тень, и Елене пришлось сосредоточиться, чтобы увидеть их очертания.

— Может несколько, но большинство из них слишком привыкли считать ее своей богиней. Они будут слепо следовать туда, куда она ведет.

Предоставляя Ли Дзюань бесконечный запас тел для армии мертвых.

Елена лежала в объятиях Рафаэля, ее тело обессилено от сексуальных ласк. Архангел сдержал свое обещание. Он заставил ее кричать.

Ее сердце все еще колотилось от жгучего удовольствия, когда она упала в теплую тьму спокойного сна. Настолько спокойного, что ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что именно она слышит.

Кап.

Кап.

Кап.

— Иди сюда, маленькая охотница, попробуй. — Кто-то прижал палец к ее губам.

Она сжала губы, но вкус все равно просочился внутрь, коварный, непередаваемый. Нет! Ее разум отказывался понимать, что это было, отказывался воспринимать.

Но монстр не позволял ей убежать.

— Белль такая вкусная, правда? — Его глаза были темно-карими, с тонким кроваво-красным ободком. — Я оставил немного для тебя. Здесь. — Он смахнул золотистые, светлые волосы сестры с ее шеи и обнажил кровавую рану, которая раньше была горлом. — Я думаю, кровь еще теплая. — Он уткнулся лицом в шею Белль, положив руку ей на грудь, которая только начали формироваться.

Елена закричала:

— Нет! — Она набросилась на него с кулаками, стала царапать, кусать и пинать от ярости.

Но даже рождённый охотником не ровня взрослому вампиру. Вампиру, переполненному кровью. Он просто игрался с ней, позволил поверить, что она может его ранить. А когда она ослабила бдительность, когда её силы начали иссякать от борьбы... он её поцеловал.

Елена проснулась задыхаясь.

Перед глазами мелькали чёрные пятна, грозя потерей сознания, но затем ароматы дождя и моря просочились в её разум.

Свежий, неистовый, такой далекий от ужасного привкуса, оставшегося во рту, что смог вырвать её из цепей кошмара, заставляя с жадностью вдыхать воздух и отчаянно искать утешения в объятиях Рафаэля.

Его руки сомкнулись вокруг неё, создавая абсолютное, несокрушимое убежище.

— Шшш, я с тобой.

— Господи, Боже, о Боже.

Он обнимал Елену так крепко, что, наверное, на её теле останутся синяки. Но она всё равно дрожала, её речь была невнятной из-за страха столь сильного, что Рафаэль мог ощутить его на вкус.

— Елена, — он повторял её имя снова и снова, продолжал нежно вторгаться в её разум, пока она, наконец, не увидела его, не осознала, что он рядом.

Прижимая Елену к себе, Рафаэль поглаживал её крылья своими, успокаивая, напоминая, что она с ним, а не в капкане прошлого, из которого не способна выбраться.

Он усмирлял свою злость и ярость, держал их за стальными решетками. Архангелам под силу многие вещи, но даже он не мог повернуть время вспять и стереть зло, которое разрушило жизнь Елены ещё до того, как она успела вырасти.

— Он заставил меня попробовать кровь Бель, — тихо прохрипела Елена, словно надорвала голос от крика.

— Рассказывай.

— Кровь моей сестры. Он поцеловал меня, заставляя проглотить кровь Бель. — Слова Елены были пропитаны яростью, ужасом и болью, смешанной со смущением. — Я пыталась выплюнуть, но он закрыл мой рот, нос, и мне пришлось глотнуть. О Господи, я выпила её кровь.

Чувствуя, как Елену начинает вновь охватывать истерика, Рафаэль взял её лицо в ладони и впился в губы в поцелуе, выражающим бесконтрольную, самую примитивную потребность.

Она на мгновение замерла, а затем, запутав пальцы в его волосах, вывернулась и оказалась под ним, обвив ногами за талию.

В её поцелуе с привкусом слёз ощущалось дикое отчаяние. Она хотела забыться. А он был согласен сделать всё, что в его силах, чтобы подарить ей покой.

Рафаэль взял Елену жёстко, так как она хотела. Прижав её запястья к простыням одной рукой, и раздвинув бедра другой, он резко и глубоко погрузился в сгорающее от нетерпения тело.

Её вскрик раздался эхом во рту Рафаэля. Он продолжал целовать Елену, пока овладевал ею, и даже накалённые до предела, почти болезненные ощущения их единения не смогли заставить его оторваться от её губ.

Он упивался ею, пока она не начала задыхаться, пока её глаза не заволокло от удовольствия, от страсти, от полного экстаза. А потом целовал, пока она возвращалась с вершины блаженства.

— Ещё, — прошептал Рафаэль, не отрываясь от её губ.

Она отвечала на каждое его движение, охотно и даже требовательно приподнимая бедра. Освободив руки, Елена притянула Рафаэля ближе, губами исследуя его щеку, подбородок, шею.

А затем... просто уткнулась ему в плечо и позволила обнимать себя, защищать.

Такое доверие полностью обезоружило Рафаэля, заставило шагнуть за край наслаждения и упасть в объятия Елены.

— Спасибо. — Прошептала Елена, не отпуская Рафаэля от себя, касаясь губами его уха ощущая, как черный шелк его волос холодит кожу. — Спасибо.

— Я бы хотел избавить тебя от кошмаров, Елена.

— Знаю. — Тот факт, что Рафаэль не пытался при помощи силы узнать, что её тревожит, невзирая на дикое желание забрать всю её боль, заставил сердце Елены раскрыться. — Но они часть меня.

Елена молчала, но Рафаэль знал, что она хотела спросить.

— Ты вся и полностью принадлежишь мне, — сказал архангел решительно и без колебаний.

— Я словно перемешанный пазл. Разве тебя это не беспокоит?

— Ты выжила. — Рафаэль перестал обнимать Елену и устроился сверху, упёршись предплечьями по обе стороны от её лица. — Как и я. Бросишь меня из-за этого?

Мысль о том, что она может его потерять, острой болью отозвалась в сердце.

— Я уже говорила. Ты — мой. И теперь тебе не сбежать.

Их губы соединились в мучительно медленном поцелуе, от которого подгибались пальцы на ногах, поцелуе, из-за которого все ужасные события, казалось, произошли в

прошлой жизни. Грудь Елены вздымалась от глубоких и судорожных вздохов, касаясь груди Рафаэля.

— Это место. Что-то здесь... — замотав головой, она убрала влажные пряди волос с лица. — Смерть. Такое количество смертей — плодотворная почва для моего воображения.

— Ты не веришь, что эти воспоминания правдивы?

— Не хочу верить, — прошептала Елена, поскольку знала, что её кошмары — не просто игра разума. — Если это правда... — Непролитые слёзы жгли ей глаза. — Он пришел за мной и оставил частичку себя внутри меня.

— Нет. — Рафаэль заставил Елену посмотреть ему в глаза, радужки которых полностью заволочла кобальтовую синеву. — Если он заставил тебя выпить кровь сестры, — проговорил он, прервав её вырвавшийся вскрик, — тогда ты несешь в себе её частичку.

— Разве это лучше? Я могла ощутить её вкус. — Ладонь Елены взметнулась к горлу. — Насыщенный, богатый, полный жизни. — Ужас происходящего удавкой обвился вокруг её шеи.

— Даже моя мать, не взирая на то, во что она превратилась, никогда не осуждала меня за неизбежное. Думаю, твоя сестра была созданием куда более ласковым, ведь она любила тебя. — Сказал Рафаэль, нежно обхватив ладонью щеку Елены.

— Да. Бель меня любила. — Ей нужно было произнести эти слова вслух. Нужно было услышать. — Она всегда мне это говорила. И никогда бы не назвала чудовищем. — Так Елену назвал её отец.

"Я не позволю своему ребенку стать мерзким чудовищем. — Он тряс Елену так сильно, что она не могла говорить. — Никогда больше не упоминай об этих глупостях. Забудь эту чушь про запахи. Поняла?"

— Расскажи мне что-нибудь о своей матери, — выпалила Елена. Её душа стала слишком ранимой, чтобы справиться с воспоминаниями о той ночи, когда отец впервые ранил её словами.

Это случилось через месяц после смерти мамы. Захлебываясь под черными волнами тоски, Елена заговорила о том, о чём за три долгих года даже не упоминала шепотом. В то время чутье охотника осталось единственной неизменной вещью в её жизни, и она думала, что Джеффри поймёт её потребность в этом. Но то, как он разозлился той ночью...

— Что-то хорошее, — добавила она. — Расскажи хорошие воспоминания о матери.

— У Калианны был голос небесной красоты, — начал Рафаэль. — Даже пение Ясона не сравнится с пением моей матери.

— Ясон поет?

— Наверное, у него самый прекрасный голос среди всех ангелов, но уже столетия его никто не слышал. — Рафаэль покачал головой и посмотрел на Елену. — Это его секреты, и не мне их раскрывать.

Елена с легкостью восприняла ответ архангела, она понимала законы дружбы и преданности.

— Его научила твоя мать?

— Нет. Калианна исчезла задолго до рождения Ясона. — Рафаэль наклонился и прижался ко лбу Елены своим, их дыхание смешалось в нежном моменте близости. — Она пела мне, когда я был совсем маленьким ребенком, едва научившимся ходить.

Её песни заставляли Убежище замирать, пока сердца всех и каждого тоскливо сжимались, а окрылённые души парили в небесах. Слушали все... но пела она для меня.

— Я так гордился, — продолжал Рафаэль, погружившись в прошлое, — что у меня есть право слушать её песни. Даже отец не оспаривал эту привилегию. — Надиэль уже тогда начал понемногу терять себя, но в памяти Рафаэля осталось несколько счастливых воспоминаний о том времени, когда безумие ещё не завладело его отцом и не отобрало от сына и супруги. — Он говорил, что пение Калианны такое прекрасное из-за того, что состоит из искренней любви, любви, которую может испытывать только мать к своему ребенку.

— Хотела бы я послушать.

— Однажды, когда твой разум сможет полностью слиться с моим, а ты станешь достаточно сильной, чтобы это выдержать, я поделюсь с тобой воспоминаниями о её пении, — пообещал Рафаэль. Это его самые сокровенные сокровища и самый большой подарок, который он мог ей дать.

Глаза Елены засияли в темноте, и Рафаэль знал, что его охотница всё поняла. Однажды.

Они провели в объятиях друг друга всю ночь. Не раз она искала у него утешения, и он с радостью помогал ей забыться.

Следующим утром Елена снова и снова рассматривала ангела, шедшего рядом, не до конца веря, что он настоящий. Его волосы были необычными — цвета утреннего тумана и палящего солнца.

Никогда раньше она не встречала таких светлых волос — ещё белее, чем её собственные. Если бы она могла определить их оттенок, то охарактеризовала бы их как белое золото. Но даже такое название говорило о цвете.

Волосы же этого ангела не имели цвета, но сияли на солнце, словно каждую прядь покрывали осколки бриллиантов.

Его кожа была под стать волосам. Бледная, почти молочного оттенка, но с золотистым сиянием, которое из статуи превращало его в дышащего, живого человека. Алебастр, осыпанный золотой пылью — наверное, так можно было описать цвет его кожи.

И, конечно, глаза.

Чёрный зрачок, от которого к радужке отходили острые пики, словно осколки голубых и зеленых кристаллов. Можно было бесконечно смотреть в эти глаза и увидеть лишь своё собственное тысячекратно умноженное отражение.

Невероятно ясные и прозрачные, и в тоже время непроницаемые.

Его абсолютно белые крылья блестели так же, как и волосы, будто покрытые алмазной пылью. Они искрились под лучами яркого зимнего солнца так сильно, что почти резали глаза. Бесспорно, он был прекрасен.

Существо ошеломляющей красоты, которого никто и никогда не принял бы за человека. Но во всём его виде ощущалось что-то отстранённое, словно смотришь на статую или великое произведение искусства.

И всё же этот ангел был последним из Семерки Рафаэля. Его звали Эйдан. Он носил два меча в ножнах на спине, которые размещались вертикально параллельно друг другу. Их рукояти не были ничем украшены, кроме символа, похожего на кельтский узел, но с уникальным искусным узором.

Елена бы расспросила его, но он так редко говорил, что она до сих пор не запомнила тембра его голоса.

Это молчание вызывало странные ощущения после юмора Иллиума, ядовитых комментариев Вэнома и даже пошлого подтрунивания Дмитрия.

Но также позволяло постоянно сохранять бдительность и следить за их окружением.

Её взгляд упал на интересное резное изображение в самом низу небольшого пролета ступенек.

Елена спустилась по ним и оказалась на одном уровне с главным двором. Слева от нее находились голые деревья, покрытые снегом; справа — вырезанная картина. Проигнорировав придворных, которые также не обращали на нее внимания, она начала рассматривать изображение.

Одного прикосновения хватило, чтобы понять, что оно очень древнее. Елена всегда была способна ощущать возраст вещей, особенно зданий.

А этой панели было не меньше нескольких столетий. Её делали с большой кропотливостью, увековечивая один день из жизни двора.

Ли Дзюань восседала на троне, возвышаясь над танцующим придворными и выступающими акробатами. Ничего необычного... но все же. Елена нахмурилась, рассматривая панель ещё раз.

Нашла.

— Это Урам. — Изображение мертвого архангела не должно было шокировать Елену, но... — Я никогда его таким не видела.

Потрясающе. Присутствие мрачной красоты рядом с изысканностью Ли Дзюань.

— Я знаю его только монстром, в которого он превратился.

Елена удивилась, когда Эйдан заговорил. Его голос навевал мысли о зеленых холмах и обиталищах фей.

— Даже тогда он был чудовищем.

— Да, — согласилась Елена, прекрасно понимая, что Урам не мог за одну ночь стать настолько аморальным существом. — Полагаю, он просто хорошо это скрывал.

Она собиралась пойти по узкой дорожке, когда ее инстинкты забили тревогу. Повернувшись, она увидела, как к ней направляется ангел с янтарными глазами, крыльями цвета мёда и кожей темнее, чем у Насира.

Она никогда раньше его не встречала, но тем ни менее, узнала. Когда Эшвини рассказывала о нём, её голос был полон ужаса:

— То место переполнено криками, — она задрожала, а тёмно карие глаза стали почти чёрными. — Он наслаждается болью больше, чем кто-либо другой из всех людей, с которыми я когда-либо встречалась.

— Охотница Рафаэля, — ангел слегка склонил голову в приветствии.

— Я Елена. — Она засунула руку в карман и сжала в ладони пистолет. На поясе у правого бедра у неё висел короткий меч — и она и Гален оба решили, что такое оружие подходит ей больше всего. Но даже Гален согласился, что это скорее последний вариант из её арсенала, поскольку Елена попросту была недостаточно быстрой, чтобы обезвредить большинство других ангелов.

— Назарах. — Его выразительные янтарные глаза впились в Эйдана. — Я многие десятилетия не видел тебя в обществе.

Эйдан промолчал, но Назарах, казалось, и не нуждался в ответе. Он вновь вернул свое внимание к Елене.

— Надеюсь, мне удастся потанцевать с тобой, Елена.

А вот Елена уж точно не желала, чтобы он находился с ней поблизости и, тем более, касался её. Хотя она и не обладала экстрасенсорными способностями, не дающими покоя

Эшвини, но Назарах смотрел на неё так...словно представлял. как она кричит в агонии.

— Прости, но все танцы принадлежат Рафаэлю.

Назарах улыбнулся, и от этого все женские инстинкты Елены забили тревогу.

— Я не из тех, кто легко сдаётся.

— Тогда, полагаю, увидимся вечером.

— Отлично. — Его взгляд метнулся вправо. — Я должен поговорить со своими людьми.

После ухода Назараха Елена посмотрела на Эйдана и заметила, что он весь напрягся

— Ты в порядке?

Он удивлённо посмотрел на неё, а затем слегка кивнул.

Посчитав, что Назарах достаточно жуткий, чтобы заставить содрогнуться одного из Семерки, Елена указала на узкую тропинку, ведущую прочь от места встречи с Назарахом.

— Пойдём сюда.

Эйдан молча последовал за ней, и когда повернулся, их крылья соприкоснулись.

— Прости, — извинилась Елена и быстро отступила.

Он резко кивнул, крепко прижав крылья к спине.

Похоже, Эйдану и вправду не нравилось, когда касались его крыльев. И не только крыльев, но и всех остальных частей тела. Елена запоздало осознала, что с тех пор, как Рафаэль представил ей Эйдан, ангел ни с кем не соприкасался. Она отметила про себя, что нужно избегать с ним контакта, и моргнула, когда глаза привыкли к более яркому свету на другой стороне прохода.

Они вышли на маленькую, пустую площадку, окружённую искусно покрашенными деревянными стенами. Каждая панель изображала сцены из жизни за пределами Запретного Города — от фермеров, работающих на полях, и юных девушек, делающих покупки на рынке, до старика, сидящего под лучами солнца.

Здесь было спокойно. В окружении вечнозеленых деревьев, посаженных специально таким образом, чтобы создавать успокаивающую смесь тени и света.

Мостовая отблескивала разными цветами, и когда Елена подняла голову, чтобы определить от чего, то увидела пузырчатое стекло старинного витража.

Красиво. Заставляет забытья.

Именно поэтому Елене понадобилось чуть больше времени, чтобы понять: ароматы, которые она уловила, находились совсем рядом, мелкий предмет, воткнутый в ствол дерева поблизости — кинжал Гильдии... а едва уловимый звук — щелчок взведенного арбалета.

— Ложись! — закричала Елена в тот же миг, когда из арбалетов выстрелили. Не из одного. Из двух.

Эйдан бросился её прикрывать, и это стало ошибкой. Болт пронзил его крыло, силой выстрела приколов к стене. Елена упала на мостовую и почувствовала, как над головой пролетела стрела.

Она подняла голову и увидела, как Эйдан пытается вытянуть метательный снаряд из крыла. В то же время второй болт вонзился в его плечо, не дав освободиться.

Елена откатилась — хотя было чертовски трудно учить себя делать это заново, когда за плечами красовалась пара крыльев — и спряталась в тени дерева недалеко от Эйдана. Её первым инстинктом было выхватить оружие, но пули в нём предназначались для того, чтобы рвать в клочья ангельские крылья. Будут ли они эффективны против вампиров, она не знала, но если сработают, как обычные пули, то существовала незначительная возможность, что она заденет жизненно важную точку и убьет напавших. А они нужны им живыми, чтобы до конца разобраться во всем происходящем.

Приняв решение, она опустила в ладони по кинжалу, игнорируя арбалетные болты, которые с глухим стуком вонзались в ствол за её спиной, и сосредоточилась. Всё вокруг застыло, словно мир вокруг вращался в замедленной съемке, а солнечный свет превратился в слепящий туман. Елена вновь услышала, как взводится затвор арбалета и вставляется болт. Но слух никогда не был чувством, на которое она полагалась больше всего.

Засахаренная бузина.

Прицелившись, она метнула нож. Витраж разбился, усеяв землю тысячами цветных осколков. Второй кинжал уже летел по воздуху и попал вампиру, прятавшемуся за стеклом, в шею. Елена видела, как фонтаном брызнула кровь, но её внимание было приковано ко второму стрелку. Он оставался на своей позиции, укрывшись за небольшой толстой стеной. В безопасности, но в то же время, лишенный возможности стрелять, не выдав себя. Выбравшись из укрытия, Елена побежала к Эйдану и вырвала болт из его крыла. Он позаботился о своем плече.

— За сте... — Она резко подняла голову, ощутив, как аромат бузины начал перемещаться. Через мгновение он соединился с насыщенным всплеском запаха горького кофе. Чертыхнувшись, она отбросила окровавленную стрелу и побежала к ступенькам, высеченным на одной из сторон площадки, попутно проклиная тот факт, что не умеет взлетать с места.

Позади неё Эйдан взмыл ввысь. Порыв воздуха, вызванный взмахом его крыльев, ударил её в спину, когда она поднялась выше и зашла в павильон, в котором прятались вампиры. Вокруг сильно пахло кофе и бузиной, орошенной кровью. Они спустились по ступенькам с другой стороны.

Елена развернулась, разбежалась и взлетела. Приятное возбуждение разлилось внутри неё — прилив адреналина, появляющийся при любой опасной ситуации. Стараясь побороть желание просто парить в воздушном потоке, Елена посмотрела вниз. Сверху Запретный Город казался намного больше, чем выглядел на самом деле. Он раскинулся во все стороны хитросплетением нижних и верхних дворов, соединенных утонченными мостами, с переулками, разбегающимися в разных направлениях, которые вели к изысканным зданиям и

уединению за закрытыми дверьми.

Эйдан встретил Елену над главным двором. Его плечо кровоточило, а одно из крыльев было повреждено, но всё ещё работало.

— Они затерялись между придворными внизу.

— Кажется, пришло время охоты. Прикрой меня. — Сфокусировавшись на своих ощущениях, она решила искать того, кто кровоточил. Он медленнее и его легче обнаружить.

Ароматы кружились, словно тысячи цветных лент. Пьянящие, сладкие, дурманящие фиалки. Свежесрезанное дерево. Сверкающие свежие капли дождя в солнечный день. Тяжелый женский запах шампанского и смятых простыней. Бузина с каплями тёмно-алой крови.

Возбуждение от охоты разгорячило её кровь. Елена устремилась вниз, к тому месту, откуда исходил запах бузины. Почти слишком просто. Вампир стоял в окружении своих собратьев. На нем было надето пальто переливающегося синего цвета и шелковый шарф, завязанный узлом на шее.

Шарф намок, пропитавшись эссенцией его жизненной силы.

Елена собиралась указать на него Эйдану, но вампир внезапно дёрнулся и свалился на землю. Его тело корчилось в конвульсиях, похожих на эпилептический припадок. Раздались испуганные крики, и придворные, как бабочки, разлетелись в разные стороны. Елена приземлилась рядом с телом и, увидев вокруг рта вампира кровавую пену, перевернула его на бок.

— Не дай ему закрыть рот! — сказала она Эйдану, когда он приземлился. — Если он подавится своим языком... Под её руками тело замерло. Вампиры могут многое пережить, но она была уверена, что этот — мертв. Инструмент, ставший помехой.

— Какая потеря, чёрт подери. — Он был слишком юным. Скорее всего, даже десяти лет не прошло с тех пор, как он стал вампиром. Судя по внешности, ему было около тридцати, когда он обратился. — Вот тебе и вечная жизнь.

Эйдан посмотрел на Елену. Его глаза превратились в ледышки.

— Отыщи другого. Я последую за тобой.

— Нам нужно тело.

Он коротко кивнул. Елена поднялась на ноги. Она все ещё держала пистолет в руке и подставила лицо ветру. Ароматы изменились, пропитались страхом и тошнотворной примесью возбуждения.

Похоже, для некоторых бессмертие производило неизбежный побочный эффект — когда жестокость вызывала зависимость, словно наркотик. Отбросив посторонние мысли, Елена начала идти по следу второго стрелка и пересекла площадь.

Он далеко ушел: через весь двор, вдоль долгого, петляющего переулка с высеченными на стенах рисунками, который выходил на солнечную площадь, затем поднялся по ступенькам и пересёк три дугообразных моста, спустился в, по-видимому, исключительно приватную часть города.

С единственного дерева, которое она могла видеть, не свисало никаких фонариков. Никаких женщин в красивых нарядах, кокетливо выглядывающих из-за ловко приспущенных вееров.

Вместо всего этого — только ангел, сидящий на мраморной скамье под деревом с вечнозелеными листьями, а у её ног — вампир. Елена не смогла предотвратить то, что последовало. Минуту назад вампир, тяжело дыша, стоял на коленях, и вот — его голова уже у

ног Елены, отсеченная с безжалостной легкостью.

— Идиот, — пробормотала Анушка, положив рядом с собой на лавку жуткий изогнутый клинок. Она стала разглаживать белую струящуюся юбку с таким видом, словно не замечала пятен крови на ней и на маленьких зеркальцах, украшающих декоративной вышивкой её одежду. — Привёл вас прямиком ко мне.

Елена не могла не обращать внимания на то, что к её ноге прикасалась отрезанная голова, а по чёрной коже сапога рассыпались пряди волос. Уголки губ Анушки приподнялись в улыбке, когда Елена отступила на шаг в сторону.

— У тебя поубавится людей, если будешь без разбора всех убивать, — сказала она, прикидывая, сможет ли прострелить крыло Анушки, учитывая её сидячее положение. В итоге поняла, что не уверена. Побег — тоже не выход, Если только она не хочет, чтобы у неё между лопаток оказался нож.

— Если ты ждёшь того ущербного, то его задержали. К сожалению, до того, как он успел позвать подкрепление, — произнесла Анушка и поднялась на ноги. — Ты слышишь?

Жуть. Елена никогда не думала, что тишина может так давить.

— Зачем делать меня своей мишенью?

— Ты и так знаешь, но пытаешься тянуть время. Стоит ли мне тебя развлечь? — Анушка держала свои крылья тесно прижатыми к спине, пока брала оружие, лишая Елену возможности попасть в цель. Нечего пытаться стрелять в ангела из пистолета, даже снабженного специальными пулями Вивека — это примерно то же самое, что защищаться мухобойкой. Крылья — единственное слабое место.

Елена бросила взгляд на клинок. Она узнала его, поскольку в Гильдии проходила курс обучения различным видам оружия. Так званный кукри — изогнутый нож с заостренным с одной стороны лезвием. Идеальный выбор, если нужно без проблем отделить голову от тела. Следующие слова Анушки подтвердили догадки Елены.

— Он и вправду очень эффективен. Когда на текущем собрании Совета десяти я появлюсь с твоей головой в качестве трофея, то вызову, как говорят людишки, волну внимания, которую никто не сможет проигнорировать. Я собиралась сделать это на балу, но придётся действовать в соответствии с обстоятельствами. — Она вздохнула и продолжила: — Жаль, что у нас так мало времени. Ты, в самом деле, могла бы мне понравиться, но не судьба.

Кукри в её руках превратился в размытое пятно. Елена поняла, что Принцесса умела прекрасно обращаться с таким клинком. Она, не колеблясь, выстрелила в ангела, как только та двинулась и чуть раскрыла крылья. Но дочь Нехи обладала скоростью рептилии и прижала их обратно к спине до того, как пуля её настигла. Вместо этого, она вонзилась в стену напротив, вызвав при этом дождь из штукатурки.

Елена выстрелила ещё раз, с удовольствием наблюдая, как нога Анушки обгадилась кровью. Но ангел, не обращая внимания на ранение, потянулась к тому, что Елена посчитала поясом.

Как оказалось, она ошиблась. С молниеносной скоростью, плеть, словно змеиный язык, обвилась вокруг запястья Елены, чуть не раскрошив ей кости. Выстрелив при падении, она смогла отвлечь Анушку и освободить руку.

Но пули закончились и времени на то, чтобы перезарядить пистолет у неё не было. Тем более с противником, которому на убийство требовались всего секунды. Гален как-то предупредил её о возможном. Отбросив бесполезную железяку, она перекатилась и

поднялась на ноги. В ее руке был нож.

— Итак, — заговорила Анушка, на верху её левого крыла появилась отметина цвета ржи, заставляющая ангела шипеть от боли. — Кажется, тот головорез, которого Рафаэль продолжает держать в своей Семерке, всё-таки смог тебя кое-чему научить.

— Я родилась охотницей, — ответила Елена и шагнула в сторону, чтобы Анушка потеряла равновесие, пока играет со своим клинком. Архангел двигалась вместе с ней, плавно и грациозно.

Вспомнив маленькую уловку Вэнома, она смотрела слегка влево. Анушка рассмеялась:

— О, да ты умна. Жаль, что ты была слишком юной, чтобы спасти свою семью.

Елена дёрнулась, словно её пнули, на мгновение ослабив бдительность. Анушка атаковала и оставила глубокий порез на её руке до того, как охотница успела увернуться. Не обращая внимания на жгучую боль в руке и сердце, которое сжималось от слов ангела, Елена вытащила второй нож.

— Значит, деремся насмерть?

— А ты как думала? — Кукри Анушки замелькал в воздухе с молниеносной скоростью.

Елена бросила оба ножа. Один архангел отбила своим Кукри, а от второго увернулась. Но все же она смогла оставить порез на нетронутой руке охотницы.

Стерва играла с ней. И тут Елена поняла, что в этом и заключается её единственная слабость. И еще раздутое самомнение, заставившее поверить, что она вправе стать архангелом.

— Говорят, твоя кровь — яд.

— Томас испил моей крови перед тем, как отправился тебя поугаать. — Быстрые движения клинка заставили Елену упасть на землю — она едва успела откатиться до того, как Анушка смогла отрезать кусок её крыла. — Впечатляюще. — Она насмешливо поклонилась, словно они проводили тренировочный бой в самой цивилизованной манере.

Елена уже ощутила потерю крови — сказывались два глубоких пореза на руках, хотя она всё ещё могла двигаться. Пока что могла. Но такие раны сильно повлияют на скорость её движений.

— Смерть Томаса — замедленная реакция на твой яд?

— Он думал, что больше всех достоин испить из моих вен.

— Значит, он в любом случае умер бы, даже если бы не нашел меня?

— Он становился слишком притязательным, дорогуша. — Анушка вздохнула. — Мужчины такие дураки. Даже Рафаэль. Ему стоило убить тебя при вашей первой встрече. Теперь же ты — его слабость.

Елена заметила, как что-то изменилось в выражении лица Анушки, и поняла: на неё смотрит смерть. Она метнула нож. Он упал на землю, не причинив Анушке вреда, так как она успела отойти... но из-за этого оказалась прямо напротив солнца, и его лучи ослепили её на мгновение. Следующие два ножа, брошенные Еленой, попали точно в цель, в глаза, и заставили ангела отступить назад.

Анушка закричала и выронила кукри. Не обращая внимания на брошенный клинок, Елена достала короткий меч, который висел у неё на поясе и, не медля ни секунды, всадила лезвие ангелу прямо в сердце, пригвоздив её к земле. Кровь расцвела на белой одежде Анушки. Елена открыла свой разум и закричала:

"Рафаэль!"

Ей было наплевать, кто ещё услышит, лишь бы достучаться до него.

Зашипев в нескрываемой ярости, Анушка вырвала ножи из глазниц и отбросила в сторону. Она дёрнулась, пытаясь подняться, не смотря на воткнутый в грудь меч. Когда на её пальцах появились когти. Елена вспомнила, что Анушка — дочь своей матери. Она как раз вовремя успела отойти, затем повернула меч, не вынимая его из тела ангела. С пронзительным, душераздирающим криком Анушка упала на землю, её ядовитые пальцы подергивались на брусчатке. Подавив приступ тошноты, Елена вновь повернула клинок, превращая сердце Анушки в кашу. Оно восстановится, а пока ангел лежала на земле, извиваясь в судорогах, а из изувеченных глаз текли кровавые струйки, оставляя на щеках алые пятна.

Глаза её матери, такие же прекрасные, как и её собственные, лишённые возможности видеть, были изуродованы — багровые вены расплзались на белой коже.

Елена вырвалась из воспоминаний, сражаясь с бездной, грозящей затянуть её и оставить беспомощной.

"Я недостаточно сильная. Девочки мои, простите меня".

Елена старалась не слушать те слова, произнесённые шепотом. В ту ночь она скорее дремала, чем спала, рядом с ней в кровати лежала малютка Бэт. Её маленькая сестрёнка всегда боялась оставаться в своей новой комнате Большого дома. Но той ночью она спала крепко, словно была уверена, что Елена её защитит. Только Елена слышала, как их мать вошла в спальню, только Елена пыталась отрицать то, что прекрасно поняла.

"Елена".

Она задрожала от ощущения ветра и дождя. Облегчение сделало её беспечной, а тело незащищённым, когда Анушка поднялась и, с криком, набросилась на Елену. Она отбросила её на камни и стала царапать когтями. Жуткая боль пронзила бедро. Елена упала на землю, услышав, как почти в тот же миг тело Анушки врезалось в каменную стену со смачным хрустом. Мгновение спустя Рафаэль коснулся её ноги... и она поняла, что ничего не ощущает.

— Рафаэль, — прошептала она, поддаваясь панике. Онемение распространялось по телу, подбиралось всё выше, заставляя сердце сжиматься.

Его крылья закрыли ей обзор, когда он склонился над ней.

— Всего лишь царапина.

Она знала, что рана серьёзнее. Ощутила, как на кожу давят, и поняла сообщение без слов. Кивнув, она прикусила губу и постаралась сделать бесстрастное лицо. Когда посмотрела вниз, то увидела его руки по обе стороны от раны. Из них исходило синее сияние.

Елена испугалась, хоть и знала, что это не ангельский огонь, поскольку он не приносил боли. Напротив, ощущала мягкое тепло на поражённом участке. Она наблюдала с широко распахнутыми глазами, как жидкость янтарного цвета вытекала из раны на мостовую, меняя её цвет.

— Боже правый, — почти беззвучно прошептала она. Эта дрянь разъедала камень.

— Ты в порядке, Елена. Просто шокирована. — Не выдавай слабости.

Она позволила Рафаэлю поднять её на ноги и наступила на обесцвеченный участок мостовой, прикрывая пятно. Когда архангел сложил крылья, она поняла две вещи: первое — и царапины от когтей и порезы на руках перестали кровоточить, второе — весь Совет прилетел вместе с Рафаэлем. Неха стояла на коленях рядом с бессознательным телом дочери. Меч валялся неподалёку, кровавыми брызгами пометив на мостовой путь своего

полёта. На фоне смуглой кожи Нехи кровь её дочери казалась особенно яркой. Когда она посмотрела на них, её глаза превратились в лёд.

— Она умрёт.

Елена не думала, что Неха говорит об Анушке.

Лицо Рафаэля не выражало никаких эмоций:

— Не Елена организовала издевательства над ребенком.

Кто-то шумно вдохнул, и Елена поняла, что это Микаэлла. Женщина-архангел стояла по левую руку от Рафаэля и после его слов повернулась в сторону Анушки.

— Ложь, — заявила Анушка, она уже не так тяжело дышала, так как её тело исцелилось. — Охотница хотела прославиться, убив ангела.

Слова сами сорвались у Елены с языка:

— Я помогала убить архангела. Мне незачем кому-то что-то доказывать.

Неха поднялась на ноги. Её движения были такими же плавными и вкрадчивыми, как у питонов, которых она держала в качестве питомцев.

— Открой свой разум.

Елену внезапно захлестнуло волной ароматов дождя и моря, Рафаэль поднял ладонь, пылающую ангельским огнём.

— Никто не тронет Елену. Тебе стоит прочесть разум Анушки.

Кто-то пронесся над ними размытым пятном, а затем Эйдан оказался рядом с Еленой. Хотя, учитывая угол приземления, ему было бы намного проще опуститься на землю между Микаэлкой и Рафаэлем. На ангеле было столько крови, что казалось, будто его сияющие алмазные крылья покрылись ржавчиной. Но не это заставило всех умолкнуть и похолодеть от ужаса. Эйдан держал на руках вампира. У него отсутствовали все конечности, но он ещё дышал. Елена старалась не выдать своего ужаса. В последний раз, когда она видела вампира в таком состоянии, парень оказался жертвой группы ненавистников, которые несколько дней непрерывно его пытали.

— Господин, — Эйдан положил свою ношу на мостовую. — Меня задержал главнокомандующий охраны Анушки. В его воспоминаниях кроется правда.

Судя по выражению лица Анушки, она узнала вампира. И только потому, что Елена смотрела прямо на Принцессу, она смогла заметить вспышку боли от утраты. Ангел, в самом деле, что-то чувствовала к этому вампиру. Но, этого оказалось недостаточно. Она поднялась и быстрым, как у рептилии, движением схватила кукри и метнула его вампиру в шею. Рафаэль поймал клинок за лезвие, его кровь капала на разорванную грудь вампира.

— Фаваши, Титус, проверьте его разум.

Молчаливая архангел из Персии закрыла глаза. То же самое сделал огромный чернокожий архангел. Всё заняло меньше секунды.

— Виновна, — прошептала Фаваши, обращаясь к Нехе. — Даже если Астаад простит смерть наложницы, даже если Титус закроет глаза на убийство женщины из его земель, а Рафаэль простит нападение на его подчинённого и попытку убийства супруги, тебе её не спасти.

— Она нарушила наш самый главный закон, — голос Титуса не соответствовал его облику — был слишком мягким для такого здоровяка. Вокруг его стального нагрудника бугрились мышцы, поблескивая под солнцем.

— Издевательства над ребенком — табу, и, наверно, единственный оставшийся для нас запрет, — пробормотал Астад тоном учителя, поглаживая двумя пальцами маленькую, аккуратную чёрную бородку. — Если пересечь эту черту, то мы с легкостью можем

поддаться тьме, которая неотступно следует за всеми нами по пятам.

— Мальчик не умер, — ответила Неха.

— Убийство или же жестокое насилие — наказание одно. К тому же, ребенок был почти при смерти, так что разницы никакой, — жестко добавил архангел с золотистыми глазами. Илия. — Но хуже всего то, что она это сделала не сама. А научила других вкушать удовольствие от боли невинных.

— Она планировала отбирать детей у других ангелов, когда станет одной из Совета, — добавила Фаваши. В её голосе звучали скорбь и непреклонность. — Чтобы управлять своими подчинёнными, удерживая их детей в качестве заложников.

— Подтверждаю, — тихо добавил Титус.

— Даже я, — пробормотала Ли Дзюань с ноткой удивления в голосе, — не зашла настолько далеко. — Под солнечными лучами её глаза стали почти бесцветными. — Кого ты породила, Неха?

То, что произошло дальше, случилось со скоростью света. Микаэлла взмахнула рукой. Безжалостное жестокое движение, занявшее секунду — и голова Анушки слетела с плеч, фонтан артериальной крови забрызгал всё вокруг. Лицо Елены, её одежду, но она заставила себя никак не реагировать. Неха поднялась с криком, её ногти удлинились и почернели, а Микаэлла продолжала делать смертельные рассекающие взмахи руками. Господь милосердный. Часть за частью она рвала Анушку на куски.

Двигаясь со скоростью, на которую не способен ни один смертный, Неха стала царапать лицо Микаэллы, оставляя чёрные отметины. Микаэлла впечатала ладонь Нехе в грудь, отбросив ее назад. Следы на её лице стали ядовито-зелёного цвета гнили... затем начали исчезать, словно тело отвергало яд. К тому времени как Неха поднялась на ноги, раны на лице Микаэллы затянулись, только отравленные капли стекали на мостовую, разъедая квадратные камни.

Неха повернулась к дочери, ее глаза были переполнены болью.

— Она достаточно взрослая чтобы...

Ангельский огонь, холодный, синий, поглотил то, что осталось от Анушки. Елена смотрела на суровое лицо Рафаэля. Без тени милосердия архангел вынес приговор. Быстрота казни потрясла её до глубины души. Но она была согласна с его решением — картины окровавленного и истерзанного тела Сэма навсегда останутся в её воспоминаниях.

Пронзительный крик Нехи рассек воздух, такой душераздирающий, не от мира сего, за гранью восприятия. Королева Ядов и Змей стояла на коленях посреди двора и рвала на себе волосы, впиваясь в голову когтями.

Рафаэль отступил и посмотрел Елене в глаза. Самое время покинуть это место. Они ушли пешком, все, даже Ли Дзюань. Таким образом, выказав молчаливую дань уважения. Никто не проронил ни слова, даже когда они вышли на главный двор. Он пустовал — впервые с тех пор, как Елена сюда приехала.

Мгновение спустя тени затмили солнце, с востока надвигались грозовые тучи. Елена посмотрела на небо и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это ещё не конец.

Елена вошла в комнату вслед за Рафаэлем, Эйдан замыкал шествие. Ясон появился среди дня — что делал крайне редко — чтобы забрать главнокомандующего охраной Анушки к целителю, это дало возможность Эйдану последовать за архангелом и его супругой.

— Господин, — начал ангел, когда они оказались за закрытыми дверями, — я ранен.

Его слова были простой констатацией факта. Когда он снял окровавленную рубашку, Елена увидела очень глубокую рану — его почти рассекли пополам.

— Господи, Как ты вообще смог к нам прилететь?

Эйдан не ответил, но заговорил, когда подошел и встал напротив Рафаэля:

— Кажется, сегодня я немного опоздал.

— Стой на месте, — приказал Рафаэль и поднял руку, теплое пламя голубого цвета обволакивало ладонь.

Впервые на лице Эйдана появились эмоции. Безумное сплетение паники, ярости и страха замелькало в его глазах. Но он не сдвинулся с места и позволил Рафаэлю прикоснуться к нему. И если не смотреть очень внимательно, то невозможно было заметить, как он вздрогнул. Через несколько мгновений Рафаэль убрал ладонь. Порез теперь выглядел не настолько серьезным.

Облегчение отразилось на лице Эйдана, но Елена не была уверена, что это из-за того, что его рана почти зажила. Охотница молчала, пока Эйдан не вернулся к себе в комнату.

— Он не любит, когда к нему прикасаются.

— Да, — подтвердил Рафаэль, снимая рубашку и вытирая окровавленные руки.

Гадая, что или кто травмировал бессмертного до такой степени, что он вздрагивал даже при самых обычных прикосновениях, Елена начала снимать оставшееся на ней оружие.

— Хорошо, что я захватила с собой про запас. — Проверив бедро, она увидела, что хоть рана и была ещё покрасневшей, но в перевязке не нуждалась. — В душ?

— Да.

Позже, когда они отмокали в ванной, в которой так отчаянно нуждались, Елена заговорила:

— Ты причина того, что Сэм выздоравливает намного быстрее, чем все ожидали. — Её сердце переполнилось неистойвой гордостью.

— Я эволюционировал, — ответил Рафаэль, но глаза его выглядели какими-то потерянными. Он поднял руку из воды — синее пламя пылало вокруг ладони. — Этот новый дар ещё слабый. Я не смог полностью исцелить Сэма, поэтому возвращался много раз.

— Но ты ускорил процесс. — Елена взяла его лицо в ладони и прижалась ко лбу. — Ты уравнивал чаши весов.

— Нет, — не согласился он. — Они никогда не будут уравновешены. Я не должен забывать, во что превратился, погрузившись в Тишину.

Она подумала о быстром правосудии, которое Рафаэль вершил сегодня ночью, и тонкой грани между властью и жестокостью, и поняла, что он прав.

— Ну, в одном я уверена. Если бы сегодня ты не пришел, то я была бы мертва.

Его глаза приобрели оттенок вечной, бескрайней синевы от чего Елене казалось, будто она падает в другую вселенную.

— Ты не должна позволять Нехе прикасаться к тебе, ни при каких обстоятельствах. — Он схватил её за шею, притягивая ближе. — Я смог остановить действие яда Анушки только потому, что он оказался на поверхности. Яд Нехи в тысячу раз сильнее.

Елена не сопротивлялась его прикосновениям, чувствуя страх архангела, который он никогда не признает вслух. Понимание того, что её жизнь настолько для него важна, не могло оставить её равнодушной. Часть неё, та часть, которая всё ещё оставалась перепуганной девочкой-подростком, стоящей на пороге Большого дома, жутко боялась, что Рафаэль устанет от неё, что её любви окажется недостаточно.

— Столько кошмаров, — прошептал Рафаэль, поглаживая спину Елены, когда она уселась на него сверху.

— Она бросила меня, — прошептала Елена. — Хоть и любила, но всё же бросила.

— Я никогда тебя не оставлю. — В его словах сквозила сила архангела, привыкшего к власти, к контролю. — И никогда не отпущу.

Другие женщины воспротивились бы такому заявлению, но Елена никогда никому не принадлежала. До этого времени. И от понимания этого, сломанные части внутри неё начинали исцеляться.

— То же касается и тебя, — напомнила Елена.

— Думаю, мне нравится принадлежать охотнице. — Руки на её бёдрах были сильными, требующими. — Давай же, заклейми меня своим телом. Пусть мы станем одним целым.

Его нежные слова контрастировали с напористыми движениями члена. Елена уперлась руками о плечи Рафаэля и опустила на его жаркую плоть. Она задрожала, когда её тело старалось приспособиться к его внушительной длине.

— Рафаэль, — прошептала Елена у его губ, её плоть сжалась вокруг него.

Он ахнул и на мгновение опустил голову. Его губы отыскивали точку на шее, где бился пульс. Елена ощутила прикосновение зубов. И укус. Совсем не нежный. Она зашипела, а он зализал крохотную ранку и стал осыпать поцелуями её шею и подбородок.

— Ты не позвала меня, когда Анушка напала.

Елена запустила пальцы в его волосы, и когда Рафаэль поднял голову, укусила за нижнюю губу.

— Я позвала, когда нуждалась в тебе.

Они оба застыли, уставившись в глаза друг другу. Казалось, будто он пытается заглянуть в её сердце, разгадать её сущность, понять, какая она на самом деле. Но она тоже видела его истинное лицо. Величественное создание, обладающее огромной силой, и хранящее тайны столь глубокие и древние, что Елена сомневалась, сможет ли когда-либо узнать их все.

От его поцелуя перехватило дыхание, унесло прочь мысли и все заботы. Застонав, она провела руками по изгибам его крыльев и почувствовала, как он становится ещё тверже внутри неё. Ощущение оказались для неё почти слишком сильными. Она поднялась, мучительно медленно освобождая его плоть из своего плена. Он завладел её губами и не отрывался от неё, пока желание не затуманило разум, а удовольствие не захлестнуло все чувства. Сжав её талию, Рафаэль потянул Елену вниз. Она покорилась, нуждаясь в ласках самых сокровенных мест, в простом, земном удовольствии.

— Рафаэль. — Она разорвал поцелуй, обхватил рукой её грудь и стал поглаживать пальцем часть соска, выглядывающую над водой.

Было что-то невероятно эротическое в наблюдении за тем, как он прикасался к ней уверенными движениями длинных пальцев, и смотрел так, словно клеймил глазами. Схватившись за покатуемую часть его крыла, она начала нетерпеливо об него тереться. Рафаэль резко вздернул голову, его глаза сияли, будто драгоценные камни. Рука, которой он поглаживал спину Елены, плавно переместилась, и пальцы начали поглаживать невероятно чувствительную внутреннюю часть крыльев.

— Прекрати, — пробормотала она у его губ, не имея возможности замедлить неспешное жаркое соприкосновение их плоти, остановить мощную кульминацию и единение тел, от которого сердце билось, как сумасшедшее.

— Такая чувствительная, хабибти.

Елена не знала этих слов, но поняла смысл. Он произнёс что-то прекрасное на языке, который она теперь слышала только в расплывчатых снах, и не важно, с какими воспоминаниями о боли и потере он был связан, всегда означал любовь. Елена взяла его ладонь и поднесла к губам. Мягкий поцелуй заставил глаза Рафаэля загореться кобальтовым пламенем. И не было больше слов.

А только удовольствие. Жгучее, пробирающее до костей наслаждение, вознесшее Елену на вершину. И пока она возвращалась с небес на землю, её держал в своих объятиях мужчина, который никогда не позволит ей упасть.

— Мама?

Почему на полу фойе валялась мамина туфля на высокой шпильке? И где вторая? Мама не носила обуви на высоком каблуке... уже очень долгое время. Наверное, они ей надоели, и она их сняла. Да, скорее всего, так и есть. Но если мама снова начала их одевать... может всё теперь будет хорошо, и она даже улыбнётся настоящей улыбкой.

В груди закололо от мучительной надежды. Елена вошла в прохладный коридор роскошного Большого дома, дома, который превратил её отца в незнакомца, и потянулась за одиноко валяющейся туфлей. И тогда она заметила тень. Такую деликатную, так мягко покачивающуюся.

Она знала. Знала. Но не хотела принимать. Её сердце превратилось в тугой узел колючей проволоки. Она посмотрела вверх.

— Мама.

Она не кричала. Потому что уже знала.

Гравий захрустел под колесами машины. Это привезли Бэт с начальной школы. Елена бросила портфель и побежала. Она знала, но Бэт никогда не должна узнать. Не должна увидеть. Схватив свою маленькую сестренку на руки, она промчалась мимо мужчины, который когда-то был её отцом, и выбежала на яркое солнце безоблачного летнего дня.

Она желала никогда этого не знать.

В ночь бала Елена одевалась со спокойствием и решимостью. Но прошлое душило её, словно толстое чёрное одеяло. Ей хотелось расцарапать шею, отчаянно вдохнуть воздуха, но так она проявит слабость. А здесь любой промах — свежая кровь для акул, кружащих внизу под музыку, которая звучала по всему городу.

Она развернулась и заметила мелькнувшую голубую ткань — творение дизайнера для сегодняшнего вечера. Это было платье воительницы. Одета в трусики, чёрные ботфорты на шпильке, доходящие до бедер, и с прикрепленным по всему телу оружием, Елена взяла в руки ткань. Она струилась между пальцами, словно вода.

— Ты способна склонить мужчину к смертному греху.

Она резко втянула воздух, когда увидела своего архангела в чёрных классических брюках с обнаженным торсом.

— Кто бы говорил. — Его красота совершенствовалась со временем, как смертельный клинок, веками оттачиваемый в битвах.

Взяв платье, она начала одеваться. Ткань заскользила по коже ног, приспущенный верх лежал на бёдрах. Рафаэль медленно направился к ней, глазами пожирая обнажённую грудь. Глазами, сверкающими собственничеством. Это единственное предупреждение, которое она получила до того, как на неё обрушился ураган его поцелуев, прикосновений... и ангельской пыли, просачивающейся под кожу. Когда он уже хотел прервать поцелуй — она не позволила.

— Ещё не всё. — Затем впилась в губы Рафаэля, наслаждаясь его вкусом, пока он не заструился по венам, попал в каждую клеточку.

— Ты будешь так же целовать меня сегодня ночью, — заговорил он, когда Елена, наконец, его освободила.

Ещё один вполне сносный для неё приказ.

— Согласна.

Рафаэль провел руками по её груди и поднял два кусочка ткани. Перекрестив на груди, он завязывал их сзади на шее.

— Полагаю, теперь мне не нужен макияж. — Елена облизала губы и ощутила, как сжимаются бёдра. Ангельская пыль, словно россыпь алмазов, сияла на её коже.

Рафаэль прижал ладонь к её оголённому животу, затем проверил, хорошо ли завязан узел и запечатлел поцелуй на оголённой шее. Волосы Елена подняла и туго скрутила их на затылке.

Она хотела закрепить причёску китайскими палочками, но пряди ускользали и не держали украшение. Вместо них она использовала шпильку с диким цветком на конце. Просто. Легко использовать. Трудно сломать.

Эту заколку ей подарила Сара, положила к кольцу, которое Елена попросила заказать лучшую подругу. Янтарь она достала у дилера. Он задолжал ей услугу, а она увидела уникальный камень в его личной коллекции. Балли вернул долг, так как это было делом чести, но Елена знала: он оторвал драгоценность от сердца. Правда, когда Балли увидит, к какому владельцу попал его камешек... От мысли о его круглом лице, лучащемся улыбкой, потеплело на душе.

Рафаэль играл пальцами на её животе, солнечные лучи отблескивали от кольца.

— Как твои раны?

— Беспокойся не о чём. — Бедро немного болело, напоминая о нападении Анушки, но порезы на руках затянулись.

— Ты можешь двигаться?

Она крутанулась и потянулась к ножам, спрятанным в наручных ножных из мягкой, словно бархат, чёрной кожи. Сегодня она их не прятала, а носила открыто, и будь проклят чёртов протокол. Подол платья разделился как вода, приноравливаясь к каждому движению. Елена метнула нож наблюдающему за ней архангелу. Поймав его со смертельной легкостью, он бросил его обратно. Сначала она проверила, насколько трудно будет достать пистолет у левого бедра. Убедившись, что сложностей никаких, Елена спрятала клинок в наручные ножны.

— Без проблем.

Она выпрямилась, платье плавно легло по фигуре, элегантно скрыв все разрезы.

— Каковы шансы, что мне не придётся сегодня использовать оружие?

Ответ Рафаэля пугал своей прямоотой:

— Возрождённые Ли Дзюань разгуливают по коридорам.

Бал проходил на открытом воздухе, в огромном дворе, вокруг которого располагались низкие здания, наполненные светом, едой и музыкантами. Завораживающие звуки эрху витали в воздухе. Елена огляделась по сторонам. Она не могла не восхищаться поразительной простотой всего окружающего: тонкая треугольная брусчатка, отмытая до цвета слоновой кости, сияла чистотой под ногами прохожих, тысячи фонарей различных оттенков освещали всю территорию, их сияние отражалось от ночного неба, усеянного звёздами. Цветущие сакуры — что невероятно в эту пору — раскинули свои пышные розовые ветви над придворными. Их стволы обвивали сверкающие, словно бриллианты, гирлянды. Елена сняла с волос идеальный цветок.

— Я чувствую под всем этим шепот правды, — сказала она, ощущая легкий неприятный запах разложения, смерти. — Хотя поверхность волшебна прекрасна.

— У королевы свита, о которой идёт молва. Окружение богини никогда не исчезнет из памяти.

Перед глазами Елены замелькали крылья, когда ангелы начали грациозно приземляться. Их одежда подчёркивала запредельную красоту, недостижимую простым смертным. Даже вампиры, чьи лица можно было назвать образцами чувственной симметрии, замороженно застыли. Несколько людей, которых пригласили, или которые сопровождали своих возлюбленных, старались не пялиться. Но всё четко.

Реакция Елены была бы точно такой же, если бы рядом не стоял самый неотразимый мужчина среди присутствующих. Сегодня Рафаэль был в чёрном. Строгий цвет делал его глаза более яркими. В нём сочетались красота неземного существа и жестокость короля воинов, способного без промедления пролить кровь.

— Не думал, что она появится.

Елена проследила за взглядом Рафаэля и увидела Неху. Она стояла в шелковом, ничем не украшенном, сари белого цвета со стянутыми в простой пучок на затылке волосами. Когда она посмотрела на Микаэлла, её тёмные глаза загорелись ненавистью. Микаэлла же, казалось, ничто не заботило. Она стояла под руку с Дахарием, облачённая в изысканное платье до щиколоток цвета заходящего солнца. Ангел не улыбался, его беспристрастное лицо наводило на мысли о крылатом хищнике. Но нельзя было не заметить окружающее их сексуальное напряжение.

Елена отвела глаза и столкнулась взглядом с Нехой. Архангел Индии посмотрела на них с Рафаэлем. Елена сразу же замерла. То, что таилось внутри неё, было древнее всех цивилизаций — жестокое, хладнокровное существо, бездушное и бесчувственное. Кровь застыла у Елены в жилах, когда Неха направилась к ним, но её походка была какой-то дёрганной, совсем лишённая присущей ей чувственной грациозности.

Зашуршали крылья. Эйдан и Ясон возникли из ниоткуда и встали рядом. Неха игнорировала всех, кроме Рафаэля:

— Я прощу тебя, Рафаэль, — лишённым эмоций тоном произнесла она. — Анушка нарушила наш главнейший запрет. И поплатилась за это смертью.

Рафаэль молчал, и Неха ушла, не проронив больше ни слова. Она направилась к группе вампиров с карими глазами и тёмной кожей. Их внешний вид навевал мысли о жарких древних краях, и коварной, изворотливой жестокости. Они напоминали тигров,

скрывающиеся в джунглях.

Елена убрала руку с приклада пистолета и спросила:

— Сколько правды в её словах?

— Ни грамма. — Неха будет действовать как архангел, но ненависть, словно яд, пожирает её душу.

Елена даже не подозревала, что задержала дыхание. Глубоко вдохнув, она скользнула взглядом к ступенькам, которые вели к трону. Ли Дзюань восседала на кресле, искусно вырезьбленном из слоновой кости. Позади неё стояло трое мужчин — Кси, с красно-серыми крыльями, вампир китайской наружности с безупречным лицом, и возрождённый, спасший Елену и Рафаэля в первую ночь.

Но он был не одним из своего вида. Его собратья находились в первых рядах толпы — беззвучная армия, следящая за каждым движением. Их глаза как-то странно блестели, в них отражался голод, который заставлял инстинкты Елены насторожиться. И тут она вспомнила, о чём говорилось в докладе Ясона, который она читала в классной комнате Джессами. Плоть. Они питаются плотью.

— Возрождённые окружают нас, — сказала она, удивляясь, почему другие гости не чувствуют вони разложения, затхлости осквернённых могил.

Рафаэль не отвел глаз от Ли Дзюань, но его слова дали понять, что он в курсе всего происходящего.

— Ангел, лишенный крыльев — искалеченное создание, добыча, загнанная в угол.

Елена глубоко вдохнула, в голове пронеслись воспоминания о закате в саду полевых цветов, мече Иллиума, которым он, словно серебряной молнией, отсек крылья охраннику Микаэлле. Инстинктивно Елена теснее прижала крылья к спине и бросила ещё один взгляд в сторону трона.

Ли Дзюань смотрела прямо на неё. Даже с такого расстояния Елена ощущала тяжесть её взгляда. Она не удивилась, когда архангел встала, и все сразу затихли.

— Сегодня мы празднуем новое начало. Обращение ангела. — Голос Ли Дзюань с легкостью летел по воздуху, пугающие теплые потоки воздуха разносили его над толпой.

Головы придворных поворачивались, следуя за взглядом Ли Дзюань, и Елена ощущала обращённые на неё взоры. Некоторые любопытные, другие раздраженные и недоброжелательные. И один...Кожу на затылке Елены начало покалывать. Зло. Оно касалось её. словно отвратительный поцелуй, который хочется стереть с губ, отвергнуть всем естеством. Но она стояла молча, не двигаясь. Позволила им думать, что она ничего не чувствует, позволила считать себя легкой добычей.

— Елена — уникальное существо, — продолжала Ли Дзюань, спускаясь к ним по ступенькам. — Бессмертная с сердцем человека.

Толпа расступалась перед ней...только одна парочка человека и вампира, охваченная благоговейным страхом, не успела убраться с её пути достаточно быстро.

— Адриан, — тихо позвала Ли Дзюань.

Возрождённый — с кожей цвета песков саванны — вырвал сердце у человеческой женщины и тут же, глубоко вонзив в шею клыки, разорвал ей горло. Она всё ещё стояла, когда Адриан потянулся к шее мужчины-вампира и вырвал ему глотку. Он разорвал его тело пополам голыми руками, и несчастный мужчина превратился в кучу выброшенного мяса. Мёртвая женщина лежала рядом бесформенной горой плоти, пар поднимался над её внутренностями. Адриан замешкался на мгновение, словно хотел слизать кровь,

запачкавшую его кожу, а затем вытащил носовой платок и начал вытирать пятна. Ли Дзюань прошла мимо расчлененной пары, словно ничего и не произошло, и остановилась напротив Елены.

— Некоторые считают, что человеческое сердце — недостаток, из-за которого ты утратишь дар Рафаэля.

— Лучше уж иметь человеческое сердце, чем совсем бесчувственное, — тихо ответила Елена.

на лице Ли Дзюань появилась игривая улыбка, и от этого она казалась ещё ужаснее.

— Хорошо сказано, Елена. — Она хлопнула в ладоши, подав молчаливый знак. — Чтобы отметить это событие, встречу двух существ — древнего и недавно появившегося на свет, я бы хотела преподнести тебе сувенир на память. От многовекового к юному. Подарок столь особенный и уникальный, что я скрывала его даже от своих придворных.

Боль от предыдущего подарка Ли Дзюань всё ещё разрывала душу Елены. Но она расправила плечи и не сдвинулась с места, понимая: это тест, который ей нужно пройти, иначе до конца дней её будут считать всего лишь игрушкой Рафаэля, которая когда-то была смертной.

— Филип. — Ли Дзюань бросила взгляд на вампира китайской наружности, от красоты которого перехватывало дыхание.

Филип растворился в толпе.

— Это займёт всего мгновение. — Ли Дзюань обратилась к Рафаэлю: — Как Кейр? Не видела его уже столетия.

Её попытка завязать разговор казалась какой-то нелепой, словно Ли Дзюань одела маску, которая ей совсем не подходила. Елена слышала ответ Рафаэля, но её глаза были устремлены к теням, в которых скрылся Филип. Замедленный удар сердца, и одинокая капля пота скатилась по её спине.

С каждым биением сердца зловещая аура приближалась всё ближе и ближе, она могла чувствовать её на кончике языка. Запах земли и разложения, что присущ всем возрождённым.

А так же специи, которые Елена не могла определить, теплый золотистый солнечный свет. Она знала, какой ужас увидит ещё до того, как Филип появился перед ней с симпатичным мужчиной. У него были каштановые с красноватым оттенком волосы и тёмно-карие глаза. Глаза, приглашающие женщин поддаться искушению. До того как стать вампиром, он был кинозвездой. Юные девушки обвешивали стены своих спален плакатами с его изображением, смеялись, шепча его имя.

Их глаза встретились.

"Подойди ближе, маленькая охотница, попробуй".

Эти слова отдавались в её голове хриплым шепотом, тысячами кричащих голосов, слившихся в один. Она знала, что Ли Дзюань говорит с ней, но всё, что слышала — тот вкрадчивый голос, преследовавший её почти два десятилетия.

"Беги, беги, беги. — Он со смехом перекивлял последние слова Ари, произнесенные перед смертью в попытке помочь Елене. — Она не побежит. Ты же видишь — ей это нравится".

Елена чувствовала, как кошмары закружились под её ногами, разверзлись бездонной пропастью, из которой никогда не сбежать. Они затягивали её, как и смех, отражающийся в глазах чудовища перед ней и тошнотворная радость на его лице. Словно они были связаны,

словно он имел на неё какие-то права. Ноги Елены начали дрожать, её сердце пропустило удар. Она вновь оказалась на том полу, пыталась отползти назад, но её руки постоянно соскальзывали с окровавленной плитки, не позволяя покинуть это место. Мокрое и холодное. А глаза Ари...

Ливень, чистый и сильный, обрушился на сознание Елены. Аромат моря и ветра.
"Елена, я рядом".

Эти слова, вместе с непоколебимой силой стихии, стали внезапным и резким осознанием того, что она не одна в комнате. Больше не одна. Воодушевлённая правдой, Елена отступила от бездны прошлого и сделала шаг в настоящее. Она видела перед собой Слейтера Пэталиса, это мерзкое существо, стоящее рядом с Ли Дзюань. В вырезе его рубашки Елена могла видеть гладкую, безупречную кожу, без уродливого шрама в форме буквы Y, оставшегося после вскрытия, которое проводил патологоанатом Гильдии. Она пересматривала видео снова и снова, пока не убедила себя, что он мёртв. Слишком запоздалое правосудие за то, что он у неё украл, но всё-таки правосудие. И Ли Дзюань имеет никакого права его перечёркивать, не имеет права использовать смерть Ари и Бэль, как часть игры, которая всего лишь на мгновение послужит для неё развлечением.

Елену переполняла ярость, истинная, яркая. Она звенела чистотой, не ведомой ей ранее. Монстр улыбался, пока её сестры лежали мёртвые в могилах, пока раскачивающееся тело её матери навечно запечатлелось на стене её памяти тенью, которую она никогда не сможет забыть.

Её позвоночник превратился в железо, закалённое в пламени печали.

— Эйдан, можешь на секунду опуститься на колени? — попросила Елена, зная, что Ли Дзюань не догадается о её плане, подумает, что она не посмеет.

Мгновение спустя ангел грациозно преклонил колени и опустил голову, открывая доступ к мечам, которые плотно прилегали к середине его спины. Елена вытащила один смертельно острый клинок из ножен и снесла голову улыбающегося Слейтера Пэталиса единственным точным взмахом. Страдания, длинной в два десятилетия, придали ей сил. Кровь брызнула ярко-алым фонтаном, заляпала её лицо, сделала цветки сакуры чёрными. Елена вонзила меч в его сердце и прокрутила, превращая в месиво. Затем вытащила окровавленный меч, и тело вампира, подергиваясь, с глухим стуком упало на землю.

— Она сможет воскресить его из такого состояния? — спросила Елена Рафаэля уверенным голосом, лишенным любых интонаций. Слейтер не заслуживал её эмоций, не заслуживал ничего, кроме холодной длани долгожданного правосудия.

— Всё возможно. — Синее пламя охватило ладонь Рафаэля. — Но вот этот обеспечит ему смерть без возврата.

Ужаснейший вампир-убийца на их памяти превратился в горстку тёмно-серого пепла. Всё это заняло несколько секунд. Продолжая держать меч, Елена посмотрела в глаза Ли Дзюань.

— Мои извинения. Но подарок мне не понравился. — Её слова разорвали тяжелую тишину.

Архангел Китая подошла и стала напротив Елены, прах тела Слейтера Петалиса лежал между ними. Призрачный ветер развеивал волосы Ли Дзюань.

— Ты загубила мое развлечение на корню.

— Если кроме смерти тебя больше ничто не интересует, то, возможно, пришло время прекратить вмешиваться в мир живых, — произнёс Рафаэль резким тоном.

Ли Дзюань смотрела на него почти белыми глазами, без радужек, напоминающими бесконечную перламутровую равнину.

— Нет, мне ещё не время Спать. — Она подняла руку и провела тыльной стороной ладони вдоль лица возрождённого со смуглой кожей, который подошел и встал рядом с ней. — Адриан также ещё не готов умереть.

Воздух наполнился силой, от которой кожу Елены начало покалывать. Она почувствовала, как вокруг Рафаэля появилось сияние, услышала, как Эйдан поднялся и обнажил оставшийся меч. Ясон вышел из теней. Елена знала: сегодня они все могут погибнуть в этой битве.

"Смерть — невысокая цена, чтобы остановить Ли Дзюань", — мысленно сказала она Рафаэлю.

"Такая смелая, моя охотница", — его слова коснулись её подобно поцелую.

Она вернула меч Эйдану и вытащила пистолет, не предназначенный для убийства вампира, но способный замедлить архангела, хоть и на короткое мгновение. Справа от Рафаэля Елена увидела всполох знакомой силы. Микаэлла оказалась рядом с Рафаэлем. Ещё одна вспышка. И ещё одна, и ещё. Илия, Титус, Кэризмнон, Фаваша, Астаад. Что бы не заставило других архангелов присоединиться к борьбе против Ли Дзюань, их совместная мощь была подобна взрывной волне жара. И если бы Елене не стояла между Рафаэлем и Эйданом, то вылетела бы за пределы их круга.

Повел ледяной, пронизывающий ветер. Такая огромная сила, от которой веяло смертью. Ли Дзюань рассмеялась:

— Значит, вы все выступите против меня, — проговорила она, удивление звучало в каждом слове. — Вы даже понятия не имеете, что я такое.

Сила Ли Дзюань казалась арктическим штормом по сравнению с жаром других. Елена с ужасом осознала, что Рафаэль был прав. Старейшая из архангелов, возможно, обрела истинное бессмертие, перешагнув за порог смерти. Как только эта мысль пронеслась у неё в голове, она увидела глаза Адриана.

Бархатисто-чёрные, такие спокойные, терпеливые... и наполнены болью. Елена поняла, что он знает, понимает, кем стал. И всё же, его преданность горела пламенем столь ярким, что смотреть на это было тяжело. И пока Елена наблюдала, он встал у Ли Дзюань за спиной и обнажил её шею, поднимая волосы. Казалось, архангел не заметила — или, возможно, не оттолкнула его из-за того, что считала своим созданием. Так что когда Адриан склонил голову и коснулся губами кожи Ли Дзюань, Елена посчитала этот жест всего лишь жутким поцелуем, поклонением богине.

И тогда она увидела одинокую кристально-чистую слезу, скользящую по полуночной коже Адриана. Елена подумала, что он любил её, но пленённый внутри безмолвной оболочки — дара архангела Китая, также видел, каким чудовищем она являлась.

Ли Дзюань начала истекать кровью ещё до того, как его слеза докатилась до подбородка. Две тонкие красные струйки зазмеились вниз по её телу, впитываясь в прозрачную ткань платья. Яркие ручейки цвета на раскалённом до бела сиянии силы.

Ли Дзюань покачнулась.

— Адриан? Что ты делаешь. — Из-за удивления её голос прозвучал как у обычного человека.

— Он убивает тебя. — ответил Рафаэль. — Ты создала собственную смерть.

Ли Дзюань отбросила его одним движением руки. Тело Адриана врезалось в Фаваша, и

они оба упали на землю. Через мгновение архангел Персии уже была на ногах, но возрождённый так и остался лежать.

— Я — смерть, — произнесла Ли Дзюань. Её голос крепчал, хотя платье всё больше пропитывалось кровью. — У вас нет прав на этой земле. Уходите, и я вас пощажу.

Илия покачал головой:

— Твои возрождённые заражны.

Елена проследила за его взглядом, и её глаза округлились от ужаса. Человеческая женщина, которую убил Адриан, пыталась подняться на ноги, цепляясь пальцами за плитку на полу. Люди вокруг смотрели и не верили в то, что происходило. Боже правый.

Неха, ближайшая соседка Ли Дзюань, вступила в круг. Она, наконец, нашла, на кого выплеснуть свою ярость.

— Я не позволю этой чуме распространиться на мои земли.

Ли Дзюань взмахнула рукой, и на груди и лице каждого архангела появились кровоточащие порезы.

— Похоже, пришло время лишь одному архангелу править миром.

Елена гадала, осознает ли архангел Китая, что из её раны всё ещё струится тёмная, почти чёрная кровь. Она посмотрела в сторону безжизненного тела Адриана. Обращение в вампира происходило, когда тело человека наполнялось токсином, пагубным для ангелов. При нормальном ходе вещей этот токсин и обращал человека в вампира, становясь безвредным для всех. Но, что произойдёт с ядом, если воскресить вампира из мёртвых? Он изменится? Рафаэль коснулся крыльев Елены своими, подтверждая её догадку. Похоже, токсин тоже перерождается, причём обретает более сильную и смертельную форму. Способен ли он её убить? Нет. Но победить её будет легче.

Рафаэль прикоснулся к её разуму. "Ты не выживешь в этом сражении. Уходи из зоны поражения и забирай с собой остальных".

Сердце Елены было готово разбиться.

"Если ты умрёшь, я заставлю её вернуть тебя обратно".

"Ты не поступишь так со мной. И я не намерен здесь погибать, ведь ещё не показал тебе, как танцуют ангелы".

Елена всеми чувствами ощутила прикосновение моря и ветра. А затем Рафаэль исчез из её головы. Отбросив волнения и боль, она кивнула Эйдану, готовая сделать то, чего от неё требовал её архангел. Вместе с Ясоном и, во что сложно поверить, с Назарахом и Дахариэлем, им удалось расшевелить придворных. Большинство покинуло это место. Возрождённые остались.

— Убейте всех... — приказала Елена, затолкав жалость в самый дальний угол сознания. — Если Ли Дзюань решит призвать их...

— То сможет обездвигить Рафаэля и других членов Совета. — Ясон посмотрел на пистолет в её руке. — Чтобы уничтожить их быстро, проще всего обезглавить. — Он вытащил сияющий черный меч из спрятанных на спине ножен, которые Елена не замечала до этого момента. — Стреляй в сердце, Елена. А мы позаботимся обо всём остальном и обеспечим истинную смерть.

— Отлично. — Она начала стрелять. Оказалось, пистолет, созданный, чтобы рвать в клочья крылья ангелов, не настолько эффективен для поражения возрождённых людей и вампиров, как обычный, но со своей работой он справлялся. Когда пули закончились, Елена достала ножи.

Это задание было жестоким... и в то же время грустным. Без непосредственного контроля Ли Дзюань возрождённые не знали, что им делать. Так что большинство просто оставалось стоять на месте. Несколько из них попробовали бежать, но даже такие попытки были жалкими. Елене не нравилось то, что она делала, но нужно было завершить начатое. Ведь если возрождённые начнут питаться и оставят своих жертв мертвыми, но целыми, те восстанут. И тогда убийственная волна возрождённых захлестнёт мир. Если хоть один из них

это поймёт...

В тот миг, когда Елена занесла руку, на неё уставилась пара уставших синих глаз. И когда нож вонзился в сердце, в них отразилась только благодарность. Затем Ясон снес ему голову с плеч — черное лезвие, охваченное пламенем, меньше, чем за десять секунд превратило возрождённого в угольки. Елена посмотрела на клинок, а затем на ангела, который, казалось, был порождением самой тьмы.

— Дело сделано. — Эйдан спрятал мечи в ножны, порубив тех, кого не сжег Ясон, на аккуратные куски.

Назарах и Дахариэль использовали собственные методы, но в конечном итоге во дворе не осталось никого живого кроме их маленькой группы и Совета.

— Похоже, время уходить. — Назарах протянул Елене руку. — Наконец я получу свой танец.

— Я сама могу лететь. — Да она скорее перережет себе горло, чем куда-нибудь пойдёт вместе с ним.

Янтарноглазый ангел склонил голову.

— Тогда, надеюсь, ты подаришь мне танец, когда мы встретимся в следующий раз.

Назарах улетел, а Дахариэль подождал, пока он скроется из виду и только тогда произнес:

— Если Рафаэль выживет, то передай, что он может забрать вампира, которого хотел купить себе в услужение. Всё равно парень слишком сломен, и мне от него больше никакой пользы. — Как только последние слова слетели с его губ, он взмыл ввысь.

— Нам нужно уходить, — проговорил Ясон таким напряженным голосом, что Елена с трудом его узнала.

Она оглянулась и увидела лишь марево белого жара. Невидимая стена блокировала все попытки соединиться с разумом Рафаэля. Сердце Елены сжималось, но она ушла. Потому что её архангел так захотел. И он очень сильно разозлится, когда вернётся — а он обязательно выживет и вернётся — и вдруг найдёт её хладный труп. Мощь за их спинами возрастала, стремительно приближаясь, практически наступая на пятки, адское пламя накатывало обжигающими волнами.

Пока Елена взбегала по небольшому лестничному пролету, Ясон и Эйдан не отставали ни на шаг.

— Слишком низко, — закричала она, понимая, что не сможет взлететь.

С обеих сторон её подхватили под руки, и она как раз вовремя сложила крылья. Ясон и Эйдан взмыли ввысь, и в тот же миг оглушающая тишина наполнила воздух — силу затянуло в возникший вакуум, а затем выбросило наружу. Она угрожала раздавить их, но, каким-то чудом, два ангела смогли взлететь.

— Можете меня отпускать!

Ясон и Эйдан подождали ещё несколько секунд и лишь затем послушались. Крылья Елены раскрылись инстинктивно, немного загнувшись вперед на концах, словно в попытке избежать столкновения с преследовавшей их смертью.

Волны жара неслись по воздуху, одна опаснее другой. Елена видела, как вампиры падали, убегая, а ангелы взлетали выше в попытке спастись, слышала крики людей, когда их дома охватывало пламя. Но Ясон и Эйдан упрямо отказывались оставлять её, хоть она была слабее и двигалась медленнее. Пламя обожгло ей затылок. Бросив взгляд через плечо, Елена увидела, как их настигает адский огонь.

— Вниз, — закричала она. — Вниз!

Взрывная волна врезалась в них с силой двухтонного грузовика, смяв их крылья и бросив на землю подобно кусочкам стекла.

* * *

Убить Ли Дзюань невозможно. Рафаэль осознал это с первой волной её силы. Это создание, существующее на границе двух миров, совмещало в себе жизнь и смерть. По плечу Ли Дзюань всё ещё стекала чёрная, вязкая кровь, но сама она становилась только сильнее, а её крылья продолжали сиять, пока полностью исчезли. Остальные члены Совета взмыли ввысь вместе с ней, удерживая ослепляющую волну, способную уничтожить весь мир. Скорее всего, погибли уже тысячи. Если они прекратят сражаться, если позволят высвободить абсолютное неистовство её силы, количество жертв превысит миллионы. Миллиарды.

Но его собратья архангелы сражались не поэтому. Человеческие жизни для большинства из них ничего не значили. Они боролись за собственные жизни и ещё потому, что Ли Дзюань совершила ошибку. Рафаэль чувствовал их потрясение при виде того, как Адриан разорвал вампира, которому не посчастливилось попасть под очарование Ли Дзюань. Кровь, смерть стали для них обыденными вещами. Но власть, которую архангел Китая имела над возрождёнными, их сила в сравнении с силой вампиров...никто не желал встретиться лицом к лицу с такой армией.

И тот факт, что такая армия подобна чуме, способной уничтожить их всех, стал последней каплей.

"Вы не сможете меня остановить. Я не позволю".

Голос Ли Дзюань звучал в их головах, видимое здравомыслие её слов тревожило больше, чем жестокость Урама в последние минуты сражения над Нью-Йорком.

Теперь Пекин пылал в огне под ними, и где-то на его руинах лежала Елена. Первобытное естество Рафаэля рвалось к ней, но он не сдвинулся с места. Потому что именно этого ожидает от него его воительница с человеческим сердцем.

Рафаэль почувствовал, как одно из сухожилий в левом крыле разорвалось под напором силы, накатывающей на них снова и снова. Только у Фаваша, которая была младше него, появились похожие повреждения.

"Она станет причиной твоей смерти. Сделает тебя смертным".

Рафаэль стал слабее, но в то же время обрел силу. Он посмотрел в лицо Ли Дзюань, с которого слетела маска человечности, обнажив ужасающую тьму, и скомандовал:

— Сейчас. — Он обращался к архангелам, окружившим Ли Дзюань, зная, что она ничего не слышит. — Сейчас.

Яростный каскад силы обрушился на одну цель. Тело Ли Дзюань выгнулось от удара, и на одно короткое мгновение небо прояснилось. Когда тьма снова закрыла солнце, Ли Дзюань просто исчезла, Запретный Город превратился в выжженный кратер, а Пекин стал воспоминанием для людей и бессмертных. Стенания умирающих заглушало лишь безмолвие мёртвых.

Рафаэль нашел Елену под крыльями Ясона и Эйдана. Двое из его Семерки лежали бе-

сознания с вывернутыми ногами. Такие повреждения — сущий пустяк для бессмертных их возраста. Они выживут. Елена же была намного моложе. Но она обладала волей рождённой охотницы. Подняв с твёрдой земли её истерзанное тело, Рафаэль почувствовал упрямый проблеск воли к жизни. Израненные руки, лицо всё в синяках, но... Он провел рукой вдоль её тела и ощутил лишь несколько повреждений. Незначительных. Даже для такого юного ангела. Ему стоило позволить ей отдохнуть, но он не мог вынести тишины.

"Елена".

Её ресницы затрепетали.

Рафаэль не мог ускорить её исцеление, так как использовал всю силу, чтобы удержать Ли Дзюань. На восстановление ему потребуется время.

"Моя охотница".

Бледные серебристые глаза смотрели прямо на него. И тогда, прижимая Елену к сердцу, Рафаэль подумал, что нет агонии сильнее, нежели любовь.

Рафаэль совсем не удивился, когда на прозрачной поверхности небольшого озерца за пределами Убежища, наполненного дождевой водой, возникло изображение Ли Дзюань. Он присел на его краю пока Елена, завернутая в одеяло, грелась под восходящим солнцем, подняв лицо к его тёплым лучам. Но, как только архангел Китая появилась, Елена, хоть и не могла её видеть, сразу же посмотрела в их сторону.

— Я жива, Рафаэль. — В голосе Ли Дзюань раздавались миллионы стенаний и бесконечное молчание. — Ты разве не напуган?

— Ты эволюционировала, — произнес он. Её рука растворилась в тумане, лицо частично пропало, а затем появилось вновь. — Ты больше не нуждаешься в теле. Земные заботы тебя не волнуют.

Раздался смех, шепот и что-то ещё, что-то, навевающее мысли о ласках под покровом ночи, когда проливается тёплая свежая кровь.

— Я убила оставшихся возрождённых. — Форма Ли Дзюань стала более четкой, она выглядела почти нормальной. — Иногда, мне всё же нужна плоть.

— Зачем ты мне рассказываешь? — спросил он. — Это твое слабое место.

— Ты нравишься мне, Рафаэль. — Архангел улыбнулась, и вода в озере начала замерзать, а её изображение заледенело. — И твоя охотница всё ещё мне интересна.

Он смотрел в нечеловеческие глаза Ли Дзюань и гадал, сколько в её словах правды.

— Чтобы эволюционировать нужно умереть?

— Спроси меня об этом, когда мы встретимся в следующий раз. Возможно, я отвечу.

— Ты находишься на границе жизни и смерти. Что ты видишь? — спросил он.

— Тайны, вопросы, прошедшее и грядущее. — Она загадочно улыбнулась. — Мы ещё поговорим. Ты и вправду мне нравишься, Рафаэль.

Слова Ли Дзюань ещё звенели в воздухе, хотя её изображение уже исчезло. Рафаэль встал, взял Елену за руку и аккуратно поднял её на ноги. Когда она посмотрела на него, в её глазах отражалась тревога.

— Ли Дзюань?

— Она нам не угроза. — Он теснее прижал Елену к себе. — Думаю, пока Ли Дзюань мало интересуют проблемы этого мира. На её лице играла жуткая улыбка, похоже, она с радостью изучает новый мир, новое место существования.

— Меня это устраивает. — Елена глубоко вздохнула, высвободила руки из-под одеяла и обняла Рафаэля. — Я хочу домой, Архангел.

Рафаэль провел рукой по её бедру, гадая, готов ли Нью-Йорк принять охотницу, ставшую ангелом.

— Мы выдвигаемся со следующим рассветом.

Конец книги!!!

Больше книг на сайте — Knigolub.net